

Тюменская область

№2

Декабрь
2018

Жур

83

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ЛИФФТ

Жур

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ
2018

Мargarита
Аль

Екатерина
Володина

Главный редактор: Margarita Аль

Региональный редактор по Тюменской области: Екатерина Володина

Ответственный секретарь: Ирина Дмитриенко

Связь с регионами: Марина Александрова

Связь с общественностью: Анвар Альмухаметов

Мастет: Виктор Гоппе

Компьютерная верстка: Дмитрий Филатов

Журнал ЛиФФТ Тюменской области №2

Приложение Первого Всероссийского литературного журнала ЛиФФТ.

Адрес редакции:

175487, Тюмень, пр-кт Андропова, 31/59

+7(916)524 56 62,

e-mail: info@liff.ru

Тюменская область

тел.: +7 (982) 968 38 72,

e-mail: zubarevo72@mail.ru

Учредитель: ООО ДООС

При поддержке Фонда содействия развитию культурных проектов ЛиФФТ
Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами.

В журнале могут быть использованы материалы и фото, находящиеся
в свободном доступе в интернете.

Печать ГАУК ТОНБ

625000, Российская Федерация,

Тюменская область, г. Тюмень, ул. Орджоникидзе, 59

Телефон 8(3452) 565-300, доп. 1192, 4123

ISBN 978-5-6041501-5-3

УДК 82

ББК 95

© Редакция журнала «Первый Всероссийский
литературный журнал ЛиФФТ»

© Редакция регионального журнала
«ЛиФФТ» Тюменской области

Содержание

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Главный редактор Маргарита Аль	4
Региональный редактор Екатерина Володина	5

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

Тюмень	6
Тюменский район	46
Ишимский район	60
Армизонский район	70
Тобольский район	76
Ялуторовский район	80
Сладковский район	84
Уватский район	92
Нижнетавдинский район	96
Ярковский район	102
Ханты-Мансийский автономный округ	112
Ямало-Ненецкий автономный округ	148

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

По направлению к катарсизму	162
-----------------------------------	-----

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА (Обзор литературных событий Тюменской области)

Золотая медаль за литературные достижения – из Сочи в Тюменскую область	168
Тюменская писательская организация отметила 55-летие научно-практической конференции	171
Традиции и реальность: формы работы с массовым читателем	174

КРАЕВЕДЕНИЕ

178

ГОСТИНАЯ ЖУРНАЛА ЛИФФТ

Белоруссия	188
------------------	-----

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

192

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

196

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР МАРГАРИТА АЛЬ

Дорогие друзья! Писатели и читатели! Три года назад были сделаны первые шаги на пути взаимодействия литераторов регионов РФ. Сегодня у нас тысячи единомышленников. А первые постулаты литературного движения ЛиФФт остались неизменными: Открытость, доступность, толерантность, равенство условий, перспектива развития, взаимодействие, взаимопомощь. Наш манифест: «Мы люди одной планеты»

Стремительное развитие проекта – результат назревшей необходимости нового видения. Не нефть и золото, а творческий потенциал россиян! Слово и ещё раз слово!

И пока наверху разбираются, кто главнее и нужнее, мы продолжаем творить и читать; издавать книги, журналы, альманахи; проводить форумы, фестивали, творческие встречи.

Мы научились планировать. Наш проект расписан на 20 лет: ЛиФФт 2015-2035. И если начали со Всероссийского формата, то сегодня взаимодействуем с районами, регионами, евразийскими странами и международными литературными сообществами.

За нами народная дипломатия. Мы готовы к сотрудничеству и открыты для переговоров. Наши литературные площадки принимают писателей и читателей независимо от того, в каких странах они живут, в каких союзах, объединениях состоят, на каких языках говорят, каким конфессиям отдают предпочтение. Критерий один: любовь к Слову.

Сегодня нас поддерживают Ассамблея народов Евразии и Ассамблея народов России (организаторы III и IV Евразийского фестиваля ЛиФФт-2018-2019), Фонд Русский мир (Партнёры Евразийского фестиваля ЛиФФт-2017-2019), Союз Писателей России (Всероссийский Литературный фестиваль фестивалей ЛиФФт-2019 при содействии СПР), Союз Российских Писателей (соорганизаторы литературных фестивалей ЛиФФт2016-2019) и другие организации.

Обращаюсь к вам дорогие друзья! Тюменские писатели и читатели! Благодарю за поддержку Международного литературного проекта ЛиФФт и поздравляю с выходом второго издания ЛиФФт Тюменской области.

Проект развивается, развивается стремительно, это стимулирует творческие процессы. Во многих регионах России уже нет разговоров – меня не печатают, меня не приглашают, а есть понимание: требуется одно – качество текстов, новации и эксперименты.

История вашего края заслуживает великих поэтов и прозаиков. В преддверии IV Всероссийского литературного фестиваля фестивалей ЛиФФт обратите внимание именно на этот аспект. Ждём на конкурс ваши произведения. Пусть творческие площадки фестиваля будут заполнены голосами истории Тюменской области.

РЕДАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛА «ЛИФФТ» ПО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ЕКАТЕРИНА ВОЛОДИНА:

Дорогие друзья!
Авторы и читатели литературного журнала «ЛиФФТ»!

Перед вами второй номер тюменского регионального литературного журнала «ЛиФФТ». Спасибо всем нашим авторам, художникам, фотографам, помощникам, всем лиффтйцам, всем тем, кто так ударно работал над вторым номером регионального литературного журнала «ЛиФФТ»!

Большое количество текстов, присланных нам как известными мастерами слова, так и начинающими авторами, показывает, что литературная жизнь в Сибири идет активно, а интерес к живому слову здесь не утрачен даже в эпоху Инстаграмма и Вайбера. Наряду со знакомыми именами мэтров на страницах журнала появились новые имена молодых талантливых авторов: Ил-Лиорве Талиессин, Екатерина Битюкова, Данил Шум, Суворова Олеся и другие. Надеюсь, что наш журнал станет стартовой площадкой для молодых тюменских поэтов и прозаиков, и именно с этих страниц они начнут свою литературную карьеру. Журнал оказался важным и востребованным во всём Тюменском регионе. В нём печатаются тюменские литераторы, а также авторы из ХМАО и ЯНАО.

Хочу напомнить, что лучшие произведения из регионального выпуска будут напечатаны во Всероссийском журнале «ЛиФФТ»; все авторы нашего журнала получат приглашения на литературные фестивали ЛиФФТ-2019, которые пройдут в конце июля в городе Тюмени и в конце сентября в Республике Азербайджан, в городе Баку.

Всероссийский Фестиваль ЛиФФТ-2019 в Тюмени пройдет при поддержке Ассамблеи народов Евразии и Правительства Тюменской области. В мероприятии примут участие — писатели, поэты, драматурги, литературные критики, деятели культуры. Организаторы Фестиваля «ЛиФФТ-2019»: Фонд ЛиФФТ, Ассамблея народов России.

До встречи на IV Всероссийском Литературном Фестивале «ЛиФФТ»!

Желаю Вам приятного и полезного чтения!

Тюмень

Владимир
Герасимов

Милла
Романова

Лесяда
Ткачук

Набережная реки Туры

Александр
Мищенко

Наталья
Полтавченко

Екатерина
Битокова

Сергей
Падышев

Талиессин
Ил-Лиорве

Тюмень – административный центр Тюменской области, первый русский город в Сибири. Основан в 1586 году. Несмотря на удаленность от центра, город активно развивает промышленность и инфраструктуру, является привлекательным для проживания, и для вложения инвестиций. Занимает 18 место среди городов России по численности населения.

Тюмень – нефтегазовая столица Сибири, но, в отличие от многих индустриальных городов, это также культурный и исторический центр, привлекательный для туристов. Своим появлением город обязан покорителю Сибири Ермаку, который четыреста лет назад освободил эти места от ставленников Орды. До этого в течение трех веков здесь располагалась столица Тюменского ханства Чинги-Тура. Об основании города рассказывают летописцы: «Лета 7093 (по новому летоисчислению – 1586 год) посланы воеводы с Москвы Василие Борисов Сукин, да Иван Мясной, да письменной голова Данило Чулков с тремя sty человек, поставиша град Тюмень июля в 29 день». Город заложил в хорошо укрепленном месте, на мысу, защищенном оврагами и двумя реками с обрывистыми берегами, и не напрасно: в начале своей истории Тюмень несколько раз атаковали армии кочевников. Первые следы пребывания человека на территории современной Тюмени обнаруживаются на берегах Андреевского озера (козловская и кошкинская археологические культуры эпохи неолита) и на левом берегу Туры (саргатская культура раннего железного века). Современную Тюмень называют городом контрастов, причём в самом лучшем смысле. Газовые и нефтяные скважины гармонично соседствуют с экологически чистыми термальными источниками природного происхождения, располагающимися недалеко от черты города. Активный отдых и оздоровление легко совмещаются с экскурсиями по городу, во время которых вашему взору предстанут старинные купеческие особняки, имеющие статус памятников архитектуры, златоглавые церкви, великолепные парковые зоны и набережная Тюмени – единственная в России имеющая четыре уровня и одна из самых красивых в нашей стране. В последнее воскресенье июля тюменцы отмечают День города.

ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВ

СТАРЫЙ ЗВОНАРЬ

Он поднимается сюда уже устало,
Но к небесам поднявшись, он живет.
Пусть говорят, что жить осталось мало –
Здесь сердце старое опять в груди поет.

Он смотрит с высоты на землю эту
И трижды осеняет все крестом.
Он помнит все отцовские заветы,
Что привели когда-то в Божий дом.

Его душа, колокола ликуют,
Когда он сотворяет благовест.
И этот звон повсюду всех чарует,
И жизнью наполняет все окрест.

Звонят, переключаясь по России,
Чудесных мастеров колокола.
И звон плывет в спокойном небе синем,
И с ним вершатся добрые дела.

Звонарь под небом –
Господа избранник,
Надежду всем живущим подает.
Он как поэт – порою сердцем странник,
И грешных нас к прекрасному зовет.

НА ЧУЖБИНЕ

В деревеньках глухих их
обманом скупали поштучно,
Воровали в церквях,
контрабандой везли за кордон.
Мироточили лики скупыми
слезами беззвучно,
Осуждающим взглядом смотря
с православных икон.

Продавало ворье свою память
и честь своих предков,
Торговало историей
Древней великой Руси.
Церковь предали в ней же
крещеные «детки»,
Променили на пошлость
и грязь, что несла Би-би-си.

А теперь, словно узники
чуждых заморских музеев,
Запах ладана, песни родные
уже подзабыв.
Руки тянут с чужбины
нам лики святые,
Лишь слышав с востока
славянский мотив...

Их потухшие очи страдают
в окладах богатых,
На холодный восток все
с надеждой и верой глядят.
Что родная земля заберет
их обратно когда-то,
И увидят они, как открыто
на родине крестят ребят.

МЫ БЕЗ ПРОШЛОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕМ...

Почему, не простившись,
 уходит бывшее,
За собою тихонечко двери
 прикрыв,

Про себя рассудило:
 живут пусть в покое,
А про душу и сердце совсем
 позабыв.

И пропали куда-то
 соловьиные трели,
Что весной в краю отчем
 ночами звучат.

В синеву не уносят
 под вечер качели,
Замолчали гитары тех
 наших ребят.

И не слышно в округе
 уж песен задорных,
И не падают звезды
 в озерную синь.

И не слышно в полях уже
 гула моторов,
Не курлычет вдали
 улетающий клин.

И не слышно волны,
 что тогда так манила,
И не радуется больше
 над лесом закат.

И не слышно ручья,
 что в овраге струился,
И не манит в сады золотой
 листопад.

Не поет за окном больше
 ветер весенний,
И затих в прошлом шепот
 любимых девчат,

И никто не крадется
 к девчонкам с сиренью,
Не выходит и мать
 за калитку встречать.

Не протянет отец
 снова крепкую руку,
Чтоб не видели слез,
 он к себе не прижмет.

Пусть вернет опять
 прошлое эти минуты,
На мгновение только,
 но все же вернет.

Вот и юности песня совсем
 не тревожит,
Не зовет, не волнуется
 девчонки окно.

Мы не можем так жить,
 да и сердце не сможет,
Без того, что случилось
 когда-то давно.

СЕРДЦЕ ГОРЬКО ПО УШЕДШИМ ПЛАЧЕТ...

Осенним днем
 в подземном переходе
 Солдат безногий о войне поет
 О той кровавой огненной дороге,
 Что, как змея, к Салангу
 вверх ползет.

Он о друзьях поет,
 что там погибли,
 Как бензовоз взорвался
 на глазах.

И как свечой сгорели
 сотни жизней,
 Про души их, что где-то
 в облаках.

Как нависали горы над друзьями,
 И что до пропасти тогда
 был только шаг,

И как к туннелю
 двигались часами,
 А сверху поливал
 свинцом их враг.

И про туннель,
 что уносил их жизни,
 Он сущим адом на войне той был.
 Но шли они –

 таков приказ Отчизны,
 Там впереди бои, Баграм, Кабул.

А рядом скрипка,
 надрываясь, плачет,
 И душу рвет все песня
 про Кавказ.

Поет солдат, он глаз слепых
 не прячет,
 Он спас Россию –
 был такой приказ!

Бросаем деньги, слезы вытирая,
 Крестом святым мы осеняем их.
 А жизнь вокруг кипит
 совсем другая,

Она идет, но нет друзей в живых.

Подходит мальчик:
 – Что ты, дядя, плачешь?
 А мне сказали, нет давно войны.

Солдат ответил: –
 Это сердце плачет,
 От счастья плачет,
 что ты видишь сны!

МИЛА РОМАНОВА**ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ**

Я не поэт. И не икона стилиа.
 Мой путь по миру – золотая миля.
 Мои слова – лишь всплески
 между строчек.

Но я жива. Среди тире и точек.
 Я не права. Но чувствую и знаю,
 Что по ночам во сне еще летаю.
 Ни злобы нет. Ни зависти.
 Ни мести.
 Душа чиста. Для доблести и чести.
 Да, я люблю: поля, деревья, море
 И рядом с вами в радости
 и в горе.

Пусть не права. В эпоху одиночек
 Мои слова – лишь всплески
 между строчек.

Я не поэт. Вы не судите строго.
 Лишь ручка, карандаш в руках
 у Бога.

Все станет пеплом.
 Поздно или рано.
 Вернусь. Как исцеление для раны.

Пахнет горькая полынь,
 В небе ранняя звезда...
 Если ты полюбишь жизнь,
 То она ответит: «Да!»
 Если ты ее вдохнешь
 Свежим таяньем снегов,
 Навсегда исчезнет ложь
 Громких, но ненужных слов.
 Если прикоснешься к ней
 Летней луговой травой,
 Станет просто чуть светлей,
 Стихнет мир. Придет покой.
 Или запахом ее
 Ты себя наполнишь вдруг,
 Сердце оживишь свое,
 А оно – твой лучший друг.
 Кружит лист. А в небе синь,
 Время, как вода, течёт.
 Если ты полюбишь жизнь,
 То она тебе споет!
 Первым снегом заметет
 Все тропинки без следа,
 Успокоит и поймет,
 И всегда ответит: «Да!»
 Пахнет горькая полынь
 Нежно, трепетно, наивно...
 Если ты полюбишь жизнь,
 Вдруг поймешь – любовь взаимна.

ОСЕНЬ

Осень-время, когда ночью снятся
прозрачные сны,
Когда ветер гуляет с зонтом
под дождя пеленою,
Когда жёлтые листья, как бабочки
в свете луны
То взмывают наверх, то порхают
над самой землёю.
Когда утро темнее,
чем было неделю назад,
Гуще вечер, а звезды,
как будто цветов отраженье,
И в толпе мимолетный, но важный
и значимый взгляд.
Возрожденная радость
и радостное возрожденье...
Когда пахнет корицей
и хочется кофе с утра,
А перчатки и шляпа опять
у дверей на комодке,
Когда светлое ЗАВТРА укрылось
в уютном ВЧЕРА.
Завершается круг. В каждой жизни,
судьбе и природе.
Дождь с дождихой играют.
Пусть мокро, но очень светло.
Лучик солнца подарит удачу
улыбкою Бога.
Осень – время, когда всем и каждо-
му нужно тепло
И чуть больше любви, пусть сов-
сем на чуть-чуть, на немного...

ОБАВНИЦА*

Я немножко знахарка и травница,
Но не это – главный момент.
Ведь еще я, мой милый, обавница
Из далеких славянских легенд.
Я живу там, где чудо-чудесное:
«Обернуться» могу, «обаять».
И что главное и интересное:
От меня никуда не сбежать.
Кровь прабабок бурлит и тревожится.
Космос? Атом? Увы, ерунда.
В моих жилах мозаикой сложатся
Камень, воздух, огонь и вода.
Знаю зелье я то – приворотное,
Знаю я, что не знает никто.
Ты не бойся. Простое, народное
То славянское. Русское то.
Словно яркою ниткою красною
Обмотала, с собой увела...
Помнишь в сказках?

Еленой Прекрасною,
Василисой Премудрой была.
Помогла тебе тайны разгадывать,
Путь пройти, главный приз получить,
И в лицо смерти храбро заглядывать,
Потому что умею любить.
Я немножко знахарка и травница,
На рубахе - славянская вязь.
Да, мой милый, коль рядом обавница,
Значит сам ты, как минимум, князь!

*так древние славяне называли женщин ведающих, обладающих особыми способностями)

ЛЕОНИД ТКАЧУК**СЕМНАДЦАТЫЙ**

Далеко в степу полынном,
У России на краю,
Повстречались батька с сыном
В смертном сабельном бою.
И друг друга враз признали –
И врага врагу не жаль.
Ах, ты доля, доля злая!
Не к добру блеснула сталь!
Юность жалости не знает.
Батьки дрогнула рука.
Ах, ты, доля, доля злая,
Подвела ты казака!
Впрок, видать, мальцу с пелёнок
Школа батькина пошла –
Как в степу, в степу орлёнок
Наземь сшиб с небес орла.
Сеча жаркая угасла –
Всюду груды мёртвых тел.
Белый стал от крови красным.
Красный с горя побелел.
Батька – белый, сын - за красных.
Мать-земля, приют готовь.
Сколько ж можно лить напрасно
На войне гражданской кровь!..

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ЕМЕЛЬЯНА

До чего ж ты сторона
Непонятная!
До чего же ты сильна
На попятную!
Будешь мучиться, терпеть,
Богу кланяться.
Позовёт набата медь –
Будешь каяться.
Выдашь всех своих вождей
На закляние –
Мол, заступник – лиходей,
Птаха ранняя.
Поделом топор да плеть
Татю злобному!
Соберёшься поглазеть
К месту лобному...
Донесётся из-под стрех
Слово бранное.
Ночью смоят тяжкий грех
Слёзы пьяные...

ПЛАЧ ПО МАТУШКЕ

За окошком ночка темным-темна.
 Мама пригорюнилась у окна.
 А в напоминание моей вины
 На висках не тает снег седины.

В передрягах грозных, как ни крути,
 В материнский дом приведут пути.
 За подмогой к матушке я бегу –
 Отведи, родимая, грусть-беду!

Но забыт-заброшен наш старый дом.
 Крепко спит родимая под крестом.
 Слёзы, что текли по моей вине,
 Возвращаю матушке я вдвойне...

Небо сверху сыплет сплошную соль.
 Как растает – речкою станет боль.
 Но рекою слёзною – вот беда! –
 Не доплыть до матушки никогда.

ТРИ ДОРОГИ

Привела меня дорога к выбору –
 В долгих думах пухнет голова.
 Три пути. И перепутье с глыбою.
 А на глыбе выбиты слова:
 «Направо пойдешь –
 И погибнет товарищ.
 Налево пойдешь –
 И любовь потеряешь.
 Стойма простоишь –
 Ни за грош пропадешь.
 И с плеч голова,
 Если прямо пойдешь».
 Правая дорожка вся утоптана.
 Левая – широкое шоссе.
 И по ним народ спешит за опытом.
 На прямой – трава во всей красе!
 А пойду-ка я прямой дорогою.
 Вбок свернуть – душою покривить.
 Потопчу-ка я траву высокую –
 Черт не так уж страшен, может быть.
 Для чего мне жизнь пустая, зряшная?
 Испытать пора свою судьбу...
 Я проснулся от удара страшного
 У кровати с шишкою на лбу.
 Утром вышел – нет распутия
 с глыбою.

Пыльный путь и голубая вьсь.
 Вдаль шагай, и нет иного выбора –
 Все пути в один переплелись.
 В далекой дороге погибнет товарищ.
 В далекой дороге любовь потеряешь.
 В далекой дороге нарвешься на нож.
 Стойма простоишь –
 ничего не найдешь.

ВАЛЬС ПОЛЯРНЫХ КОЛУМБОВ

Вместо ярких цветочных клумб
 На окошках зелёный лук.
 И гитару возьмёт «колумб» –
 И проклюнется первый звук.
 И отгадет застывший люд,
 И вернётся на север юг,
 И сквозь щели земных кают
 Соловьём сквозняка спокот.
 Начинается вальс не вдруг
 Под старинную песню вьюг,
 Где на тысячу верст вокруг
 Пустота и тоска разлук.
 Вальс приходит как добрый друг
 Как лекарство от горьких мук.
 И в кольце ваших тёплых рук
 Закружился Полярный круг...
 Про мороженое забыл
 Бесконечных ночей накал.
 Молодой не остудит пыл
 Промороженных труб металл.
 Этот край поневоле мил
 Тем, кто колышек первый вбил
 И подшипники для турбин
 На морозе в солярке мыл.
 Не напрасно на буровой,
 В облаках свою вахту нёс -
 Вот и город мастеровой
 В небеса этажами врос.
 Нюют косточки по ночам -
 Возраст, сам посуду, не мал.
 Только рано спешить к врачам -
 Чёрт возьми - не окончен бал!

* * *

Герои ненаписанных поэм,
 Вы - те, кому обязаны мы всем!
 Поклон вам за поверженный Берлин!
 За отчий край, воскресший из руин!
 За то, что нас вскормили от земли,
 За то, что в лихолетьях сберегли.
 За Родину, за наш бессмертный полк
 Велик сыновний неоплатный долг.
 Его мы не отдали до сих пор.
 На сердце грузом ваш немой укор
 За то, что мы транжирим без ума
 Заполненные вами закрома,
 Герои ненаписанных поэм,
 Все те, кому обязаны мы всем...

* * *

Дверь в царствие небесное скрипит,
 Болтаясь на заржавленной петле.
 Привратник, как всегда навеселе,
 С ключом на шее под стеной храпит.

Сюда давным-давно заказан путь
 Братоубийцам с матушки Земли.
 И добрые дела не помогли
 В дверь со спокойной совестью шагнуть.
 Рай пуст...

АЛЕКСАНДР МИЩЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ ГЕОЛОГ

(Из романа «Дом под звездами»)

*«Вновь побывал я на Сартынье, где протопали мы
по беспощадной, как, правда, земле, которую инициировали...»*

М. Мезенцев, на клочке бумаги в архиве его.

Может быть, это рассказ с таким, задуманным уже очень давно названием. Герой его – геолог-маршрутник с Полярного Урала, член моего литературного объединения «Факел» Миша Мезенцев, по возрасту, конечно, - Михаил Петрович. Весной еще был у нас с ним разговор по телефону, что я приду к нему – договорить о недоговоренном, о работе его в северных экспедициях. Дневник его полевой и другие какие-то документы, целую папку их, я уже освоил. Напоминал о Мише и зажигал жаром на рассказ сколок полярно-уральской кимберлитоподобной породы на моем столе. Звучало в памяти из Леонида Мартынова:

Я уеду туда, где горят изумруды,

Где лежат под землей драгоценные руды.

Сказал Мезенцеву: «Когда выдастся окно, Миня, - буду». Гужом шла работа над завершением романа «Дома под звездами», и вот, как-то разгрузившись, звоню Мише. Трубку взяла жена Галина Васильевна. Потухшим голосом сообщила, что Миши уже нет, умер внезапно весной. Она гостила в Европе, а мужа прихватило, и в больнице он скорострительно скончался. Потолок на меня пошел «снижаться вороном», как написал бы Владимир Маяковский.

Не верилось, но пришлось срочно вживаться в это скорбное известие. Взял со стола с архивами папку и, устроившись на диване, утонул в новом чтении бумаг разных, стихов и дневника, а перед глазами виделось его лицо. Миниатюрного ростом человека со сходящимся вниз утюжком седой бородки. Не знаю, ходят ли сейчас уральские поисковики в горах с геологическим молотком. Может быть, и нет. Космические технологии позволяют сейчас без молотка проникать умом в глубины недр. Я, по крайней мере, считал Мишу последним геологом пешего строя. Геологом «в одну лошадиную силу», который первым открыл на Приполярном Урале золото и признаки алмазоносности. Будто следовал он этому наставлению Ломоносова из «Слова о пользе химии»: «Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает: «Простирайте надежду и руки ваши в мое недро, и не мыслите, что искание ваше будет тщетно».

Подумал, что неплохо бы встретиться с «однотропниками» Миши, однако,

наверняка знал, что иных уж нет, а те далече. Располагаю я, в общем, тем, чем располагаю. Подумал, что нет смысла «вести следствие», как можно бы выразиться, по судьбе Мезенцева, ибо и архива достаточно, и предельно ясна мне суть геолога-друга, которого знаю с молодости. Нужно только вымыть драгой мысли из всего этого золотой песочек его судьбы. Пройти надо речкой судьбы Мезенцева, как шел он горными руслами, и изливалась к Оби прозрачная вода в них, а берега и дно усыпаны были розовыми, малиновыми и сине-зелёными кремнями, цветистыми яшмами, дымчатыми агатами и искристыми кварцами.

Газетная вырезка из геологической многотиражки с рассказиком Л. Никифоровой, Лиды, насколько помню, «Звезда Приполярного Урала» под рубрикой «Судьбы геологов». Читаю, и укладывается в моей голове, что запомнилась Мише первая геологическая практика. Было это в 1952 году, когда учился он на геологическом факультете Уральского госуниверситета. От тюменской пристани плыл до Салехарда на известном и мне колесном пароходике «Жан Жорес». В Тобольске побывал в музее, на Завальном кладбище, где покоились декабристы. Через восемь суток – Салехард, Ямало-ненецкая геолого-разведочная экспедиция. Началась практика по геологической съемке. Не знал тогда еще Михаил Мезенцев, что исследования восточного склона Урала станут его судьбой. Это съемка, поисковые работы и немного колонковое бурение. Район Саранпауля тогда считался бесперспективным. Но геологи стали мало-помалу приоткрывать его богатства. Вести о черных, цветных и редких металлах, бокситах, угле и фосфоритах на Полярном и Приполярном Урале, однако, заглушались сообщениями об открытии громких нефтяных фонтанов.

В 60-е годы Михаил Петрович – начальник Маньинской партии, старший геолог геолого-физической партии. При его непосредственном участии разведаны, в частности, Любинское месторождение бурого угля и Усть-Маньинская группа рассыпных месторождений золота. В конце 60-ых поле прерывается: Мезенцев стал учиться в аспирантуре Тюменского индустриального института на кафедре петрографии и минералогии. Кандидатская – «Магматизм Приполярного Урала».

60-ые – это прелюд эпохальных событий, развернувшихся на земле Западной Сибири. Вот только триада из хроники.

Радиограмма начальника Мегионской нефтеразведочной экспедиции В. А. Абазарова начальнику Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье – о нефтяном фонтане на Самотлорской площади.

Из Мегиона. 29 мая 1965 г.

(На скважине) Р-1 Самотлора (в интервале 2123-2130 метров получен нефтяной фонтан. Скважина (на) отработке. Визуальный дебит более 300 кубометров в сутки. Абазаров.

«Есть газ!» - информация газеты «Красный Север».

3 октября 1965 г.

Тарко-Сале (по телефону). Первого октября в 21 час местного времени при испытании скважины Р-2 на Губкинской (Пурпейской) площади с горизонта 738-745 метров получен фонтан газа (дебитом) визуально около двух миллионов кубометров.

Скважина пробурена бригадой мастера Андрея Федоровича Тарасова.

28 декабря 1965 г. **газета «Тюменская правда» публикует информацию «Счастливого пути, нефть Шаима!».**

Я хорошо помню это воскресенье, морозный солнечный день. У эстакады нефтеналивной станции в Тюмени, куда мы, журналисты, приехали автобусом, оживление, большое стечение народа. Над людской массой висит живой парок от дыхания ее. Готов к отправке в путь эшелон с шаимской нефтью, перед ним протянута красная лента, укрепленная на двух столбах. А начиналась эта нефть с «Первой реки из океана нефти», как сообщили об этом 29 мая 1964 года «Известия». Тогда с борта теплохода «Академик Ферсман» в газету пришла телеграмма: «Рады сообщить, что первые две тысячи тонн нефти, полученной на Усть-Балыкской площади, залиты 26 мая в нефтеналивную баржу. Теплоход «Капитан» повел ее в Омск...». Подписали телеграмму Первый секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС А. Протазанов и Начальник Тюменского геологического управления Ю. Эрвье... На тепловозе – яркий транспарант «Тюменская нефть в честь XXIII съезда КПСС». Первый секретарь обкома КПСС Б.Е. Щербина поднимает ножницы, а затем перерезает красную ленту. Под аплодисменты всех присутствующих шаимская нефть ровно в 12.00 отправилась от нефтеналивной станции в свой длинный маршрут через Свердловск, Пермь, Ярославль, на Москву и дальше.

И вновь – длительные экспедиции. Брал с собой Мезенцев и двух своих сыновей. Не случайно, может быть, старший, Андрей стал мастером спорта по альпинизму. С детства горы были ему близкими и понятными. Отец учил многому – и как видеть в обычном брошенном сучке моржа, совенка, в наросте на березе – белку, коллекции камней собирали...

Рассказывает Михаил Петрович, как праздновали в Тюмени 6 апреля 1966 года в первый раз День геолога:

- В малом зале Управления геологии, внизу, собрались геологи. – Ксения Васильевна Эрвье играла на фортепьяно. Мне пришлось быть конферансье концерта-экспромта, читал стихи. Все пели, веселились. А потом убрали скамейки и танцевали. Юрий Георгиевич Эрвье плясал «барыню», я с ним пустился «вприядку».

Представляю, как крутился волчком вокруг «Папы» малорослый Миша Мезенцев.

День геолога праздновал весь город...

Сообщила журналистка в заключение, что однажды Мезенцев удивил многих тем, что в стихах написал геологический отчет. «Да и то сказать, - написала Никифорова, - какая геология без поэзии? А поэзия – и в камнях, и в речке, и в лесу, и в душах геологов...»

Страница с перечнем полевых сезонов Мезенцева почти за тридцать лет, начиная с 1952 года. Первая должность – коллектор. Я тогда закончил шестой класс. Через два года началась и моя геологическая биография – в Саратовском геолого-разведочном техникуме. В списке геолого-поисковых партий Миши ухватываю взглядом Войкарскую, Тагильскую (Уралзолото), Красноуральскую, Лаптапайскую, Сибилейскую, Щугорскую, Хальмерюсскую, Пальникшорскую и другие. 1957 год – заграникомандировка в Монголию, 1968 год – поисковый отряд на алмазы, 1992 год Горно-добычной участок на золото. До 60-ого года – Полярный и Приполярный Урал, с 61-ого – Саранпауль. Должности – начальник отряда, участковый геолог, старший геолог, начальник партии.

С трепетом, как всегда, раскрываю ледериновую темносинюю Мишину тетрадку с дневниковыми записями. Я тоже вел их всегда. Литературная судьба моя началась с записок изыскателя газопровода Игрим-Серов. Работая в газете, любил я писать зарисовки о людях. И первым делом интересовался дневниками, если вели их мои герои. Знал, что это – искренне, это доподлинно, не для агитации, не для идеологических целей

Первые, после ряда вырванных, страницы. Река Большая Турунья. Запад Хора-Сюра. Восточная рамка – Э. Негурицы (писал я в «Тюменском комсомольце» о его научных исканиях). Габбро полосчатая структура, инвекционные габбро с гранатом, полосчатой структуры. Может, это переход к эклогитам, полям эмбиболитов. Насколько мне стало ясно позднее, это поиск на алмазы. Профиль пластов с углами залегания.

Ручей Ярота-Шор. Залегания для ядра антиклинали (по освоенному мною в техникуме – это складка слоев горных пород, обращенная выпуклостью вверх, в ядре которой находятся более древние породы)... Разлом, выраженный прекрасно, в виде отвесной стены, обрывающийся к развилку. Граниты с гигантозернистыми желваками в русле Ярота-Шор. Я вроде бы сам высматриваю местность геологическим взглядом, интуитивно чувствуя, что есть здесь полиметаллы, золото и серебро. Волнует меня и выразительный рисунок Мезенцева с косою слоистостью в серых разнозернистых кварцитопесчаниках, когда каждый слой срезается вышележащим. Обнаруживаю первый раз дату: 21. IX. Где-то около 1968 года.

Стих:

Где счастье мне найти?
 Покой где обрести?
 Уж не пора ль сойти в могилу?

Удел страдания нести
 Мне больше не под силу.

Ясно станет позже, что стих этот не случаен и отражает непродуманную драматичность жизни «последнего геолога» в тот период.

29. 1. 70. После беседы о демокр. социализма.

Если человек боролся с властью и победил ее, то нет сомнения в том, что он, зная ошибки прошлой власти, не допустит таковых при своей. Противится все естество мое не быть точным до каждой буковки дневника моего друга. Так и продолжу.

10.У11. 1969 г. Как всегда хочется отдаться перу и бумаге, если нет собеседника. Мои все спят. Измучились за ночь в Игриме. А мне не спится вторую ночь. На душе у меня тоска и печаль, сердце щемит. Тоска от нерастраченной нежности и тоска о неразделенной любви. Это в 37-то лет. Значит душой я молод. Всегда хочется быть на людях таким, каким меня знают: весельчаком, балагуром и немножко циником. Теперь это делать труднее: дают знать себя боли в желудке и тяжесть в сердце. Снова покуриваю, а это вредно, знаю, но... Муки с желудком и жалобы на сердце – это очень серьезно у моего друга. Сказались, может быть, годы беззаветной бродяжьей работы поисковика: укатали сивку геологические горки. Замешивается тут, вероятно, и очень интимное.

Отбросишь свои личные сердешные переживания и возьмешься за общественные, которые, верю, перейдут в личные. Таков уж человек – существо общественное.

Всюду нас преследуют мелкие и крупные неудачи с тех пор, как начали пробивать идею о кимберлитах восточного склона Урала.

В прошлом году потерялись образцы, которые я отобрал на р. Сартынье, работая у Негурицы. Потом заболел, 66 дней «отжелтел» в больнице Боткинской. Желтуха была, наверно. Вышел – образцы нашлись. Подготовили доклад на конференцию молодых ученых. Цветные фотографии прямо сырыми привез на заседание. Доклад сделал блестяще, но опять же Подсосов. Дали третье место и возможность напечататься в сборнике. Хе! Велика честь. Впервые поднятая проблема и – напечатать. Для отмазки. Публика здесь, конечно, малограмотна в кимберлитах. Но каков Толя Подсосов. Тут же смотал в Свердловск, разнюхал все и предложил Валентину Нефедову сделать доклад на выездной сессии АН СССР в Свердловске. И с кем? С Охотниковым, которого мы громили на защите диссертации. У него голо все, а у нас факты. «Факты, факты, если не дурак ты», – поет Валька: где-то подцепил из концерта.

А про нас забыли! Подсосов подает так, что эти работы проведены Управлением. Может быть: идеи наши, деньги ваши. И сказал Подсосов умную как бы вещь Нефедову: «У Охотникова идеи, у вас факты, выступайте вместе». У нас самих идей – хоть пруд пруди. Но всеж-ки я съездил с ними на сессию. И опять невезенье: идиот Волков из спецчасти института заделал мне козью морду: вместо второй формы допуска написал четвертую – для служебного пользо-

вания. Ладно! Решили – доклад делает Валентин. Но тут черт нас дернул ехать в Ильмень к Алику Баженову. А там машина Караченцева возьми и сломайся – возились сутки. В результате доклад не сделали. Но хоть переговорили со всеми алмазниками. Мы на высоте – предвосхитили всех. Мою идею о сносе вишерских алмазов с восточного склона Урала, а не с Русской платформы, поддержали.

После приезда в Тюмень лед тронулся, как говорил Остап Бендер. Мизинов выделил 10 тысяч рэ. Сел я за смету и проект. За неделю своротил это дело на удивление проектно-сметному бюро. Отпечатал за сутки в редакции «Тюменского комсомольца» и ...потерял все четыре экземпляра с подписанным протоколом НТС вместе с портфелем. В жизни со мной не было такого. Валька шумит, я ж думаю, как восстановить все за субботу и воскресенье. Но вечером портфельчик нашелся. С подмоченными проектом и сметой. Закройщик унес с помидорами к себе на работу, а я думал, что художник Юра Симовских нечаянно прихватил, когда бегал за сетью. Наверное, выпивали братцы-кролики, что естественно, по себе знаю, когда с поля возвращаются в город из экспедиции.

Пришлось за ночь все перепечатать заново и опять подписать протокол. Наконец, все было оформлено. Издали приказ. Получили мы деньги, а билеты на самолет проданы на неделю вперед. Пустил в ход свои знакомства и уговоры. Обилетились. Съездил к Валерии в Омск, отдохнул день, подлечился, поправил дела с желудком и сердцем. Вернулся и в порт сразу. На АН-24 улетели в Игрим. Родным он стал мне за два года изысканий газопровода. Переночевали там на берегу в спальниках. Утром причалил «Шлеев». На нем поплыли. В буфете на судне пусто, одни сигареты. Хорошо, что с вечера купили с Валькой консервов. А я говорил ему: «Давай еще купим баранок». «Зачем в очереди стоять?» - ответил он. И пришлось хлеба попросить у пассажиров из местных жителей. Одну булку выпросили в Анеево. Другую в Сосьвинской культбудке, да метеорологички дали четвертинку белого хлеба. Можно было теперь до утра дожить.

Снова начало болеть горло: продуло, наверное, на «Шлееве».

Эх, парней бы мне своих прокатить на пароходике по Сосьве, Оби и Иртышу, как Чука и Гека. Но кто сюда их доставит? Надьку попросить разве – так мать ее не отпустит.

Два дня как из Тюмени. Подплываем к Саранпаулю. Это столица геологов, направляющихся на Приполярный Урал. Ночевали отлично. Все ж-ки 1 класс. Плыть – хорошо, это не на месте сидеть-маяться... Когда, когда там полетишь? А горы в снежных шапках, не все еще стаяло. Да и вряд ли теперь окончательно снег стает. Найти бы хоть один алмаз, чтоб оправдать свои посулы и не остаться голословными. О господи! Помогите!

Одна строка разрыва в линованной тетради.

Двоим лучше, нежели одному, потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их.

Ибо, если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его.

Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?

И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него. И нитка, втрое скрученная, не скоро порвется.

Книга Екклезиаста, 1У, 9 -12.

По всему вероятно, любовь мает Мишу. Так, видимо, и есть

Мне далеко до тебя идти,
Да и нам с тобой теперь не по пути.
А когда-то встретившись с тобой,
Думал: повстречался я с судьбой.

Стих не очень совершенный, и приводить я его не буду. Скажу лишь, что понял между по строкам. Тяжело заболел Миша, и возникло между Ним и Ею отчужденье.

Боль душевную лекарствам не унять.
Лучше бы от ран ножом страдать.
Вино болезному человеку пить бесполезно,
Не идет оно в горло, как понял я.
Через вино горе лезет наружу.
И с тех пор, чтоб от людей его сокрыть,
Горе я не стал в вине топить.
Пусть: уж раз назвал тебя судьбой
Похоронят навсегда его со мной.

29. У11 – 68. Вот уже 4 дня как в поле, еле выбросились. Вертолета нет и нет. Договорился уже со 118 экспедицией. ГУГКовской, как я понял. Но чужая беда для чужого человека не особенно близка. Ожидание. Получили все шмотки, закупили продуктов, когда прислали нам деньги. Я за 100 рублей отрецензировал отчет 118 экспедиции. Отчет приятный. Лучше наших многих. Картой 50 000 масштаба в нем, составленной по материалам наших же съёмщиков, и мой двухсоткой, вставили они шпильку Тюменскому главку. Какие-то зачеркивания. Странно и непонятно! Далее выплыло о любви. И ее не столь часто вспоминаю. Сердце стало меньше болеть. Таскались даже с рюкзаками по болотам, и вроде бы ничего. Дрыгалось оно, правда, от перегрузки. Но не так тяжело хоть было, как в Тюмени,

Первая наша стоянка далеко от вертолетной площадки. Продукты приходится носить на себе.

Кадры, как я и чуял, подпортили мне нервов. Странные, самонадеянные парни.

В поисковом отряде на алмазы, котором руководит Михаил Мезенцев, не знают еще, конечно, что три дня назад старший преподаватель Тюменского индустриального института Юрий Сорокин опубликовал в «Тюменской правде» очень хорошую статью под названием: «На Тюменском Урале алмазы?» Привожу ее дословно:

«Их двое, влюбленных в геологию, разных по характеру, по наклонностям и привычкам, но все-таки в чем-то схожих. Поэтому и писать хочется не о каждом, а об обоих сразу, о том, как следуют они к своей общей цели.

Михаил Мезенцев и Валентин Нефедов разными путями пришли к мысли: доказать, что на восточном склоне Тюменского Урала есть кимберлиты, убедить, что породы эти не только теоретически, но и практически алмазоносны.

...Впервые на Урале алмаз нашли в 1924 году, но лишь в 1937-м была выявлена на западном склоне Северного Урала алмазоносная россыпь. А сколько лет геологи безуспешно «штурмовали» бескрайние якутские просторы, пока в 1954 г. Лариса Попугаева не нашла первый на территории Советского Союза «коренной» царь-камень. Это был небольшой кристалл, добытый не из россыпи, а непосредственно из кимберлита, магматической горной породы. В итоге оказалось, чуть ли не каждый из геологов-старожилов тех мест встречал такую или почти такую же породу, но ввиду сложности и изменчивости состава ее строения относил находку то к диабазам, то к основным эффузивам, то к порфирам, но только не к кимберлитам.

А Валентин еще летом 1965 года найденную им темно-зеленую породу назвал кимберлитом и не собирается отказываться от своего мнения.

И снова мне хочется прибегнуть к сравнениям. Прежде чем дать геологам путеводную нить – поиски алмазов по пироповым (пироп – красный гранит) «дорожкам», - Попугаева досконально изучила монографию академика В. С. Соболева о южноафриканских кимберлитовых трубках – огромных взрывных воронках, заполненных породой, содержащей алмазы.

Этим же путем идет и Валентин. В его библиотеке – богатая литература по алмазам Конго (Киншаса), Мали, ЮАР, Австралии, Чехословакии и, конечно, Якутии. Он изучает, и сравнивает, накапливает факты и убеждает сначала себя, затем других. Скрупулезность в исследовании, стремление к большой точности и достоверности данных - вот что отличает Валентина в работе.

Между прочим, его как-то спросили, что он больше любит: геологию или математику? Он ответил: «Для себя я не мыслю геологию без математики и математику без геологии».

Да, он заочно окончил физико-математический факультет, участвовал во Всесоюзной конференции по применению математических методов в геологии.

В прошлом году Валентин поступил в заочную аспирантуру при кафедре минералогии индустриального института. И уже первая его работа получила положительный отзыв на научной конференции вуза.

Михаил Мезенцев – весельчак, балагур, остро слов. Любит стихи, неплохо пишет сам, рисует. На мой вопрос, каков твой девиз, он тотчас же, широко улыбаясь, ответил: «Наша фирма не должна терпеть убытков: любое дело – до конца». В институте, где учится в аспирантуре, да и раньше в экспедициях, он – постоянный член редакции стенной газеты. Человек из разряда тех, без кого жизнь порою становится скучной.

После окончания Уральского университета Михаил три года трудился на Среднем Урале, в 1957-1958 годах работал за границей, а с 1958 года – уже 10 лет минуло – связал свою судьбу с Тюменским Уралом. Где только ни бродил он за это время – в дикой тайге Приполярного Урала, на болотистых увалах Восточного Зауралья, спускался в глубокие кары и поднимался по крутым склонам на скалистые вершины.

- Михаил, скажи, какой день был у тебя самым тяжелым в твоей полевой работе?

- У геологов тяжелых дней не бывает. Мы – солнцу и ветру братья, и любая непогода нам нипочем. Погода была ужасная, принцесса была прекрасная. А все-таки один случай запомнился, когда я три дня голодный шел на базу за продуктами, добрался и не увидел ни одной палатки: переехали. Пришлось идти обратно...

В результате полевых работ, проведенных геологической партией под руководством Михаила Мезенцева, были выявлены, а в дальнейшем подтверждены рудопоявления золота, полиметаллов, угля, бокситов. А с ядра Земли начинаются трясучки недр. Об этом, вероятно, промышлял Михайла Ломоносов, произнося в Академии «Слово о рождении металлов от трясения земли». И вот – кимберлиты. Первые интересные находки на Хора-Сюре, и среди них – породы, близкие по составу и строению к кимберлитам...

Кимберлитоподобные породы залегают здесь, в районе крупных тектонических разломов в земной коре, они вытянуты по простиранию их. Как много здесь общего со знаменитыми восточноафриканскими разломами, с которыми связаны крупнейшие месторождения алмазов! Надо проверять догадки, надо искать.

И снова поиск, неустанный, порой изнуряющий...

На 111 молодежной конференции, посвященной 98-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина и 50-летию ВЛКСМ, М. Мезенцев и В. Нефедов сделали доклад на тему: «Кимберлитоподобные породы на Приполярном Урале и проблема его алмазоносности».

Все ведь на этот счет складывалось непросто на Приполярном Урале, шла

борьба двух полярно противоположных воззрений на факт золотонности его. Одни выражал Мезенцев, другие – главный геолог Тюменского геологического управления Подсосов, который заявлял о «стерильности» этого района на полезные ископаемые. Козырь «безгреховного» ныне Подсосова – Полярный Урал. Он знал уже, что в отрогах Рай-из обнаружены выходы колчедана с содержанием в нем двух процентов меди. С 1960 по 1975 годы на Полярном Урале были открыты все известные на сегодня месторождения, такие, как Саурейского свинца, Тайукеуская группа редкометалльных месторождений, металлургического хромита на площади горы Райиз. Через полвека Подсосов скажет: «А ведь было время, когда мне чуть ли не до хрипоты приходилось доказывать высокопоставленным чиновникам... необходимость проведения поисково-разведочных работ именно в этом месте». О Приполярном Урале молчок. Не случайно, рассказывая корреспонденту про «Быль Полярного Урала», он ни словом не обмолвится ни о Мезенцеве, который утверждал, что недра Приполярного Урала также полны минеральных богатств, ни о его соратнике и единомышленнике Валентине Нефедове. Хотя и о золоте, и о медно-молибденовых рудах будет вести речь ветеран, демонстрируя (на снимке) журналюге сувенирный геологический молоток. Зело прочувствованно скажет Подсосов: «Это очень здорово – видеть реальные результаты своего труда, а за привычными уже географическими названиями видеть лица своих друзей, коллег, людей, по-настоящему мужественных и смелых, работающих и умеющих радоваться жизни. Как это в песне: «Нас водила молодость в пламенный поход...» Невольно напомнимся мне роман Вениамина Каверина «Два капитана». Схожая ситуация. Такие вот «были-небыли». Но прервусь. Зеленая, конечная страница ледериновой тетради и кармашек на внутренней стороне обложки.

Нечто о каком-то диспуте по поводу коммунизма.

Когда человек в чем-либо убежден, он надеется победить в этом диспуте, не готовясь. Я лично не надеюсь, я убежден в этом. Потому и не готовлюсь, что не убежден в победе коммунизма, по крайней мере, как это обещал незабвенной памяти наш горе-правитель Ник. Сер. Хр. Что создают власти предрежащие себе не без махинаций личные коммунизмы – это правда. Таковых и сейчас уйма в загашниках нашей российской жизни. И квартиры элитные, и снабжение персональное, и прочее. И вообще, что есть коммунизм, коммуна? По словарю Михельсона, это политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужое имущество – крайний социализм.

В кармашке - стихи. Они незатейливы, но искренни, как искренними могут быть дети. И здесь мне важна не поэзия как таковая, а то именно, что душевность, какой дышат безыскусные ритмические строки, - с донца души моего героя, сокровенные его мысли. Итак, стих первый.

Пришла пора
 Отдать долги
 Всем женщинам,
 Что нас любили –
 Господь нам, грешным, помоги,
 Чтоб мы кого-то не забыли.
 Чтоб мы,
 В раскаяньи своем
 О ближних помнили,
 И дальних,
 Об опаливших нас огнем,
 И некрасивых,
 И опальных.

Потери наши,
 Наша боль...
 Чего в них больше –
 Зла иль света?
 Бальзам - на раны
 Или - соль
 Мы сыпем в поисках ответа?
 Запомним свет!
 Отринем зло!
 Чтоб не гасила взгляд
 Усталость,
 Быльем плохое поросло
 И лишь добро в душе осталось!

Адрес рождения стиха: с. Гилево, это под Тюменью.
 Но – стих второй.

Если грусть по тебе
 Одолеет меня,
 Я не стану заламывать руки,
 Украду я у жизни
 Три лучшие дня
 И прерву бесконечность разлуки.
 Кину я эти дни
 На горячий песок,
 Или чайкам скормлю на рассвете,
 Пусть их слижет волна,
 Как следы твоих ног,
 Пусть развеет, как облако, ветер.
 Говорят: не богат, –

Богачом не кажись!
 Но чего-то я все ж таки стою,
 Хоть и весь капитал мой
 Единственный – жизнь,
 Хочешь, я поделюсь им с тобою.
 Пусть рассеет их ночь,
 Как в тумане огни,
 Пусть дождем они тихим
 Прольются –
 Ты возьми эти дни,
 Даже если они
 Из последних, что мне
 Остаются...

И вновь стих способного на пылкую любовь геолога:

А сколько мне еще осталось?
 Быть может год, а может два,
 В масштабе звезд ну – микромалость,
 Да и она – всего одна.

Опять из Гилево стих, но – с датой: 1.02 - 94 г.
 И третий из стихов.

Я любил тебя так,
 Что не знаю и сам,
 А быть может мне
 Это казалось.
 Что другие в сравненьи
 С тобою пустяк.
 Просто так, на «крючок»
 Попадались!
 Было все! Я в изгнании жил,
 От тебя вдалеке,
 Без известий.
 Вот оно темное пятно на Солнце!
 Хоть не верил я в Бога,
 Но Бога молил,
 Чтоб пожили мы
 В старости вместе.

с. Гилево. 5.02 – 94 г.

На обороте листка: Мезенцевой Г. В.

И пожили они в старости вместе. Квартирка их – застывший янтарик социализма. Хрущевка. Прихожка с вешалкой. Совмещенный с ванной туалет. В горнице, как попросту называл ее Миша, шкаф, диван, журнальный стол и раскидистый цветок. В кухне поставок для посуды, газовая плита, столик, два стула. В спальню я не заглядывал. Стены – в простеньких обоях. Житие двух чистых и ясных душами старичков. Душа человека – заповедник и зла, бывает, и добра, как у этой пары. Лето мой друг проводил в основном на даче, которою ветеран геологии занимался основательно: садил айву и вишню, укроп и сельдерей, малину, сливу, яблони, калину, картошку и хрен, наконец, поливал, сорняки драл, урожай собирал, что нашло отражение в его стихе «Дача». К огородным зельям, как я понял, отношение у него было как к божествам, что само по себе имеет корни древние. Писал же Ювеанал в сатире о суеверии египтян:

... Коль святы те народы,

У коих полны все богами огороды!

В русле поэзии вообще текла его повседневная жизнь. В свое время (2002 год, Саранпауль) он сотворил даже в стихах «Геологический отчет о работе геолого-поисковой партии на Югорском Урале в смутное время». Подзаголовком звучит в нем: «На пользу Отечеству и оному любовь». На двух сторонах обложки классная иллюстрация Юрия Симовских, вид на гору Хора-Сюр. Содержание абсолютно документное, как и в любом отчете. Фамилии доподлинные. В той же главе «История изученности».

На мосты, дороги, гати,
 Всю казну свою истратил
 Тут купец Сибиряков
 И сам остался без портков.

Наш земляк Носилов Костя
 Был в Саранпауле не гостем.
 Метеостанцию открыл,
 Впервые овощи посадил.

В Горах Алешков отыскал
 Хрустали большой кристалл.
 В ленинградском он музее.
 На него народ глазеет.

Был тут Шишкин и Грязнов,
 Доктор Силин, Костя Львов,
 Волков, Мельников, Костюк,
 Молдаванцев, Цымбалюк.

Каждый выделил по свите.
 Разберись-ка в них поди ты.
 И идет горячий спор
 По этим свитам до сих пор.

В съемке, поисках трудиться
 Здесь начали: Негурица,
 Дэви, Коркин, В. Еремин,
 Д. Пятунин, Б. Коровин,

Абакумов, Севастьянов,
 Павлов, Кругликов, Суханов,
 Манин, Т. Золотарев,
 Ошев, Епрев, И. Крылов...

Фундамента строенье познавали через колонковое буренье, четвертичный покров вскрывали линией шурфов. Золотоносный шлик мыли корейским лотком, с осторожностью при том. Коней зря не мучили: правильно их вьючили. А Латыпов хоть и пил, всю территорию геофизикой покрыл. Естественны были подробности стратиграфии: кварц молочный и фельзиты, на аркозах покров - из толщи серых мраморов. Силурийские породы все вулканами излиты

и основа – порфириды. Карбон довольно сносный – представлен толщей угленосной. В Перестройку о геологии забыли и державу развалили. Вот такая катавасия и отчет она не украсила... Рецензенты, в соответствии с веселым характером автора, – доктор Водкин и кандидат наук Селедкин. Как и положено, приведен в заключение протокол НТС (Научно-технического совета). Подписи знаковые. Председатель А. Налимов, секретарь И. Подхалимов.

Галина Васильевна, как я почувствовал, относилась к своему Мише, как к большому ребенку. Она пришла к тому идеалу, который звучит у меня в романе: жена должна быть мужу женой, любовницей и матерью. Никак не обойтись мне тут, чтобы не отвлечься на разговор об идеалах в литературе. Читаю у Белинского («Герой нашего времени»): «Так осуществляют свои идеалы истинные художники: две, три черты – и перед вами, как живая, словно наяву, стоит такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете». В том-то и дело, и это вынуждает меня на спор с уважаемым нашим критиком. Такой идеал при всем при том несет в себе схему, тенденцию и мешает беспристрастному обзору и анализу действительности, заносит исследователя на пути яркого образа. Он же открывается только в полной своей цельности. Известна же эта ситуация. Льва Николаевича Толстого спросили, что он хотел сказать «Анной Карениной?» Писатель ответил, что для этого нужно прочесть все до единой страницы романа, начиная с первой. И злободневно потому и сегодня, как я мыслю, неизменное чеховское еще предостережение восьмидесятых годов против тенденциозности писаний. А так и будет случаться, если нет в их контексте вселенной, кою и являет собой литература и жизнь. Сказал же А. Н. Толстой на одной из научных конференций, что математика нашего искусства велика и многообразна: от вопросов обороны до вопросов любви. Не о том ли вечная книга Библия? Разве можно ответить одним словом, о чем она? Века читают ее люди, века читать будут и не смогут познать всю ее глубину, ибо книга эта – о жизни. А жизнь бездонна и безбрежна, как Вселенная, фронтиры которой прозревать можно, но постичь – никогда.

Последнее, третье, – то, чего так не хватало Мише в ранние годы его любви. Но жили в его кровотоке стихи. Те даже, что я привел выше, будят в моем сознании мысль Велемира Хлебникова: «Мое мнение о стихах сводится к напоминанию о родстве стиха и стихии... Вообще молния, разряд, может пройти во всех направлениях, но на самом деле она пройдет там, где соединит две стихии». При всей непритязательности стихов Мезенцева они молниеносны: разрядом соединяют стихии жизни автора и его сердца, чем и дорожи лично мне. Сейчас особенно, когда внезапно ощутил я, что нет больше Миши в живых. Не спускал с вечных истин глаз геолог-поэт Мезенцев, дробя сизифов жмых познания, как сказал бы другой мой друг-поэт Боря Авсарагов. Пенсионера, писал меж тем стихи Михаил Петрович по случаю ухода из жизни соратников по геологичес-

кому поиску. В окулярах его внимания была вся нынешняя жизнь России. Беру в руки подборку «Старых поговорок на новый лад». Все они на одной страничке. Цитирую Мезенцева.

Браток братка видит издалека.
 Депутат депутату глаз не выбьет.
 Пустое брюхо ваше благоутробие к рекламе глухо.
 Пуганый народ каждой реформы боится.
 Какой же новый русский не любит быстрой наживы.
 Новый русский медленно богатеет, но быстро разоряется.
 Почему на наших ворах шапки не горят?
 Там, где торжествует серость, к власти приходят жириновцы.
 Над пропастью во лжи ставка на сильных.
 На то и спикер в Думе, чтобы депутат не дремал.

Но вот обратная сторона этого урезанного листочка: «Я ждал из Министерства природных ресурсов ответа на запрос о получении премии за первооткрывательство медноколчеданных руд в г. Красноуральске по запроектированной мною скважине на Андреевском участке и премии МинГео за открытие перспективных областей Приполярного Урала». Это боль «последнего геолога» Михаила Мезенцева, последнего и забытого при жизни, материально, естественно, прозябавшего в законсервированном в его квартирешке социализме. Не дождался он ответа из Москвы. Как не был получен таковой и от губернатора Югры А. В. Филиппенко. Ему он тоже написал. Поблагодарил за денежную помощь пенсионерам-северянам, что как-то скрашивает их «доживание». Но деньги – второе. Более обидно было Михаилу Мезенцеву, что несправедливо попал он, как и другие, впрочем, в плен забвения. И это тогда, когда мощно заговорили о мегапроекте Урал промышленный – Урал Полярный. А достоин фанатик-геолог знаков «Первооткрыватель» и «Заслуженный геолог». Как не подумаешь тут вновь о самотлорском Спартаке Борисе Давыдове. Тоже человек без наград... Но не получил их «в силу отстаивания своей веры в Урал и Отечество», тогда, когда модно было говорить о «стерильности» этого геологического района в отношении полезных ископаемых. Время ж вопиет о востребованности идей и трудов геолога-патриота, отдавшего здоровье любимому делу и родной Отчизне. Возрождение Полярного и Приполярного Урала немислимо без дальнейшего развития того, что добыли в героическом поиске Мезенцев и другие геологи его поколения. Вновь надо вернуться, значит, к геологическим отчетам Михаила Петровича, хранящимся в геологических фондах Тюмени, к опубликованным научным трудам, информационным запискам и рукописным работам, к составленным им геологическим картам.

В один из погожих февральских дней покотившегося колесом 2012 года пришел проведать жену Мишину Галину Васильевну и вручил ей экземпляры газет с рассказом моим «Последний геолог Югры», украсила который чудесная цветная фотография, друг мой оторвал взгляд от микроскопа, веселый такой, воодушевленный. Пили чай с хозяйкой чай с медом, и посмотрел я том-кирпич весом килограмма на три «Биография великого подвига» о геологах, изданный «Сибирским издательским Домом». Есть там и страницы о Мезенцеве. В послужном его списке открыл новые для меня факты. Читаю: «По инициативе М. П. Мезенцева и В. А. Нефедова поисковым отрядом треста «Тюменьгеологоразведка» на реке Сартынья проведены поиски алмазов. Выявлены кимберлиты, идентичные африканским и якутским, при этом был найден алмаз размером 3-4 мм». Это в момент укрепило меня в том, что откроют, придет время, алмазы на Урале, о чем я и заявил Галине Васильевне. Ну, скажите мне, ради бога, разве от сырости могут появляться настоящие алмазы? Нет, конечно...

Порадовало меня и еще одно сообщение в книге. Указано в ней, что Михаил Мезенцев – «Соавтор геологической карты СССР масштаба 1: 200 000 и объяснительной записки, изданных в 1975 году в Москве. Выявленная им Нефтинская рудовмещающая свита утверждена Редационным советом ВСЕГЕИ и внесена в стратиграфическую схему России».

И, отклочотав, заканчивать буду, пожалуй, не мудрствуя лукаво, строками из Отчета Мезенцева в стихах:

Мы с политикой не дружим
И Геологии лишь служим.
Жаль ее и СССР.
Но мы-то живы еще, сэр.

И звучит вера в словах «последнего геолога» Югры в то, что время смутное пройдет и геология, как птица Феникс, снова возродится. Верю и я, что растворит еще Тюменский Урал недра свои с алмазами и планета с потрясением услышит о «кимберлитовой трубке Мезенцева» как услышала она некогда о Самотлоре, эманацию волновых физических полей которой я ощущаю каждодневно, посматривая на подаренный мне Мишей сколок-образец горной породы с застенчивой таежной реки Сартыньи.

ЕКАТЕРИНА БИТЮКОВА

ОСЛЕПШИЙ ИЮНЬ

Я вдыхаю ослепший июнь через майский просвет.
 Воды ластятся к берегу. Берег к ним равнодушен.
 Я не сразу, увы, понимаю охрипшее «нет» и не сразу его принимаю.
 Наверно, так нужно? Потому что теперь, пропуская его сквозь себя,
 Нахожу только отзвуки лета и привкус черешни.
 Я люблю целый мир.
 Целый мир окружает, маня.
 Я ищу рубежи, чтобы стать хоть немножечко выше той,
 Кого отражает пятнистая рябь реки.
 Верхний ярус и кромка разлива – границы вселенной.
 Пахнет солнцем и пылью, и ветер щекочет виски.
 Греет пальцы гранатовой россыпью, кварцевой жилой,
 И я снова смеюсь беззаботно, опять ни о чём, я не знаю,
 Что ждёт впереди и чему буду рада.
 ...Мы с ослепшим июнем на майском просвете вдвоём
 И солнце рисует венозный узор шоколадом.

ПОНЕДЕЛЬНИК

А на асфальте грязный снег	И смысла,
Лежал,	И ещё чего-то.
Никак не мог растаять.	Как будто возвели мосты,
Не сообщили о весне	Но в никуда
Ни даты,	И ниоткуда.
Ни плохая память,	И колокол монастыря
В которой запах и цвета	Гремел,
Хранились ревностно-отдельно.	Что небо всё серее.
Смешались лица.	
Без труда	И понедельник начался –
Картинка оставалась целой,	Нет, не в субботу –
Но не хватало глубины,	В воскресенье.

В МОЁМ РОЗАРИИ

В моём розарии пахнет виски –
Я заменяю шипами зёрна.
От кукурузы до роз английских
Тропинка раньше была, да стёрта

Моими тупфлями. Пёстрый запах
Сменился липкой душистой негой.
Шипы, цепляясь, наносят раны.
Грядут суровые перемены.

Вмерзает сердце в огромный айсберг
И плачет кто-то безумно близкий.
Шипы от роз оставляют шрамы.
В моём розарии пахнет виски.

МОЙ ДОМ

Мой дом извечно – не здесь.
Скитальцем живу, не помня,
О чём болит.
Ещё не знаю – хочу остаться?
Мне снится старый крыльцо гранит,
Леса густые на горных склонах,
Как солнце в шпильях мне жгло глаза,
Как пели люди о старых склоках
И восхваляли дела отца,
Как снег скрипел, а полозья санок
Блестели скромно, слетая вниз.
Когда-то, верно, был бунт, осада,
Как будто кто-то искал свой приз,
Но был повержен. Кричали птицы...
...А я проснулась.
Мне снился дом.
Мой личный гертферт живёт
Под сердцем
И мягко бьётся в моё ребро.

ТЕБЕ К ЛИЦУ

Тебе к лицу война,
а я опять молчу,
в холодной тишине
чужих не видно лиц.

Мне ночью не до сна,
я пью и хохочу,
топлю тебя в вине,
хочу, чтоб пала ниц.

Я развязал войну,
чтоб извести совсем
всю память о тебе,
чтобы стереть следы.

Я сделал много, но
нажил ещё проблем:
ты хороша в броне,
война с тобой на «ты».

Она тебе идёт,
а я совсем без сил
и злостью не сумею
сломить тебя сейчас.

Я верил в силу – вот,
я тронул целый мир,
и ты погибнешь, ведь
война ведёт рассказ.

АРОМАТ

Аромат – сигаретный дым, розмарин и соль –
Заставляет меня склониться к твоим ногам.
Мы начинаем драму на си-бемоль
(Просто в твоих глазах вечно си-бемоль),
Чтобы потом разложить её по ладам.

Ароматом лаванды следую по пятам:
Дай мне прогнать ошущение немoty.
Если поверишь – запахи свяжешь сам
(Ну, разумеется, запахи свяжешь сам).
И на окурках вдруг прорастут цветы.

НА ОКРАИНАХ ВСЕЛЕННОЙ

На окраинах Вселенной никогда не гаснут звёзды, не бывает слишком поздно-слишком-рано – никогда. Мягкий свет пронзает время и пространство, тают вёсны, устремляются кометы в невозможно-никуда. Тихий голос плавит трубы, космос шепчет еле слышно, проникает прямо в душу. Звёзды светятся в глазах. Там, на самой на границе, разум, скованный небрежно, оставляет телу дыры – чёрные, как старый страх.

Там, за облаком Оорта, не бывает совпадений, и любая личность будет единично-неземной. Повторить никто не сможет, ни один презлейший гений, за себя любой живущий отвечает головой. Космос, прописавшись в сердце, через тернии к вопросам нас ведёт, и память сердца греет каждый встречный стих.

На окраинах Вселенной никогда не гаснут звёзды, так пускай же эти звёзды не погаснут в нас самих.

ПРИНЦЫ ПРИХОДЯТ С ЮГА

Вот за принцессой мчится прекрасный принц – сказка, меняя русло, течёт по краю. Белые кони; яблочный воздух чист; сколов в хрустальной обуви не бывает; розы цветут под куполом. В каждом сне принцы, мечом сверкая, приходят с юга.

С юга приходят лето и суховей, а на принцессиних свадьбах играет вьюга.

Сказки кончаются свадьбами с давних пор, но, проливая слёзы, скрипя зубами, прячутся за невидимой тенью штор те, кто об этом даже и не мечтали. Просто привлечь героев, когда юна, плюсом наивна – в общем-то, простодушна.

Чудища чаще прячутся в головах, а не в пещерах.

Чудища чаще душат.

Их привлекает запах чужой беды. Сердце разбитое, горечь большой утраты. Люди гордятся младшими дочерьми – старшие обращаются в лёд и камень, старшие полагаются на себя. Годы проходят. Складки на лбах твердеют.

Старшие греют монстров внутри себя
и отражаются в самых злых королевах.

Принцы приходят с юга. Идут года. Плачут принцессы по заповедным чащам...

...плачут и королевы, отпив вина, глядя, как кони дальше на север скачут.

СЕРГЕЙ ПАДЫШЕВ

ГОЛУБИ НАД ГОРОДОМ

Начинается новый день,
В небе кружат белые голуби.
Как красива наша Тюмень,
Где все улицы мне так дороги!

Эти голуби в небе к счастью,
Пусть летают в тюменском небе.
Нет на свете Тюмени прекрасней,
Где бы я на планете не был!

Я пройду там, где тихо, уютно,
Я пройду пешеходным бульваром.
Помню каждый день поминутно,
Знаю новой Тюмень, помню старой!

С каждым годом она всё приятней,
Современней в стекле и бетоне!
Голуби над Тюменью – к счастью!
Счастлив я, что живу в ней сегодня!

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Мне видится сон,
как под пальмами пышными,
Под шёлковым сводом
султанских шатров,
Танцовщица, дева,
звеня монистами,
Игрой живота волнует кровь!

Она то замедлит движение танца,
То снова свой темперамент
взорвёт!

Султану покорна
рабыня-красавица,
Исполнив свой танец,
приказа ждёт!

Блистают монисты,
парчовые ткани,
Червлёные брови, сверкают глаза!
Она, танцовщица, стройнее лани,
Изящна в движениях
игрой живота!

О, дивный цветок, звезда Востока!
Живёшь ты в виденьях моих
и снах!

Но, как только утро встаёт у порога,
То сказочный сон превращается
в прах...

ПРИГЛАСИ МЕНЯ В ПЕТЕРБУРГ!

Пригласи меня в Петербург!	Чтобы душой я остался тут,
Я ни разу, ни разу там не был.	И она над Невой летела.
Может, ждёт меня питерский друг,	Пригласи меня в Петербург,
Чтобы о городе мне поведать.	Полюбуюсь его красотой.
Пригласи меня в Петербург,	Покажи Петергоф мне, мой друг,
Я ни разу, ни разу там не был!	И как разводят мосты над Невую.
Пригласи меня питерский друг,	Ты прими меня, Петербург,
За билетом я кассу бы сбегал!	Чтобы в тебя с головой окунулся!
Проведи меня, питерский друг,	Я подольше остался бы тут,
По мостам, площадям ночью белой.	Но в Тюмень обещал вернуться!

Я В ОСЕНЬ ВЛЮБЛЁННЫЙ

Я в осень влюблённый, я ей очарован!
 Влюблённый, как будто в семнадцать лет.
 Я красками осени околдован,
 Осенний листочек, как в сказку билет!

Я сказку осеннюю жду с нетерпением,
 Хочу вновь попасть под её листопад!
 Я в лужах осенних хочу быть отраженным,
 И осенью будет пусть любовь невпопад!

Как дышится вольно осенней прохладой,
 И запахом пряным осенней листвы!
 Деревья стоят в разноцветных нарядах,
 Но, сбросят их скоро с приходом зимы.

И только в России такая осень!
 Я лучше и краше нигде не найду!
 Она то с дождём, то нарядная очень,
 Но я эту осень люблю и жду!

ТАЛИЕССИН ИЛ-ЛИОРВЕ

ПРЕЛЕСТЬ

Выпадаю в прель и прелесть,
 Как листва и самохвалство.
 Сверху смотрит сонный Велес,
 Снизу – ткань в оправе пальцев.

О себе да по себе, да
 Для себя событий зодчий.
 От смирения все беды,
 Отрицание – Источник.

Ночью он сияет синим,
 Проницая кровь и кости.
 Днём, едва овеществимый,
 Причиняет беспокойство.

Отрицаюсь человека –
 Тесно в нём такому чаду:
 Щедро душу влили с пенкой
 В неукразанную чару!

Отрицаюсь принимать и
 То, что сам не спел зачином:
 Чуди – чудо, небу – Матерь,
 Людям – по уму и чину.

А иначе из искусства
 Исчезает ретивое.
 Служба вкусам – дело трусов,
 То ли дело – Путь и воля!

Синий пламень в плёнке плоти
 Наричанием несметен.
 Слово живо тем, что против.
 Слово живо тем, что светит.

ЛЕНСКОЕ

Взрезались вены
 Осколками неба
 Острыми и протяжными
 Как лебединый бронхит

Ты помнишь лена
 Тобой говорили приливы
 И маячили корабли
 Гиперборейского стяга

А теперь тут моют золото
 В надежде смыть позолоту
 И увидеть обшарпанное
 Лицо самое себя

Отбросы иловых наледей
 Протянутые в ограниченности
 Сведённые в лагпункты
 И свезённые отовсюду

Теперь тут иные стяги
 И верят иные веры
 А прошлое стало побито
 Как шкура мамонта молью

Взрезались вены
 И врезались в память
 Ленино небо выше
 А мои кулаки в грязи

И мы насекомово роемся
 Кормим тучи из точек
 Но каждый проснётся однажды
 И уйдёт из наружи

ДО ПОСЛЕДНЕГО

Она рисовала всё, что на «эм»:
Миры, марципаны и маниакальности,
Мертвенный свет, отдающий себе
Отчёт и ключи от концлагеря.

Она рисовала пальцем грозу,
Утыкав розетки и клеммы булавками
Сказочных финистов слезозащиты
И пела, зернисто смеясь.

Она рисовала нутром по лекалу
По миллиметровке седых проводов,
А сытое небо забито икало,
Дыша пересыпью от блох.

Она рисовала абрис овала,
В котором калёное жерло звезды
Сочится и давится гноевым зноем
В плетении плёночных лоз.

Она рисовала разверсто, нахрапом
На долгую память и громкую медь...
Она рисовала, а сны опадали
Дождём из стекла – до последнего.

ГОРОДА

Я мало рад городам,
Которые ныне строятся.
Я не узнаю городов,
Которые еле теплятся.
Убожество напоказ
И торжество угловатости,
Аляповатые вывески
И расторопные люди.
А помните, что мостовые
Бывают не только удушливы?
А помните, что деревья
Указывают, где лучше?
А помните, сыр и сыро –
Не только еда и влага?
Куда вам. Осколки бывшего
Достались холмам и оврагам.
Названий таких не вспомните –
Не то что уклад безугольный,
Одежды, открытые ветру
И приветному ливню.
Спешите себе восвояси
Креститься на древесину –
Как не были те, кто учил вертеть
Солнечные колёса.
Названий таких не вспомните,
Но соки земли их вынесут,
И ткани воды их выпестуют
В отсветы перепогодья.
И явятся сновск и глебль
В опалово-палевой дымке,
Взойдут хоробор и оргощ,
Налитые янтарём.
Впору прочесть по знакам
Первые их названия,
Которые спеты – нами,
Дающими имена.

АЭРИНН I

Я родился заново,
Запертый
В помещении странном:
Равностороннем
И равноугольном.
Больно.
Во мне говорит отжитое,
Вот же:
Помню, как тонет земля,
Как мнёт ледяная волна
Дол, дома, дерева,
А ведь там,
Ведь там...
О, звёздное небо, нет,
Я не верю, что ты мертва!
Ли, моя весноокая Ли,
Здесь ли ты,
Моя песня,
Радость моя вересковая?
Тихо.
Безвыходно тихо.
Зачем я здесь,
Почему не с ней,

Объясните?!
Тихо.
Непрощенно тихо.
Я пожиная лихо
Утопленной с корнем земли...
Имя ей – Аэринн,
Рисунок дубов и долин.
Слышишь меня, Лиорна?
Как бы нас ни разбросало несчастье,
Я пройду все четыре стороны
И четыре четвёртые части,
Под землю сойду
И в небо взовьюсь,
Но ту,
Без которой не мыслю пути
В этом мире и прочих иных,
Найду. Увижу. Добьюсь.
В том слово моё:
Последнего аэриннца,
Безутешного принца.
Я не в силах проститься,
Но в силах сказать: свидимся...

ХЬЕЛЛЕ

Имя ему – хьелле.
Мир полуночный,
Где чернь
И точка.
Строгий пологий мир.
Имя ей – тинтива.
Трава,
Чьи вершинки могут светиться,
Иначе зовётся искрицей.
Тинти – по-вашему искорка.
Имя им – тил и лоо,
Два обитателя,
Чьё ремесло –
Исследовать тайну
Времени древнюю.
Солнце хьелле не светит,
Греет незримо
Озёра несметные,
Гущу травинок,
Все капли и искры.
Время здесь переменно,
Как рябь на воде,
Биение вен,

Ветренный день
И круги на срезе полена.
Тил и лоо,
Напротив, застыли,
Словно стекло
Из кварцевой пыли,
Ломкая плёнка стекла.
Они – самый точный меритель,
Не оставляющий след,
И зрителю
Не отразится свет
В их огромных тёмных глазах.
Они не пропустят ни мига,
Ни искорки –
Лучшая книга,
Где нет ни одной строки,
Только змеится чистое нечто.
Однажды я их увижу,
Бледных моих,
И бог станет ближе,
Один на троих...
Хьелле – ущелье вселенной.

БИЯ

Удушливый полумрак.
Белею, седой, как лунь.
Колёса знают свой лад,
Бьют: Бия-Катунь, Бия-Катунь,
Бия-Катунь, Бия-Катунь...
Колёса знают свой лад,
А реки знают слабины земли,
Свиваясь в могучий канат –
Такой, что порвать мы могли.
Вздыхает исподняя Обь,
Завешена свежей стеной бирюзы,
А сердце шипит – готовь
Пескарый скарб на весы.
Колёса стучат – убаюкивают.
Причальный уют,
Прощальный уют –
Отсюда я начал свой путь,
И в силах я!..
(Бия-Катунь.)
И в силах я!..
(Бия-Катунь,
Бия...

Тюменский район

Ирина
Шевелова

Санаторий «Сибирь»

Александр
Смирнов

Колесова
Наталья

Георгий
Зубарев

Дмитрий
Кокорин

Олеся
Суворова

Тюменский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области Российской Федерации.

Самому крупному муниципальному району Тюменской области в 2018 году исполняется 95 лет. По последним данным, на его территории проживают 119 тысяч человек, по численности он уступает только Тюмени. В районе 23 муниципальных образования, 76 населенных пунктов. Он – многонациональный, интересный и «разносторонне одаренный»: всего несколько лет назад его относили к сельскохозяйственным, теперь он позиционируется как промышленный. В районе располагаются несколько крупных заводов, есть свой нефтеперерабатывающий и кирпичный заводы, действуют крупные предприятия: завод керамзитового гравия, «Стеклотех», «Тюменьнеруд», «Пышмаавтор», Сибнефтемаш, Тюменьстальмост и другие.

Площадь района – 3,7 тысячи кв. км. По территории района протекают реки Тура – 260 километров, Пышма – 150 километров. Всего в районе 26 малых рек, наиболее крупные: Балда – 78 километров, Цинга и Дуван – 29 километров, Ахманка – 25 километров, Кармак и Карга – 15 километров.

Достопримечательности

Памятники археологии федерального значения

- Комплекс памятников на южном берегу оз. Андреевское
- Комплекс памятников – Молчановский могильник, Молчановское поселение
- Комплекс памятников – Мысовские курганы, Мысовские поселение
- Айгинское городище

ИРИНА ШЕВЕЛЕВА

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ СИНЕОКАЯ

Деревенька моя синеокая
Ты стоишь над речною протокою,
Очень гордо селом называешься,
Добрым людям тепло улыбаешься.

Тополями качаешь небрежными,
Желтокудрыми ивами нежными,
На веснушках ромашек качаешься,
В земляничных полянах купаешься.

На четвертом веку, а как девица -
Косы травами спелыми стелются.
В зорьку раннюю ты просыпаешься,
Серебристой росой умываешься.

Я гляжу на тебя сердцу радостно,
Я дышу твоим воздухом сладостно,
Я пою тебе, и душа поет,
Пусть земля твоя каждый год цветет.

ОСЕНЬ

Запела осень каплями дождя
Под серым сводом в царстве огорода.
Пожухла у картофеля ботва
И заломило спины у народа.
Багрянцем утвердив свои права,
Дыша морозцем, утренней зарею,
Под крик прощальный журавля
Природа царствует осеннею порою.
Не скрыть восторга огненной поры!
Запутавшись в летящей паутине,
Мы лета бабьего богатые дары
С заботой заливаем в банки ныне.

ДЕТСТВО

Детство – скачет по дороге,
То порой промочит ноги,
То пристанет спозаранку:
«Ну купи, мне обезьянку!

Я хочу конфет, игрушку,
Мама, испеки нам плюшку».
То поссорятся друг с другом,
То поют и пляшут – кругом,

То колени зеленеют,
То носы в цветах желтеют,
Брызги в стороны летят,
Плещет корабельный стяг.

А зимой – снежки, салазки,
Лыжи, бантики и сказки,
Дед Мороз, Зубная фея:
«Мы с уроками успеем?»

Поздний вечер, гомон стих,
Можно дописать свой стих,
Иль попить чайку тихонько,
И ложиться на кровать – спать...

ЛЮБЛЮ СЕЙ КРАЙ

Я здесь живу, в тиши
 твоих просторов,
 В тумане рек, в величии лесов.
 Здесь каждый куст
 мне бесконечно дорог
 И переливы птичьих голосов.

Пою тебе, и песнь терзает сердце!
 Про первый шаг, про первый
 жест любви,
 Про мамины полуночные бденья.
 И про мои прогулки до зари.

Пишу тебе, моих стихов сомненья
 О бренности земного бытия,
 Под шелест листьев,
 ветра стук весенний,
 Под переливы трелей соловья.

Люблю сей край, где пахнет
 свежим сеном,
 Где у колодца слышен ведер звон,
 Где плеск воды, и разговор по делу,
 И деревенских сплетен перезвон.

Горжусь тобой, моим селом
 старинным,
 Былою славой о людских делах.
 Пусть будет небо над тобою
 мирным,
 И хлеб растет на вспаханных
 полях.

Милый сердцу край, Русь,
 родная Русь,
 Я дышу тобой, я тобой горжусь!
 Нет... не образом «бабы-пьяницы» –
 Этак брешут пусть «иностранницы».

Ты по чистому полю – пашнею
 Спелым хлебушком
 с потом капанным
 Все плывешь горда – голубицею,
 Хоть порой в сарафане залатанном.

Ты по чистому небу пышными –
 Облаками, как по накатанной,
 Стелешь след полозьями быстрыми,
 Белокрылыми «самокатами».

Я люблю твою ширину полей,
 Глубину озер, в кудрях тополей
 Густоту лесов, в лентах синих рек.
 Чист твоей душой русский человек.

Ты не нация, расой скованна,
 Территориями поделена.
 Ты любовью к земле основана,
 И людской добротой овеейна.

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

Отрываю лист календаря,
Льнёт к окну осенняя прохлада,
Подожженный бархат сентября –
Вестник золотого листопада.

И плеснётся больше серебра
В шелковую стужу Ваших прядей-
Грусти не избыточной пора,
От которой нет противоядий.

И в дожди, укутавшись осинь,
Вы ко мне продрогшая придёте,
Губ не поцелованных полынь
С каплями дождинок принесёте.

Весна моя! России синь святая
В твоих ручьях навек освещена,
И, словно ленту, душу я вплетаю
В живую синь косы твоей из льна.

Мне не прожить и дня, не созерцая
Звенящих звёзд в проталине окна
И лебедей, что плачут, прилетая,
В пруду, в цветенье вспыхнувшем
до дна.

Весна моя! Любовь моя шальная!
Ты для меня, как юная жена,
Как всплеск ресниц проснувшегося
края,
Как светлый хмель душистого вина.

О, МОЯ НА ВЕТРАХ ЗАРОЖДЁННАЯ РУСЬ

О, моя на ветрах зарождённая Русь:
В буреломах и мхах
с родниками студёными.

На нескошенных травах,
где вызрела грусть,
Ты осыпалась в сердце слезами
иконными.

Объяснить не могу, и понять не берусь
Твою грозную силу
и нежность певучую.

Эту сладкую боль в кратком выдохе –
Русь!

И блаженную грусть со слезинкою
жгучею.

Никуда от тебя не сбегу, не умчусь
Схорониться на время,
когда ты измучена.

Я корнями пророс на века в тебя,
Русь,

И тебя мне хранить праотцами
поручено.

Я весенними грозами всласть
окрещусь,

Я зимой намолюсь, осеняясь
морозами,

За тебя, моя ветром пронзённая Русь –
Пресвятая земля с пресвятыми
берёзами.

И, когда, умерев, я душой вознесусь
В мир иной, где покой
на безветрии кормится,

Я заплачу с тоской беспросветной,
и Русь

На могучих ветрах мне, великая,
вспомнится.

ЗВЕЗДНАЯ ЖЕНЩИНА

Разодетая, волосы в инее
 В снежной туши
 реснички летящие...
 То зелёное вспыхнет,
 то синее,
 То угаснет в глазах
 пепелящее...
 Под звездою вечерней
 рождённая,
 Лунным светом свой стан
 обернувшая,
 Шалым ветром сюда
 занесённая,
 Средь хрустального звона
 взгрустнувшая...
 Не грусти,
 моя Звёздная Женщина,
 Не томись ожиданием
 нового
 Улетай, коль ещё
 не повенчана
 С суетой этой
 мира сурового.
 Не ищи здесь покоя,
 Великая,
 Не гадай по рассветам –
 обманешься,
 Не к лицу тебе здесь,
 Звездодикая,
 Здесь ты женщиной просто
 останешься
 Не весёлою,
 вечно уставшею,
 Незаметною,
 даже незримою.
 Серой тенью от тягости
 ставшею,

И, порою,
 совсем не любимую.
 Ты найди лучше
 в ломаных линиях
 Этих строчек
 тепла не случайного
 И – согреешь реснички
 от инея,
 И останешься
 Капелькой Тайного.

* * *

Ветер вербу радует
 Песней озорной,
 Мне с тобою сладу нет –
 Всё весна виной.
 Заберись украдкою
 С вербами в окно,
 Словно конокрад, стою,
 Да уж всё одно.
 По ручьям и лужицам
 В серебре луны
 Я тебя кружу и сам
 Плачу от весны.

КОЛЕСОВА НАТАЛЬЯ

КАЖДОМУ СВОЁ

Ах, право, сударь, Вас не понимаю,
 Желаете проститься со свободой?
 Достоинств Ваших я не умаляю,
 (Их щедро подарила вам природа)
 Но всё же... что терзает, друг мой, Вас?
 Что прячете за дивною улыбкой?
 Умны, смелы, честны и, про запас,
 Играли ведь когда-то и на скрипке?
 Вы счастье обрели в служении Богу?
 В кругу друзей Вам стало

слишком тесно?

В молитвах укрепились и тревогу
 Прогнали прочь, насколько мне

известно.

В полночный час нахмурились
 угрюмо,

Я вопрошать не стану, коли худо
 Вам от подобных дум...
 и смотрите устало,

К чему нам эти, сударь, пересуды?
 Нам ссориться и спорить не пристало.
 Но, всё же, Вы бежите от свободы:

Работа, дети, мир – да что угодно,
 И так всю жизнь – по кругу хороводы,
 А остальное стало чужеродным.

Не помните Вы песен на рассвете,
 Не знаете иные города,
 Вам в поле – рожь, другим
 роднее ветер,

За ним они пускаются туда.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК

О, бешеный ты, двадцать первый век,
 Когда родных лишь видишь
 на поминках...

О, век кредитов, цифр, «ипотек»,
 Усталости, запрятанной
 в морщинках...

ГОНКА

В мельканьи дней не замечая,
 Как падает на землю лист.
 И о покое помечтаю.
 Чтоб разум мой был снова чист.

Тогда, пройдя ступень покоя,
 Я оживу, как прежде было,
 Иное вижу и открою,
 И разожгу, что уж остыло.

Считать минуты жизни этой,
 Бежать, обедать на ходу...
 Но в сумасшествии планеты
 Я знаю, всё ж, к чему иду.

ПОРА В ПУТЬ

Бесконечная дорога –
 Жизнь моя.
 – Потерпи еще немного, -
 Говорят.
 – Что, на месте не сидится?
 – Не моё.
 – Топливо же на исходе!
 – Подольём.

ТИШИНА ЗА ШТОРКОЙ

Тишина, привет... родная!
Год тебя я не видала,
Задержалась? Дорогая,
По тебе я так скучала.

Погости еще, прошу,
Хоть останься до рассвета?
Я сейчас тобой дышу!
Мною ты не раз воспета.

Заварила лучший чай,
Хочешь – и окно закрою?
Впрочем, нет, не отвечай –
Помолчим давай с тобою.

Тишина – в падении листьев.
Притаилась в складках штор.
В шелесте бумажных писем.
И в снегах скалистых гор.

Приходи ко мне почаще,
Ведь тебе я очень рада.
В суете такой кричащей
Твой визит – всегда награда.

ЗЛОБА

О, злоба! Ты порок презренный,
И порожденье слабоволья.
Ты отравитель непременный
Сердец, не помнящих раздолья.

Врываешься, как пламень синий,
Все в прах сжигая на пути,
И разум светлый и невинный
Стремись в лапы загрести.

И очи жертвы угасают,
И смех меняется ее,
Она в унынье пропадает.
Страх – достижение твое.

Но Царствие твое не вечно,
Ухмылку ты с лица сотри,
Уничтожаешь безусловно,
Что сотворила – посмотри.

Твоих речей отрава льется
С вином в бокалы и уста,
Кто с упоением напьется?
И неминуема вражда.

Но нет! Во власти человека
Предотвратить исход печальный,
Ты лишь частица в вечном беге,
Привет прислала ты прощальный.

СОКРОВЕННЫЕ СТРОКИ

Вы для меня не просто строки,
Плоды трудов моей души,
И порождение сознания,
Вы рождены в ночной тиши.

В минуты счастья и страданья,
Вы – продолжение молитв,
Биенье сердца, шум дыханья,
Вы – летописи прежних битв.

Вы – плач мой, крик навзрыд
и радость.

В вас - рассуждения мои,
Моя вы маленькая слабость,
И к жизни часть большой любви.

ГЕОРГИЙ ЗУБАРЕВ

КРАЙ РОДНОЙ

О край родной, Сибирь моя!
Те дивные закаты,
Туман молочный над рекой,
А дальше перекаты.

Бежит, петляя по лугам,
Несет прохладны воды,
И окунуть в блаженство я –
Сниму с себя заботы.

О, край родной, здесь вырос я,
Познавший труд крестьянский,
Не надо долюшки другой,
Смотри, какое царство!

Горит костер, горит в ночи,
Так вот мое богатство!
Не надо долюшки другой,
Я сын земли крестьянской.

Я РОДОМ С ЭТОЙ ДЕРЕВЕНЬКИ

Я родом с этой деревеньки,
Зубаревка не больша.
Собирался люд на рёлке,
От велика до мала.
Ребятня в «Котёл» играла,
Спору не было конца.
Бабы сплетнями делились
Про Ивана удальца.
Мужики дела вершили,
Как дровишки вывозить.
Самокрутками дымили,
Так тому, тому и быть.

Гармонь песню заводила,
Порой плакала она,
Что любовь его забыла,
Гармонь бродит до утра.
Зубаревка, Зубаревка,
Не велика и не мала,
Здесь все знают друг про друга –
Словно дружная семья.

ПЕРЕВАЛОВСКИ ПРОСТОРЫ

Переваловски просторы,
Колосятся вон хлеба,
И церквушка златоглава –
Бьет в свои колокола.

Тракт Московский – деревенька,
Босонога ребятня,
Куры, утки врассыпную,
Поросята кто-куда.

Вон лошадка-мохнонога
Потихонечку трусит,
Мужичек сидит надменно,
Самокруточкой дымит.

Все спешат, спешат куда-то,
Жизнь крестьянска не легка,
Все заботушка-забота –
Хлеборобная пора.

Осень красками богата,
Каравай в печи сидит,
Доля-долюшка – крестьянка,
Нам судьба благоволит.

ДМИТРИЙ КОКОРИН**ОТЦУ**

В сломанной дрожью позе
Опускаюсь над гробом отцовым.
Роняя на землю горькие слёзы,
Называя тебя единственным словом –
Отец,

Помоги, будь со мною в дороге.
Идти без тебя я боюсь.
Ни разу не веривший в бога,
Но ради тебя я взмолюсь.
Я помню,
Был ты человеком сильным.
И не забуду тебя вовек,
Уходя тихо с горечью от могилы.
Ты остаёшься, мой
Самый близкий, родной человек.

Я ЖИЗНЬ ОБРЕЛ В ТВОЕЙ ЗЕМЛЕ...

Я жизнь обрел в твоей земле.
Родимый край, души пристанье,
Как дорог и любим ты мне.
Уж лучше смерть, чем расставанье.

Пусть жизнь полна различных
странствий,
Но возвращусь к тебе я снова
И обрету в твоих краях я счастье.
Мне не забыть родного дома.

Я воспитаю также и детей.
И за тебя пожертвую собой.
Я жизнь обрел в твоей земле.
В твоей земле и обрету покой.

* * *

Дорогая моя, дорогая!
Я пишу тебе, верно, письмо,
Из забытого Господом края,
Полюбивший имя твоё.
Очень жаль, что года разлучили.
Нас с тобою удержали вдали.
Мы друг друга давно полюбили.
Друг без друга мы не могли.
Пусть года пролетят быстротечно,
Не прервав нашу крепкую нить.
Я с тобою останусь навечно.
Буду вечно тебя любить!

ОЛЕСЯ СУВОРОВА

ПТИЦА

В свободном полете ты – вольная птица,
Купаясь в объятьях седых облаков,
Что может с тобой в этом сне приключиться –
Зависит от воли попутных ветров.

Расстелена шаль из полей и оврагов,
Застегнутых брошью больших городов.
Сатиновой лентой и ворохом стягов
Ты видишь величие водных миров.

Вот снова рассвет, как разлитая краска,
Ты снова летишь, опираясь крылом,
На плечи ветрам (что быть может прекрасней?),
Весь мир согревая забытым теплом.

Тебе не понять этих стайных амбиций,
Ты вольная птица, ты месяца дочь.
Так короток век, не успевши проститься,
Так скоро летишь ты в безмолвную ночь.

ПОЭТ

К грехам моим иные люди
Причислить норовят и то,
Что тяжесть дум меня изводит,
И я хватаюсь за перо.

Что я бессмысленно потратил,
Талант и время «просто так».
Что с мэтрами я не поладил,
Что все игра лишь, блажь, пустяк.

Но нет! Стихов поток тягучий
Не просто блажь, мои друзья.

То крик души, что гонит тучи,
То продолжение меня.

И пусть я никогда, как жалко,
Не встречусь на страницах книг,
С тем, кто так пылко, нежно, жарко
Стихами этот мир постиг.

Пусть так, но я не променяю
На золото свой игривый слог.
И перед смертью, уверяю,
Я зарифмую эпилог.

ГОРОД

Цветник домов срывая каждый вечер,
Для нас одних звенела тишина.
В мешках из камня зажигались свечи,
А их в ответ ласкала темнота.

За серость улиц улетали птицы,
Забыв приют неоновых светил,
И только пожелтевшие страницы
Расскажут, может,- кто и как здесь жил.

Вода стекала, смыв знакомый запах
Безумной горечи с бензином пополам,
Бетонный лес, луну зажавший в лапах,
Опять взывает к собственным богам.

Мы, словно птицы, в арматурных клетках
Чего-то ждем, не веря ни во что.
Змеёю вечной в магистральных ветках
Сливаемся в единое «ничто».

Теряясь в этих грязевых потоках,
Мы обтекаем сладостный мирок =
Существование с основой на пороках,
И вечной лжи повисший в небе смог.

* * *

Стихли звуки прекрасных и нежных симфоний,
Танца пластика стала бредовейшим сном.
Нет ни книг, ни стихов, нет знакомых историй,
Боли нет, и никто не грустит о былом.

Только птицы задорно кричат в поднебесье,
В тихом гуле теряясь трущоб заводских.
Этот гул тут остался единственной песней.
Люди сгинули. Кто теперь вспомнит о них?

И безликой машиной отлажен конвейер,
Тех, кто был нас умней и сильнее во сто крат.
Тех, кто не предавал, не бросал слов на ветер,
Кто хлопушкой не рвал за снарядом снаряд.

Мы создали убийц, столь прекрасных и мощных!
Прописали программы и задали курс...
Только глядя на нас, не страшась цифр точных,
«Разум» понял: мы есть бесполезный ресурс.

О СТИХОТВОРЕНИЯХ

Так сладко видеть, что стихов певучий слог
Взлетает ввысь, пробив оковы плоти.
И как бы скорбен не был эпилог,
В читателях вы «чувства» разольете.

Смешаете там нежность и разврат,
Любовь земную, боль от расставаний.
Кто музой проклят, кто постиг талант
Вливает в строки золото признаний!

Все мысли легкие, вспорхнув как стая птиц,
Коснуться смогут всех сердец горящих
И пусть сама судьба склониться ниц,
Перед стихом - живым и настоящим!

РОБОТ

Я слепец, блуждающий по звёздам,
Тонущий в сплетении времён.
Не живой, ведь был я кем-то создан,
Жизнь - суровый, беспросветный сон.

Как же просчитать, скажите, боги,
Душ бессмертных цифровую суть?
Жизнь – река, вокруг одни пороги,
Но с тобой не страшно утонуть.

Собирать, как пазл, без нужных клеток,
Всю картину собственной судьбы.
А вокруг вопросы без ответов...
В чем мерило человеческой души?

КАРТИНА

Я расстоянием томим,
Свою я сущность проклинаяю,
Ведь я так редко был любим.
А, может, буду, я не знаю

Я раскрою на пополам,
И поделюсь с тобой картиной,
Которую я создал сам,
Которая была любимой.

На ней – глубокие моря,
И птицы в небо улетают.
Там были двое – он, она.
Они друг друга обнимают.

Вот только никогда они,
Надеюсь, больше не узнают,
Что в нарисованные дни
Они так смело убегают.

Ишимский район

Ишим. Набережная.

Ольга
Гуляева

Валерий
Медведев

Ишимский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области России. Административный центр – город Ишим. Ишимский район образован 10 июня 1931 года Постановлением ВЦИК в составе Уральской области, объединивший 39 сельсоветов и г.Ишим. 17 января 1934 года район вошел в состав Челябинской, 7 декабря 1934 года – Омской области, 14 августа 1944 года район включен в состав Тюменской области. В состав Ишимского муниципального района входят 22 сельских поселения: Боровское, Бутусовское, Второпесьяновское, Гагаринское, Десятковское, Дымковское, Карасульское, Клепиковское, Ларихинское, Мизоновское, Неволинское, Новолоктинское, Новотравнинское, Пахомовское, Первопесьяновское, Плешковское, Прокуткинское, Равнецкое, Стрехнинское, Тоболовское, Черемшанское, Шаблыкское.

В Ишимском районе немало людей, прославивших свою землю. Гордость района - Герои Советского Союза Леонид Иокифович Васильев, Федор Кузьмич Анташкевич, Николай Григорьевич Федоров, Николай Васильевич Чихирев; кавалер ордена Славы трех степеней Яков Иванович Чупин; Герои Социалистического Труда Ольга Георгиевна Гриднева, Дмитрий Васильевич Русаков, Павел Григорьевич Бачурин, Надежда Ивановна Посоюзных, Василий Васильевич Арбузов. Создатель чудесной сказки о «Коньке-Горбунке», которую прекрасно знают все дети и взрослые, Петр Павлович Ершов родился в одном из старейших сел Ишимского района - Безруково. Ныне это село носит имя своего великого земляка. В Ершовской школе создан литературный музей, посвященный судьбе удивительной книги и ее автора.

Достопримечательности

- Региональные заказники:
- Клепиковский (12 925 га)
- Песьяновский (11 741 га)
- Региональные памятники природы:
- Синицинский бор (1 108 га)
- Ишимские бугры - Кучумова гора (319 га)
- Минеральные озёра (149 га)
- Ишимские бугры - Гора Любви (100 га)

ОЛЬГА ГУЛЬТЯЕВА

ЗАБЫТЫЙ АЛТАРЬ

У забытого алтаря
Чистил крылья устало ангел.
А листва танцевала танго
В сером сумраке октября.

В битве с временем рухнул храм.
Лишь алтарь здесь да купол неба.
И никто много вёсен не был,
Не склонялся к святым камням.

Не плывёт колокольный звон -
Переплавлена медь. Отпела.
Куст калины, к морозу спелой,
Каплет горечью на амвон.

Но алтарь – всё ж алтарь, хоть был
И забыт, и обезображен,
И под небом открытым даже
Он имеет надёжный тыл:

Белый Ангел свои крыла
Распростёр для его охраны,
Пусть кому-то старанья странны,
Раз любовь сожжена дотла.

Верю, храмов забытых нет,
Ангел здесь, значит вспомнят люди,
И когда-нибудь их разбудит
Вновь заутренний благовест.

ДОРОГИ И КРЕСТЫ

Цветы с крестами по обочинам...
А в небе хмурым – птичьи стаи...
Нам, видно, счастье не пророчено,
Коль вся дорога – под крестами.

Мечты, реальностью распятые,
Эпохой скоростей изранены.
Короткий прочерк между датами
И – плач за сомкнутыми ставнями.

А небо – птицы крестят крыльями
Над перекрестками дорожными.
Вновь рвем моторами стосильными
И души, и сердца безбожно мы.

Потом – цветы, потом – обочины,
Где вперемешку кровь с бензином...
Мечты о будущем – просрочены.
И ангелы по небу – клином.

БЕЗРАССУДСТВО

Я ведь крылья просила, Ты слышал? Слышал...
Чтоб летать в тишине над бетонным адом,
Чтоб парить на закате всё выше, выше,
И тянуться за солнцем, и быть с ним рядом.

Да, я знала, оно обжигает крылья,
Я предчувствовала - это будет больно.
Но так сильно хотелось взлететь. Так сильно...
Так хотелось почувствовать ветер вольный.

Чтоб вокруг ни границ, ни преград - лишь небо,
Беззакатное небо: летать - как плавать.
Вслед за солнцем нырять, повинуюсь слепо,
И однажды найти колдовскую заводь,

Где душа исцелилась бы и окрепла,
Ну а крылья - для тела родными стали б...
Жаль, от крыльев осталась лишь горстка пепла,
Хоть казались они мне прочнее стали.

Я просила. Ты дал мне, вздохнув устало:
«Не доводит людей до добра упрямство.
Не твои. И родными тебе не станут,
Хоть всю жизнь упираться в своём фиглярстве.»

Ты всё знал... Только я не хотела слышать.
Заложила за крылья и жизнь, и веру,
Чтоб на миг оказаться сильнее и выше.
И сгореть, высоту безрассудством мера.

ЯД ОСЕНИ

В косую линию дождей мой город зябкий.
Мне божоле в бокал налей под стук морзянки.
Пусть ты – не тот и я - не та, мы все – другие.
Зияет в окнах пустота. Качнутся гири

Старинных дедовых часов – и дрогнут стены.
Я - от судьбы на волосок, ты – от измены.
Хранитель Времени, стой, не время склянке...
Срок обрываешь ты не той – другой беглянки.

Дай мне ещё – на пару строк, на пару вдохов...
Но город, стылый, как острог, осенне-мохов.
И даже эхо под дождём молчит и мёрзнет –
Нет смысла в крике. Просто ждём в предзимье слёзном.

В косую линию дождей моя тетрадка,
Склонятся буквы меж полей тугим порядком.
А ты с бокалом божоле присядешь рядом.
По остывающей золе дождь брызнет ядом.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Мне Ваше имя незнакомо...
Да Бог с ним, в имени ли дело...
Я - жёлтый лист, судьбой влекомый,
То - здесь, то – с ветром улетела.

Свиданья наши мимолётны,
А расставанья - бесконечны,
Хранитель истин мой почётный
И понечётный ангел встрече.

И если вдруг ещё случится
Нам пересечься в мире этом,
Я к Вам явлюсь осенней птицей,
Закатом бархатным согретой.

В кормушку будут падать листья,
А может даже – крошки снега.
И шорох скроет тихий выстрел...
И станет бесконечным - небо...

ЗАБЕРИ МОЁ ИМЯ

Забери моё имя себе, унеси на губах,
Сохрани послевкусие нашей нечаянной встречи,
От осенней полынно-прогорклой печали избавь,
Посмотри, как на клёнах желтеет под вечер резьба,
И как Время играет минутами в «чёт или нечет».

Отвлекись от бесчисленных дел и вдохни облака,
Ощути вкус закатного неба в дизайне осеннем.
Если в запахе ветра почувствуешь горечь слегка,
Вдруг зайдётся отчаянно сердце и дрогнет рука –
Это имя моё всё прощает и дарит спасенье.

Пусть не я, пусть хотя бы оно будет рядом с тобой,
Позволяя мне существовать в параллельных пространствах.
И немного теплее вдруг станет в квартире пустой,
Полночь стрелок коснется и выйдут куранты на бой,
Оживив имена на губах зачарованным танцем.

ВАЛЕРИЙ МЕДВЕДЕВ

ГРУНЬКИНЫ БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ

(В большом доме)

Грунька живёт в большом московском доме. На первом этаже.

Грунька очень любит музыку и сама играет в школьном оркестре народных инструментов. Играет она на балалайке, которую ей подарил дедушка. Поэтому у балалайки особенный звук: нежный, певучий. Будто из какой-то волшебной глубины доносится.

Грунька не просто играет на балалайке. Когда Грунька играет, кажется, что целый оркестр звучит. Почему так получается, никто понять не может, и Грунька сама не может объяснить. Получается – и всё. И ещё звучит балалайка у Груньки так, будто она всё время кому-то что-то рассказывает: то весёлое, точно в пляс зовёт, то смешное, то грустное, то сказочное.

Тронет Грунька рукой струны – балалайка сразу отзовется: грунь-грунь-грунь...

Грунька знает, что когда-то, давным-давно, балалайку тоже называли «Грунькой». И потом они в самом деле похожи: у балалайки, как и у Груньки, головка гордая, фигурка стройная, талия тонкая и юбочка пышным веером расходится.

Грунька могла бы с утра до вечера играть на балалайке, но у неё, конечно, много и других дел. А ещё она знает: если хорошо не отдохнёшь, не сможешь хорошо свои дела делать.

Поэтому иногда Грунька любит как будто бы просто так сидеть у окна и смотреть, что во дворе делается. Лучше всякого телевизора!

Обо всём, что заметила Грунька, так вот сразу и не расскажешь. А мы так и расскажем: не сразу, но зато обо всём.

Сначала первую историю.

Ещё ранней-ранней весной Грунька заприметила во дворе одного мальчишку.

Сами понимаете – ранняя весна: вроде и тепло и в то же время очень холодно. Кто одет ещё по-зимнему, кто по-весеннему. Но Грунька не на них обратила внимание, а на мальчишку в джинсах, в майке и кедах – совсем по-летнему.

И когда его не увидишь, он всё бегом и бегом. В школу бегом, в магазин бегом, из школы бегом, из магазина бегом. И неизвестно куда – всё равно бегом.

Не вытерпела Грунька, остановила его однажды и сказала:

– Ты что же, ещё холодно, а ты вон как одет! Простудишься. Здоровье беречь надо.

– А чего его беречь? – сказал мальчишка. – Зачем его беречь?

– Ты, что ли, физкультурник? – спросила у мальчишки Грунька.

– Вот ещё! – ответил мальчишка.

– Я бы на твоём месте прямо сейчас спортом занялась. Ты уже закалённый – и холода не боишься, и бегаешь... пожалуй, быстрее всех.

И знаете, то ли Грунькины слова на мальчишку так подействовали, то ли он

сам решил, но он в самом деле спортом занялся. По-настоящему. Так что его и во дворе больше нельзя было увидеть. Промчится, как метеор, и даже толком не разглядишь – он или не он.

А потом весна промчалась, и лето – ну вот как этот мальчишка.

И Грунька куда-то уезжала, приезжала, прилетала...

И только осенью уже, перед самым началом школьных занятий, Грунька увидела такую картину. В солнечный, жаркий августовский день с улицы во двор вошёл кто-то в тёплом свитере, в клетчатом костюме, в полуботинках и вдобавок шея шарфом замотана. Как же удивилась Грунька, когда узнала в незнакомце того мальчишку, который, помните, ещё холодной весной бегал по двору в майке, джинсах и кедах.

Грунька так удивилась, что даже выпрыгнула из окна и подбежала к Боре. Я забыл вам сказать, что мальчишку звали Борей.

– Боря, это ты? – спросила Грунька.

– А кто же ещё? – довольно грубо ответил Боря.

– Боря! – ещё больше удивилась Грунька. – Ты что же это: такая жара, а ты вон как вырядился. Ты зачем так?

– Темнота! – сказал Боря. – Я, по твоему совету, спортсменом стал.

– Знаю, слыхала, – сказала Грунька. – А почему же ты так тепло одет?

– Не почему, а для чего. Я не простой спортсмен, я чемпион, – пояснил Боря.

– Мне рекорды ставить надо.

– Ах чемпион! – сказала Грунька. – А ведь когда-то весной...

– Ну так тогда мне не надо было беречь здоровье. Только это дело дохлое.

Боре Самойлову здесь соревноваться не с кем. Меня знаешь как ребята зовут? Многоборя.

– За что ж они тебя так?

– А за то, что я в каждом виде спорта – первый. Многоборец я. И мне тут соревноваться совершенно не с кем. Всех победил. Мне только с самим собой можно соревноваться. Ну а как с самим собой посоревнуешься?

– Ах с самим собой, значит? Это, конечно, трудно. Но, пожалуй, возможно, – сказала Грунька. – Устрою я тебе соревнование с самим собой.

– Как устроишь? Когда? – удивился Боря.

– Да хоть сейчас, – сказала Грунька. – Идём.

И Грунька направилась в свою квартиру. Боря, ничего не понимая, пошёл за Грунькой.

Удивительная была у Груньки комната! Боря в первый раз видел такую. Комната была оклеена не обоями, а рисунками обложек книг. Самых расчудесных сказок! Просто глаза разбегались.

Боря стал разглядывать обложки книг и заметил балалайку. Балалайка лежала на полке, а на балалайке сидели игрушки: маленькая собачка, медвежонок,

смешной гусёнок, весь в заплатках. И ещё на балалайке сбоку было то ли выжжено, то ли вырезано: «Грунька».

– Ну вот, – сказала Грунька. – Сейчас.

– Что сейчас?

– Сейчас полетим.

– Куда это мы полетим? – удивился Боря.

– На физкультурную планету. Там ты сможешь соревноваться с самим собой, раз тебе здесь соперников нет.

– А как мы полетим? На чём?

– Вот на этом звездолёте. – И Грунька стала снимать с балалайки игрушки.

Вот тут-то Боря разглядел загадочные буквы: ЗГЛ СССМ.

– А что это за буквы? – спросил Боря.

– Звездолёт «Грунька» летит со скоростью сказочной мысли, – сказала девочка.

– Какой же это звездолёт? Это же твоя балалайка. Обыкновенная балалайка, – сказал Боря, который, конечно, не верил Грунькиным словам и в то же время почему-то верил.

– Была балалайка, а сейчас будет сверхзвуковой самолёт. Вот сравни, сравни!

– И Грунька указала на оклеенную рисунками обложек стену.

Боря увидел на одной из обложек сверхзвуковой самолёт. Потом он взглянул на балалайку и понял, что они в самом деле похожи.

– Снаружи только, – согласился Боря.

– А внутри ещё больше похоже, – сказала Грунька, – грунь-грунь-грунь...

Боря не успел оглянуться, как очутился в звездолёте вместе с Грунькой. И звездолёт этот уже летел с какой-то самой невероятной скоростью. Не успел Боря понять, что он летит, как звездолёт уже прилетел.

– Слезай, – сказала Грунька, – приехали.

– Как приехали? Куда приехали?

– Прилетели со скоростью мысли на другую планету.

– А разве такая скорость бывает?

– Все книги могут перенести тебя в любое место со скоростью мысли, сказала Грунька. – А тем более сказочные книги. Мы с тобой летели со скоростью сказочной мысли.

Грунька с Борей вышли из звездолёта и очутились на стадионе физкультурной планеты.

Стадион был пуст. Боря огляделся и сказал:

– Так мне и здесь не с кем соревноваться.

– Сейчас будет с кем, – сказала Грунька. – С чего хочешь начать?

– С бега на сто метров.

– Пожалуйста, – сказала Грунька и добавила тихонечко: Грунь-грунь-грунь... – как будто струны балалайки тронула.

И сразу же на дорожке стадиона появился судья со стартовым пистолетом и ещё пятеро участников забега. Боря посмотрел на участников и чуть не ахнул. На дорожке стояли пять его двойников, пять Борисов, пять Самойловых.

– Это что же получается? – тихо спросил Боря у Груньки. – Это, выходит, я должен сам себя обгонять. Я так не согласен.

– Не согласен? – переспросила Грунька. – Тогда... грунь-грунь-грунь...

И Боря оказался на футбольном поле, в центре нападения, в майке с номером девять на спине. Боря огляделся и увидел с ужасом, что за ним стоят десять игроков и все они – Бори Самойловы. Но самое главное – и у противника на другой половине поля, и в чужих воротах стояли Бори Самойловы.

– Это что же, – сказал Боря, – я сам себя обвожу буду? Сам себе голы забивать? Сам себе подножки ставить? Подкаты делать? Я не согласен!

– Ну тогда... грунь-грунь-грунь...

И Боря очутился на боксёрском ринге в красном углу, а в синем углу стоял такой же Боря, такой же Самойлов и тоже в боксёрских перчатках.

– Ну, начинай, – сказала Грунька.

– Чего «начинай»?

– Чтoб на первой секунде – нокаут.

– Как нокаут? Самому себе нокаут? – струсил Боря.

– Как получится: или сам себе, или себе сам.

– А мне жалко себя бить. И вообще я пошутил, мне и дома есть с кем соревноваться. Зачем мы сюда прилетели? – захныкал Боря.

– Ах есть? Грунь-грунь-грунь...

И показалось Боре, что стоявший неподалёку звездолёт отозвался, будто звонким смехом рассыпался: «Грунь-грунь-грунь...»

И вот уже Грунька и Боря стоят снова у своего дома, во дворе, прямо под окнами Грунькиной квартиры.

Боря посмотрел на солнце, размотал шарф, снял клетчатый пиджак.

– Что-то жарко, – сказал он Груньке. – Пойти переодеться, что ли?

И Боря зашагал к своему подъезду.

А минут через пятнадцать грянул какой-то фантастический сказочный дождь, и Грунька увидела, как гигантскими шагами мимо её окон пробежал Боря в джинсах, кедах и майке.

– С ума сошёл! Дождь такой холодный! Здоровье беречь надо! – крикнула Грунька. – Ты же чемпион!

– А зачем его беречь? – крикнул Боря. Он ещё что-то кричал на бегу, но Грунька не расслышала...

Наверно, об этой истории Боря рассказал ещё кому-нибудь, потому что с того дня ребята во дворе стали называть Грунькину балалайку Звездолётом «Грунька». И уже все ждали новых полётов со скоростью сказочной мысли.

Армизонский район

Село Армизонское.

Данил
Шум

Зинаида
Попова

Армизонский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области Российской Федерации. Административный центр – село Армизонское. Армизонский район образован в ноябре 1923 года. Район расположен в юго-восточной части Тюменской области на расстоянии 230 км от областного центра и в 72 км от железной дороги. Граничит с Курганской областью (Мокроусовский, Частоозёрский районы) и пятью районами Тюменской области (Бердюжским, Голышмановским, Омутинским, Заводоуковским и Упоровским районами), на юге с Казахстаном. Площадь территории – 3109 км². Одним из наиболее характерных ландшафтов района являются многочисленные озёра, самые разнообразные по величине, и форме, происхождению и химическому составу воды. Всего на территории района расположено около 300 озёр.

ДАНИЛ ШУМ

*Метамодерн в чистом виде:
Автобусные заметки
конвертируются в смыслы.
Ведь порой мысль,
промелькнувшая за секунду,
ценнее двухнедельных мучений
над чистым листом.*

Однажды мой приятель
Весь вечер жаловался мне
На тотальную нехватку времени,
Проблемы с мотивацией
И желание остановить время.
Это был его 21-й день рождения.
Приятель ждал от меня
Какой-то вселенской мудрости.
Что очень зря.
«Тебя уносит
Во взрослую часть бассейна».
Мы сидели на кухне. Одни.
Гости уже ушли.

Он был из тех людей,
Что в сотый раз реанимируют
Свой старый
Кнопочный телефон.
«Истинный самурай
Будет предан своему сёгуну,
Даже когда тот утратит
Былое величие»
Иронично прошептал
Рядом проходящий старик.

Умиляясь, глядя на то,
Как мой кот забрался в коробку,
Я приговаривал:
«Какой глупенький,
Зачем же ты туда полез?»

Да, мне оставалась
Еще пара лет ипотеки.

Я стал чувствовать себя
Крайне свободно, словно моряк,
Что вышел на сушу в южном,
Богатом на девиц и фрукты, порту.
Даже подозрительно.
Цвета стали ярче, насыщенной.
Звуки приятней.
Невыносимая легкость походки
Сопровождала
Вдруг нахлынувшие фантазии.

Несколько минут назад
Пришло зарплатное смс.

Ты молод,
Пока на твоей футболке
Есть место протесту.

ЛЮБЛЮ...

Люблю на травке полежать
И, в небо голубое глядя,
Птиц с облаками провожать.
Лететь была бы с ними рада.

Люблю озёр волнение, гладь;
Лугов цветущих ароматы;
С рассветом новый день встречать,
Прошедший провожать с закатом.

Ещё люблю сплести венок,
Гадать на озорных ромашках,
И шаловливый ветерок,
И лета яркие рубашки.

И петь люблю, но побоюсь.
Спугну вдруг пенем птички трели.
Спиной к берёзке прислонюсь...
Я словно в сказке, той, про Леля ...

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ ВЫПУСКНИКОВ. ВАЛЬС

Помнишь бал выпускной?
Мы танцуем с тобой...
Замирает сердечко...
От друзей наших прочь
Убежали мы в ночь,
Зорьку встретив у речки.
Лет прошло двадцать пять.
И вот в школе опять
Долгожданная встреча.
Я поймала твой взгляд,
Вижу – тоже ты рад.
Стал вдруг сказочным вечер.

Мы идём, как тогда,
Позабыв про года
Вновь друг другу навстречу...
«Пригласить можно Вас
Мне на танец сейчас?»
Обнимаю за плечи.
«Как же ты хороша!»
Таёт, млеет душа
Под приятные речи...
Словно не было лет...
С нами зорьки той свет...
«Глуп я был и беспечен!...»

Годы те далеки,
Но рассвет у реки
С нами будет навечно.
Блеск слезинок в глазах,
Как в тумане весь зал...
Годы так быстротечны...
Вальс окончен. Душа
Замерла, не дыша,
А объятия крепче.
Семьи ждут дома нас...
Благодарна за вальс,
Буду ждать новой встречи.

ВСТРЕЧА С РАДУГОЙ

Июль. Жарища. Не спасает тень,
Загара не жалеет красно лето.
Покинуть берег озера нам лень,
Хотя гроза гремит за лесом где-то.
Подумалось: вот дождик бы сюда!..
Ну а пока к воде бежим гурьбою.
Вдруг крикнул кто-то: «Глянь! Вот это да!», -
Мост радужный увидев над собою.

На время стихли разговоры, смех.
Над нами прямо - арка, словно в сказке!
Смотрели, зачарованные, вверх:
Сочнее, ярче разгорались краски.
Купаться расхотелось, и к кустам
По травке побежала за одеждой.
Какое чудо поджидало там!
Сверкал, переливался куст прибрежный,

А вместе с ним и сарафанчик мой
Пульсирующим, ярким семицветьем,
Как будто кто-то щедрою рукой
Рассыпал самоцветы здесь на ветви.
Да это радуга! Своим концом
Она пришлась на бережок озёрный.
Мне кажется увиденное сном,
Моим воображеньем иллюзорным.

Боясь спугнуть, тяну я руки к ней...
Прохлада, на ладонях искр цветенье...
Но вот цвета становятся бледней
И ... растворилось дивное виденье.
Лишь влага на одежде и руках...
Купальщики примчались одеваться.
Очнулась.. Небо в тучах-облаках.
Со сказкой не хотелось расставаться.

Тобольский район

Тобольский кремль.

Зевакин
Алексей

Тобольский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области Российской Федерации. Административный центр – город Тобольск, основной узел северной части юга Тюменской области, второй по численности город региона. Тобольский район образован в ноябре 1923 года. Площадь района составляет 17 222 км².

Достопримечательности

Объекты культурного наследия

• Федеральные:

- комплекс памятников архитектуры «Монастырь Абалакский»
- памятник археологии «Кучумово городище» – бывшая столица Сибирского ханства Искер

• Региональные:

- Иоанно-Введенский монастырь
- Особо охраняемые природные территории:

• Региональные заказники:

- Абалакский природно-исторический комплекс (88 131 га) – второй в регионе

по площади

- Стершиный, участок 2 (46 100 га) – пятый в регионе по площади
- Тобольский материк (3 581 га)
- Региональные памятники природы:
- Карташовский бор (139 га)
- Медянская роща (120 га)

Я полюбил спокойный тихий шаг,
Хотя еще срываюсь по привычке,
Когда бегут куда-то все спеша,
Двух ног своих, подхлестывая, бричку.

Я все хотел быть строгим и прямым.
Я все хотел, чтоб сердце гулко билось.
Нет, я не старым стал и не больным,
Но что-то вдруг во мне переменялось.

Я полюбил спокойный тихий шаг,
Когда идешь, себя не замечая,
И чувствуешь, как полнится душа,
От суеты привычной отлучая...

Если стук, и кого-нибудь спросят,
Не пугайся и губ не криви.
Это осень по улицам носит
Опоздавших признаться в любви!

О, как их, понимая, жалею!
Будто сам я стою под окном,
И люблю, и скорблю, и болею!
И прошу, и молю об одном!

Отсеет время шелуху.
И скрытое до времени,
Очнется, где-нибудь во мху,
Зерно святого семени.
И плод созреет, и падет
В ладонь, судьбой раскрытую,
И снова сердце запоеет
Ту песнь, почти забытую.

То беспричинная тоска,
Как будто никому не нужен.
То, как ребенка, тянет в лужи
И даже выше, в облака.

То полюбил, то разлюбил,
То вновь весною захлестнуло.
Глазами синими кольнуло –
И для нее себя забыл.

И все ж прекрасно, что всегда
Есть обновление земное,
Когда кипит вот так вода,
И сердце стонутое ноет.

Когда, не глядя на людей,
Весна творит себе дорогу –
Бежит хохочущий ручей,
Бежит себе – и, слава богу...

Уже не пряталось лицо
В рассвете ветреном и бледном...

Потом он снял с руки кольцо,
Потом и сам пропал бесследно...

Но, уходя в последний раз,
Он обернулся на пороге

И испугался темных глаз
О нем же плачущих в тревоге!

Ялutorовский район

Ялutorовск. Сретенский собор.

Ольга
Губина

Ялуторовский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области России. Административный центр – город Ялуторовск. В составе района 15 сельских поселений, объединяющих жителей 39 населённых пунктов. Район представляет собой территорию длиной 100 и шириной около 60 км, сориентированную с севера на юг. Расположен в поймах рек Тобол и Исеть. Площадь территории – 2800 км². 66% территории района занимают земли сельскохозяйственного назначения, 31% территории занимают леса, 1% – реки и озера, 1% – земли поселений. История Ялуторовского района уходит корнями в глубину веков.

Достопримечательности

Объекты культурного наследия

Памятники археологии федерального значения в Ингальской долине:

- Комплекс памятников – городища «Ревда-I», «Ревда-II» и «Ревда-III»
- Комплекс памятников – поселения «Садык-IX», «Садык-II», «Садык-III», «Садык-V», «Садык-VI», «Садык-X», «Садык-XI», «Садык-XII», «Садык-XIV», «Садык-XV», «Садык-XVIII», «Садык-XIX», городища «Садык-IV» и «Садык-VIII», культовое место «Садык-XVI», курганные группы «Садык-I», «Садык-VII», «Садык-XII» и «Садык-XVII»

- Особо охраняемые природные территории
- Региональный заказник Мошкаринский (13 000 га)
- Региональные памятники природы:
- Бочанка (2 250 га) – шестой в регионе по площади
- Сингульский лес (729 га)
- Криволукский бор (197 га)
- Урочище Бузан (7 га)
- Зиновский курган (0,3 га)
- Хохловский курган (0,06 га)

ОЛЬГА ГУБИНА

МАТЬ

Есть звание святое на земле,
В религии любой. Любой семье.
То званье - МАТЬ.
Превыше его нет.
От слова МАМА и тепло и свет,
Оно - мольба, прощенье и привет,
Будь ты мудрец, злодей или поэт,
Роднее мамы у тебя на свете нет.
Не успеваем многого сказать
Той женщине одной, чьё имя мать,
Прийти и тихо ко груди прижать,
Воздать любовью за её тепло
И солнца лучик запустить в окно.
И уберечь от старости, седин,
Убрать слезинки из её морщин.
Сказать ей вовремя так нужные слова:
«Родная мамочка, я так люблю тебя».
Благословенно в мире на века
Святое слово - МАТЬ.
Лишь только Мать одна.

Мой уставший и маленький город
Из разряда «больших деревень».
Сердцу ты по-особому дорог,
Окон чистых твоих – голубень.

Весь в уборе стоит серебристом,
А над крышами парус дымов.
И когда-то вот так «декабристы»
Любовались тобою зимой.

Опускается вечер на крыши,
Зажигает свечой фонари.
Шорох звёзд в небе синем услышишь,
Если чуть попридержишь шаги.

Мой Ялуторовск - звонкая песня
На страницах России моей.
Для меня не найдётся чудесней,
Ты, пожалуйста, друг, не старей!

* * *

А жизнь - она проходит по спирали,
Порой закрутит круто виражи,
Всё круче и всё жёстче испытанья,
Подкинет так, что только: знай, держись.
Вот тишь да гладь, расслабишься немножко...
И резкий поворот, за ним удар!
И, хорошо, коль падаешь, как кошка,
И плохо - если камушком в обвал.
Всё в жизни повторяется, как кадры
Забытого и старого кино.
Обида, тобой брошена однажды,
Вернётся бумерангом всё равно.
А доброту, упорно если сеешь,
Надеясь, что получишь и в ответ,
То, почему-то, вот какое дело,
Идёт ко всем, тебе возврата нет.
Спиральи бесконечное круженье
Идёт за годом год, из век в век,
У каждого своё предназначенье,
В своей спирали кружит человек.

ЧЕТВЁРКИНОЙ АННЕ ФЁДОРОВНЕ ЖЕНЕ, ПОГИБШЕГО СОЛДАТА

Мой добрый ангел, бабушка моя,
Вдова погибшего солдата.
Ты, пятерых растила, как могла,
И память деда сохраняла свято.
Ждала его до окончания дней,
Что вот придёт, домой он жив и весел,
Ты повзрослевших подведёшь детей,
И зазвонит домишко ваш от песен.
Солдату верность своему храня,
Ты отцветала, и потускнели очи,
Ох, вдовья доля, как же ты горька,
Как солоны бессонные вы ночи.
В наряде вдовьем молодость ушла,
Ты для Победы отдала и мужа.
Мой добрый ангел, бабушка моя,
Наверное, судьбе так было нужно

Сладковский район

Село Сладково.

Надежда
Крымова

Валентина
Картишкина

Сладковский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области Российской Федерации. Административный центр – село Сладково.

На основании высочайшего указа императора Павла I от 7 (18) августа 1797 года было введено в казенных селениях крестьян волостное самоуправление. Так возникла Сладковская волость, как административная единица Ишимского уезда Тобольской губернии.

Сладковский район образован на основании постановлений ВЦИК от 3 и 12 ноября 1923 года в составе Ишимского округа Уральской области из Рождественской, Сладковской, Усовской и части Маслянской волостей Ишимского уезда Тюменской губернии с центром в с. Сладковское.

В настоящее время в Сладковском муниципальном районе 10 сельских поселений, включающих 46 населённых пунктов. Район расположен на юго-востоке Тюменской области в лесостепной зоне.

Площадь района составляет 402278 га, земли сельскохозяйственного назначения – 282 673 (в т.ч., пашня – 67 328 га, сенокосы – 75 223 га, пастбища – 52 368 га), земли лесного фонда – 79 428 га, земли водного фонда – 80 792 га.

На территории района расположено 108 озёр. Самое обширное из них – озеро Таволжан, площадь его 7100 га, протяженность достигает 15 км.

НАДЕЖДА КРЫМОВА

ЛЮБОВНАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Летним воздухом вечер обласкан,
Южный ветер поёт о тепле,
Быль и небыль смешались, как в сказке,
Облака понеслись веселей.

В эту даль, с поволокою синей,
Негой вечера поражена,
А уныния нет и в помине,
Я смотрю, напавал сражена.

Песней звонкой соловушка ранит,
Развернётся, занует душа,
Ей не спится, черёмуха манит,
Лунный диск лишь ползёт не спеша.

Юг подкинул тепла нам с лихвою,
Друга милого вспомню, любя,
И сидеть бы лишь рядом с тобою,
Я мечтаю, сирень беребя...

РАЗБУДИ МОЁ СЕРДЦЕ

Раннее утро и звёздочки гаснут,
А из окна густо пахнет сирень,
Зорька маячит полосочкой красной,
Будет, наверное, сказочный день.

У изголовья присяду к тебе я,
Долго смотрю в дорогие черты,
И приласкаю, немного робея,
Может, ответишь взаимностью ты.

От теплоты и объятий, и взгляда,
Ёжик обид превратишь в колобок,
Счастье в душе, а чего ещё надо?
Если побудешь со мною часок.

Радость моя в каждой жилочке тела,
День осветил бирюзовую даль,
Целую вечность с тобой бы сидела,
Если уйдёшь – в дом ворвётся печаль.

СЧАСТЛИВАЯ МИНУТА

Скворечник на дереве новый,
Чуть слышно рокошет ручей,
А солнышко холод суровый
Собой греет всё горячей.

Тернистые звёздные дали
Летят, покоряя, в строю,
И, птицы с дороги устали,
Вернулись в сторонку свою.

А здесь, в захолустье черёмух,
Я дом прикрепила и жду.
Мне на душу ляжет истомой
Их песнь, что скворцы заведут.

Настанет такое мгновенье
У наших тесовых ворот:
Тот скворчик споёт вдохновенно,
А рядом – птенец желторот.

СЧАСТЛИВАЯ МИНУТА (2)

Схожу по тропинке терновой,
 Чуть слышно рокошет ручей,
 А роща одела обнову,
 Серёжки свисают на ней.
 Тропинки зелёными стали,
 Летят в синеве стаи птиц,
 И им покоряются дали.
 Весну небеса дождалИсь.
 А здесь, в белой дымке черёмух,
 Я воздухом сладким дышу,
 Мне душу ласкает истома,
 И я уходить не спешу.
 Настойчиво ветер-проказник,
 У рощи играет в кудрях,
 Тот миг для меня – сердцу праздник,
 А птицы над рощей парят

МОЯ ДУШЕВНАЯ ПЕСНЯ

Мне для счастья много ли надо?
 Ощутить полноту бытия.
 Я дышу – небеса мне в награду.
 Для меня – даже трель соловья.
 У весны много красок нарядных:
 Шар сирени – костёр для души,
 Ежегодно тюльпанов парады
 Восхитительно как хороши!
 Наконец разгорелися зори,
 Алым сад разукрасили нам.
 Я узнала в торжественном хоре:
 Птичий гомон – то гимн небесам.
 Если не опоздаю к рассвету,
 Сада запахи в нос, как елей.
 Навсегда в моём сердце всё это,
 Я сторонкой люблюсь своей.

В ВАСИЛЁЧКЕ НЕБА СИНЕВА

Весело солнышко вышло на луг,
 Ветер травинки шатает слегка,
 А по ковру из цветов, что вокруг,
 Снял сапоги, не устану шагать.

И захожу на поляну я смело,
 Лёгкими стайками на голубом,
 Ёкает сердце от пятнышек белых,
 Что побелили ромашки собой.

Как лоскутки небосвода в оконце,
 Есть на поляне такие цветы,
 Не пожалело индиго им солнце,
 Если они цвета давней мечты.

Буду бродить по цветущему лугу,
 А соберу я двухцветный букет.
 Смотрят цветочки глазами подруги,
 Им добавляю ромашковый цвет.

На бело-синюю дымку люблюсь,
 Есть в ней оттенки вечерней зари.
 В вазу поставлю красу полевую.
 Ах, красота-то какая, смотри!

СОЛНЦЕПЁК

Свет лучистый с утра от зари,
 Очень жарким становится день,
 Лик у солнышка ярко горит,
 Надо где-то упрятаться в тень.
 Целый день нет волны в поле ржи,
 Еле-еле течёт гладь реки,
 Почему-то затихли стрижи...
 Ёлки замерли, сникли с тоски...
 Как природе помочь, подскажи...

ВАЛЕНТИНА КАРТИШКИНА

Детское воображение волшебно, если посылом служит добро и красота. Познание мира. Когда оно начинается? Сразу, после рождения. Счастье, если тебя встречают ждущие руки, тогда ты родной в этом мире.

Если Америка под нами, почему бы ее не откопать?

- Ой, я уже вижу крыши домов!

- И я! А люди какие. Они маленькие!

Они умещались между большим и указательным пальцем. Мы абсолютно искренне верили нашей фантазии, нам было хорошо и весело.

Ты просыпаешься и с удивлением замечаешь, что нет в руке красивого цветка. Надо очень сильно зажать ладонь в следующий раз. Не получается. Ладонь сжата крепко, а цветка нет. Мама объясняет, что это сон, а во сне все понарошку.

- Люда, а когда кошка научится говорить?

- Кошки вообще не разговаривают.

- Никогда?!

Никогда не поговоришь с кошкой! Это было потрясением.

Люда, старшая сестра. Она учится в райцентре и живет в интернете. Ты ждешь ее, как ждут праздника. Один раз в неделю ее привозят на выходные на лошади, закутанную в большую шаль.

Она всегда радуется чем-то необычным: будь то воздушный шарик, душистый лимон или елочное украшение. И вот ты уже с ней вдвоем на русской печке-лежанке под этой шалью, пахнувшей морозом и еще чем-то неведомо приятным. В ее руках маленькая книжечка в тонком переплете, и ты слышишь завораживающую музыку простых слов:

Буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя...

И просыпается ощущение красоты обыденных вещей и явлений, которое живет в твоей душе до поры неоткрытым тобой, но про которое чудесным образом знает поэт.

Испытание себя. Это тоже с детства.

Все уже прыгнули со старого, не имеющего крыши дома, а у тебя замирает сердце и слабость в ногах. Можно слезть и не прыгать – ты девчонка, и ты маленькая, и просто здесь со старшим братом. Но они же прыгнули! И вот ты летишь вниз, а сердце рвется вверх, и новое ни с чем несравнимое ощущение полета. Или залазишь за черемухой к бабушке соседке не за тем, что любишь черемуху, а чтобы испытать ужас погони и избежать наказания палкой.

Это потом будет отец «читать нотацию» - самое страшное наказание для нас, страшное ожиданием ее и чувством стыда за свой проступок, страшнее жидкого прута, оставляющего белые полосы на босых ногах, которым иногда потчевали нас по ходу дела за мелкие проказы.

Голос совести... Соорудить в своем палисаднике маленький памятник погибшим воинам из лучеобразной подставки под горячее и поклясться нерушимой клятвой, что никогда больше не возьмешь чужую вещь, какой бы она красивой ни была, хотя об этом грехе никто не знал, даже мама.

Вера. Это тоже из детства. Если у тебя какая-то беда, надо быстрее заснуть, и наступит светлое завтра, которое все исправит. Эта вера с родни с верой в могущество врачей и незыблемость маминых слов.

- Мама, я не умру?

Это обязательно перед сном. Каждый раз.

- Никогда-никогда?

- Нет. Спи, доченька.

И все. Ты себя обезопасила. Так и будет по маминым словам, ты счастлива, ты бессмертна, и покой овладевает тобой.

- Стоит хороминка...Повторяй.

Она не стоит, а парит и светит. Воздушная, белая, похожая на колокольню, нарисованную на картинке, но только невесомая и излучающая несказанный свет какого-то умиротворения.

- На светлом месте построена...

Дух захватывает, и ты сама как бы уже паришь в этом свете.

- Святым Духом крещена ...

Красота и защищенность пронизывают тебя всю, и ты засыпаешь.

Хороминка не сочеталась с нашим скромным жильем. Перед пасхой после побелки убранное белыми тюлевыми занавесочками, кружевами и вышивкой, пахнувшими горячим утюгом и ветром, оно наполнялось светом и тихой радостью. Как я ни пыталась достать это великолепие раньше, мне не позволяли. Берегли лучшее убранство к празднику.

Красный угол у потолка был украшен вышитым угольником, только полочка была пуста. Не было икон.

- Пресвятой Богородицей священа...

Вера, вытравленная страхом и идеями нового общества, осталась искоркой в самых затаенных глубинах человеческой души, и этой искорки было достаточно, чтобы в детской душе затеплилась лампадка, как эстафета, и ее «свет светит, и тьма не объяла его». Заггла ее женщина, которой нельзя было верить в Бога в обществе строителей коммунизма, где все должны были стать атеистами. Идея была превыше всего, превыше жизни самих строителей, превыше милосердия. Маме за горсть зерна, которую она, будучи кладовщицей, украдкой

сыпнула в карман многодетной матери, дали срок. Насколько человек должен быть сильным и чистым, чтобы перенести все тяготы голода, войны, разрухи, претворения идей партии и правительства в жизнь и сохранить живую душу.

- Ангелки по стенкам, по окошкам...

Благодать вошла в сердце до того, как настала школьная пора.

Учительница. Первая. Авторитет ее непререкаем. Она тоже была немного неземной, во всяком случае, не из повседневности. Она творила мир детства из чудесных книг, школьного театра, экскурсий на природу, которые открывали новые грани красоты, творила его из запаха хвои новогодней елки, волшебных елочных украшений и предвкушения праздника. Она учила создавать праздник своими руками и делить его с окружающими.

- Кто из вас вчера колядовал, шаг вперед! – отдал команду заведующий школой.

- Октябренок у порога заявил что?

- Не верю в Бога, - шмыгали носом провинившиеся.

А после уроков, когда собирались домой, одноклассник:

- Ты веришь в Бога?

- Не знаю.

- А я в Боженьку верю, а в Бога нет.

Вопрос был поставлен.

- Иисус Христос на порожке, аминь в трубе, Свят Дух по избе...

- Люда, а Бог есть?

- Ты же теперь октябренок, а октябренок у порога заявил: «Не верю в Бога».

Я долго еще пыталась понять, разобраться в этом вопросе. Получала отлично по марксистско-ленинской философии, по научным основам атеизма. Ответа не было, пока Бог не явил свет Сам в трудную для меня минуту, когда я переживала смерть любимого брата и не было уже сил выносить это горе, когда опустились руки и шепотом, который во сто крат громче крика, всей болью: «Господи, я больше не могу».

Благодать вошла в мою душу. Боль утихла. Она осталась, но утихла. Я поняла, Бога тщетно искать разумом, Его понять нельзя разумом. Здесь наш всемогущий разум бессилён. Господь являет Свою милость Сам, и ты начинаешь понимать значение слова вера.

- Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Уватский район

Уват. Биатлонный центр.

Наталья
Чемакина

Уватский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области Российской Федерации.

Административный центр – село Уват. Село расположено на левом берегу Иртыша, в 116 км северо-восточнее города Тобольск. Село Уват известно с XVII века. С момента основания и до 1923 года село носило название Уватское. После постановлений ВЦИК от 3 и 12 ноября 1923 года село было переименовано в Уват. Общая площадь его территории составляет 48320,9 км². Уватский район является единственным на юге области районом, приравненным к районам Крайнего Севера. В Уватском муниципальном районе 12 сельских поселений и 1 межселенная территория, включающих 33 населённых пункта.

НАТАЛЬЯ ЧЕМАКИНА

КУДА УХОДИТ ТЕМНОТА

Куда уходит темнота,
Когда рассвет, открыв глаза,

Вернет на землю белый свет,
А для нее и места нет.

Куда девается она?
Наверно, прячется в дома?

В подъезд тихонько забредет,
И там до вечера замрет.

Сидит в подъезде темнота,
Боится каждого шажка,

И фонаря, что на стене,
За ней следящего везде.

Она - в укромный уголок,
Он - тычет светом ей в бочок,

Она под лестницу скользнет,
Но он и там ее найдет.

Вздыхает грустно темнота:
Скорей бы вечер спас меня!

ТУЧКИ-НАХЛОБУЧКИ

Тучки нахлобучки
Собирались в кучки.
Замышляли тучки
Каверзные штучки.

Как бы ухитриться
Солнышко поймать,
Что бы в синем небе
В прятки с ним играть!

НА СТИХИ ЛЮДМИЛЫ КОРИКОВОЙ

Слово в строчке,
А между – судьба...
Не досказана, не дописана...
Почему жизнь ведет в никуда,
Если книга еще не дочитана,

Почему оставляя след,
Боль скребется и терпит муку,
Почему не сберег рассвет,
В тьму отправил родную душу...

Нижнетавдинский район

Село Нижняя Тавда.

Любовь
Исаева

Нижнетавдинский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области Российской Федерации.

Административный центр – село Нижняя Тавда. Село Нижняя Тавда было основано в первой четверти 17 века как Тавдинская слобода. Первое упоминание об этом селе имеется в «Дозорной книге Тюменского уезда» 1625 года, где оно отмечено в числе вотчин Тобольского архиепископа Киприна.

На территории района расположено 87 озёр, из них в 20 ведётся промысловый лов рыбы, протекает большая судоходная река Тавда, кроме неё протекает ещё около 30 рек и речушек, расположен Озёрно-болотный комплекс «Ишимбай».

Достопримечательности

Заказники

Комплексный биологический заказник федерального значения Тюменский (53 585 га) – четвёртый по площади в регионе комплексные зоологические заказники регионального значения Троицкий (32 240 га) и Гузенеево (10 900 га)

Региональные памятники природы

Заморозовский (2 327 га) – четвёртый по площади в регионе

Весёлая грива (501 га)

Новоаракчинский (318 га)

Озёрно-болотный комплекс «Ишимбай» (100 га)

Урочище Орлы (100 га)

Липняк Шайтанский (30 га)

ЛЮБОВЬ ИСАЕВА

АХМАТОВОЙ А. А.

В груди незаживающей раной,
Где век двадцатый свой оставил след,
Как выстрел у виска, твои катрены
Из окаянных, невозвратных лет.
В энергий стутках, нас связавших прочно,
От сердца к сердцу шёлковая нить,
Где правда между строк и в многоточьях,
С которой новым поколениям жить.

УРОКИ ИСТОРИИ

Июня день двадцать второй –
Для нас лишь памятная дата.

Ведь мы не слышали с тобой
Орудий страшные раскаты
В тот безмятежный ранний час
Под сводом утренней зарницы,

В крестах фашистских танков лязг
На юго-западной границе.

Пехоты в марше твёрдый шаг
И плач кукушки перед боем,
С которым вдруг коварный враг
Ворвался в каждый дом с бедою.

Не ты в то утро и не я
Лежать остались на болотах,

В завесе дыма и огня,
Не нас бомбили с самолётов,

Не мы, покинув блиндажи,
Пройдя с боями пол России,
С земли родной за рубежи
И день, и ночь врага теснили.

Не нас без жалости в упор
Он убивал четыре года,

Не перед нами свой позор
С проклятьем принял от народов...
Мы – поколение тишины,
Не знали горя лихолетья,

Но помнить я и ты должны
Тех, кто ушёл кружить в столетья.

ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Край глухаринный, глухомань когда-то –
Сегодня заповедные места,
Где все рассветы, все мои закаты
Целуют зори в алые уста.
Озёрный край, рябиновый, брусничный,
Ещё он помнит подвиг Ермака.
Вдали от шума, суеты столичной
С тобой нас кружит времени река.
Земных красот я видела немало,
Вхожу в твои и попадаю в рай.
Свою Судьбу не зря с тобой связала,
Берёзовый, ромашковый мой край.
Здесь трав в лугах широкое раздолье,
Простор полей на скатерти дорог,
Где не слезой, так потом с горькой солью
Пропитан хлеба каждый колосок.
Здесь старина на островках прогресса,
Мечты полёт над радугой из дней,
Где скоро, как предсказывал нам Мессинг,
Жизнь станет лучше, станет веселей.
Здесь наша Доблесть в бронзе и в граните,
Здесь наша Слава в памяти людской,
Здесь Солнца Лик в безоблачном зените
В душе рождает радость и покой.
Любимый край. Другого мне не надо.
В стихах и в песнях славлю твой рассвет.
Сегодня Сказка. Глухомань когда-то.
Пусть небеса хранят тебя от бед.

ХОДИКИ

Тик-так ходики
 В горнице моей,
 Где мелькают годики
 В суматохе дней.
 Где вдвоём с кукушкой
 Век мне куковать.
 С нею, как с подружкой,
 Дни свои считать...
 Пусть пророчит милая
 Радость иль беду.
 Птица я бескрылая,
 Но не пропаду.
 Горлица певучая
 С солнышком в груди,
 Верю, годы лучшие
 Ждут нас впереди.
 Ускоряют ходики
 Времени разбег.
 Не вернуть мне годики,
 Да и бабий век,
 Где за вьюгой снежной
 Из моих тревог
 В озере Надежды –
 Счастья островок.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Под бой часов на Спасской башне
 В последний день календаря,
 Что станет скоро днём вчерашним
 В просторах снежных января.
 В сияньи звёздного экрана,
 Где песен с шутками замес,
 Как в детстве, верить не устану
 В свою мечту и в мир чудес,
 С которым встречу обещает
 Четвероногий мне Дружок,

Что из далёкого Китая
 Уже спешит на мой порог,
 Где пробудившись спозаранку,
 Как все хозяйюшки в селе,
 Для гостя скатерть-самобранку
 Я примеряю на столе.
 Здесь по традиции давнишней,
 Чтобы никто не заскучал –
 Графин с наливочкой из вишни
 И для шампанского бокал.
 С индейкой жареной маслины,
 Король салатов – оливье,
 Дары Кавказа – мандарины,
 Как брызги Солнца в хрустале.
 Здесь холодец и кулебяка,
 Под ананасами лангет.
 Ведь каждый знает, что Собака
 От века тоже мясоед.
 А чтобы как-нибудь задобрить
 Сегодня ту, кого я жду,
 В прихожей для неё на коврик
 В подарок рульку положу.
 Пусть принесёт в мой дом удачу
 И не прибавит в нём забот.
 Резвится весело и скачет,
 Ворвавшись в будней хоровод.
 Хвостом виляя добродушно,
 Встречает радостно друзей
 И станет годом самым лучшим
 В твоей Судьбе пусть и в моей.
 Пусть приумножит наш достаток,
 Хранит от боли и разлук,
 Ведь каждый знает, что Собака –
 Не символ года, а наш Друг!

10 января 2018 г.

ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО

Простить однажды не смогла
Обман тому, кого любила,

Чей образ в сердце сберегла,
Когда своё отголосила,

Но телефона крик в ночи,
Наш разговор неловкий, странный

Теперь в висках моих звучит,
Как гул набата, неустанно.

Пробившись сквозь года разлук
С надеждой робкой на прощенье,

Того не ведая, он вдруг
Стал для меня освобождением

От груза горестных обид,
От мук в душе невыносимых,

Что до сих пор ещё болит,
Не утихая, с прежней силой,

Но я сегодня не берусь
Гадать, что завтра будет с нами.

Ведь в жизнь твою я не вернусь,
И ближе мы уже не станем.

НАТЮРМОРТ

Всё, что храню я в памяти,
Что ластиком времени стёрто,

Осталось в квадрате рамы,
В летящих мазках натюрморта.

Где скромный букет сирени,
Прошитый лучом заката,

Что в день моего рожденья
Ты мне подарил когда-то.

На веточках белоснежных
В бутылке из-под кефира,

Застыли Любовь и Нежность
От сотворения мира.

Красок игра и света,
Восторженных глаз сиянье,

В сумраке предрассветном
Одно на двоих дыханье.

Сплетение наших теней
И страсти огонь под кожей...

Счастливой весны мгновенья,
Что помнишь и ты, быть может.

Ярковский район

Село Ярково

Надежда
Зиборова

Анатолий
Киселёв

Ярковский район – административно-территориальное и муниципальное образование в Тюменской области Российской Федерации.

Административный центр – село Ярково. Согласно первым документальным упоминаниям, история села Ярково и населённых пунктов на территории Ярковского района начинается в первой половине XVII века. В 30-е годы XVII века на территории будущего Ярковского района, по указу царя Михаила Романова были созданы первые однодворовые поселения служилых и посадских людей.

В 1641 году появилась Монастырская Слобода (ныне д. Щучье), в 1642 году – Покровская Слобода (ныне с. Покровское). В окрестностях села Ярково проходили бои Ермака и его дружины.

Согласно местной переписи 1700 года, деревня Ярково состояла из 26 дворов и являлась преимущественно крестьянско-ямщицким поселением.

Образован район на основании постановления президиума Уралоблисполкома от 17 июня 1925 года в составе Тюменского округа Уральской области из территории Иевлевского района и 5 сельсоветов Покровского района.

Достопримечательности

Объекты культурного наследия

К ним относится комплекс памятников археологии федерального значения, состоящий из городища «Иска-I» и поселения «Иска-II».

Особо охраняемые природные территории

Региональные заказники:

Таповский (45 000 га) – шестой на юге области по площади, часть его расположена в Юргинском районе

Иевлевский (10 000 га)

Региональные памятники природы:

Южаковский (3 726 га) – крупнейший в регионе по площади

Озёрный (2 897 га) – третий в регионе по площади

Язевский (255 га)

Пихтовый мыс (212 га)

Юртоборовский (37 га)

Боровский (8 га)

НАДЕЖДА ЗИБОРОВА

* * *

Я, конечно, вернусь...

В. Высоцкий

Люди на Большой Каретный
Тянутся с гитарами,
Со всего съезжаясь света,
Молодые, старые.
Вот ушла эпоха снова,
А Высоцкий – вот он, здесь.
Бьётся нервом барда слово,
Словно плесень, снимет спесь.
Фильмография простая:
Янг, Хлопуша, Галилей,
Глеб Жеглов, последний – Гамлет...
Тридцать наскребём ролей.
Главной, но нелёгкой стала
Роль поэта и певца.
Незаслуженной опалой
Пригрозила вмиг Страна,
Но магнитной ленте – слава,
Что в народ она пошла –
Популярность разрасталась
И Кумира родила.
Жизнь его прошла на грани,
На пределе вся судьба.
Как известно, хулиганил,
Но романтик – навсегда.
Он с азартом испытания
Принимал и пропускал
Через сердце. На прощание:
- Я вернусь! – пообещал.
Быт бы кто его наладил,
Раны сердца залечил!
Может, это будет Влади?
Но и тут – всё на разрыв.
С полутонем не якшался,
Полуправду не любил,

Не ловчил, не прогибался,
Был всегда таким, как был.
Хрипотцу узнаю эту
Среди тысяч голосов.
Зазвучит опять приветом
Иль посланием веков.
Привередливые кони
Закусили удила –
Воли хочется им, воли,
Лихо мчатся сквозь года.
И сжимается от боли,
И заплачет сердце вдруг,
Будто в сотый раз из боя
Не вернулся лучший друг.
Коль у братской мне могилы,
Как у многих тысяч вдов,
Слёз сдержать не хватит силы,
Спрячу их среди цветов.
Вот и снова на Каретный
Меня кони понесли.
– Эй, помедленнее, черти!
Глянь – печали след простыл.
Позовёт куда-то в горы,
Запружинит хрипотца.
Бег на месте? Мы готовы,
Хоть в квартире – на раз, два!
И Страна давно простила,
(А народ всегда любил)
Жаль, посмертно наградила –
Так бывает на Руси.
Вертикаль твоя под Солнцем –
Сорок два – и в небеса...
Но ты с нами, знай, Высоцкий,
Жив, Владимир, ты в сердцах.

СРАЖЕНИЕ ВЕКА

На скамейке, в парке, ветераны
Вспоминают жаркие бои,
Кто-то, чуть поглаживая раны,
Кто-то – без руки иль без ноги.

Тихо в шелесте листвы беседа,
Словно камушками шебурша,
Память растревожила у дедов,
Заблестела горькая слеза.

– Помните бои под Сталинградом? –
Выдохнул в коляске старичок. –
Глотки рвали мы фашистским гадам
В рукопашной за земли клочок.
Сколько под Мамаевым курганом
Полегло отчаянных голов
На устах с застывшим

словом «мама»...

На смерть бились все там, кто как мог.

- Помню дом, квартиру и мальчонку...
Вжался в уголок под столом,
Обхватив руками собачонку,
В пол-лица глаза от страха, а потом –
Бомбы вой... Очнулся на закате,
А рука болтается, как плеть,
Всё скулила жалобно собака,
От парнишки - лишь кровавый след.

Друг мой, скорчившись
от смертной боли,
Тихо чуть успел прошелестеть:
«Сыну помоги, сыночку, Коля...»
А душа спешила улететь.

- А меня сестричка выносила
С поля боя, привязав к себе.

До сих пор дивлюсь – откуда силы
Брали те девчонки на войне?

Ноги вот спасти не получилось –
Раздробило так, что не собрать,
А что жив остался – ей спасибо,
Даже не успел спросить, как звать.

– В Храме свечки рабе божьей Ире
Ставлю, каждый раз туда входя.
Ангела крылом меня прикрыла,
А себя от пуль не сберегла...

- Многих заглотил котёл сражений
В свисте пуль, под пулёмётный лай.
Тот оскал смертельный разрушений
Не дай Бог ещё раз увидеть.

– Вдвинута в пределы Сталинграда
Наша армия – нельзя назад!
С воздуха обстрел – страшнее ада,
Только город надо отстоять!

- Да, не зря ребята наши гибли,
Намертво вцепившись в Сталинград,
Дали там урок фашистской гидре,
Поползла, поджавши хвост, назад.

Начисто повергнут был противник,
Паулюс, фельдмаршал, в плен попал,
В траур обрядилась эйфория.
Несгибаемо дом Павлова стоял!

Скорбно, с перерывами, беседа
В парке нелегко давалась, видно...
Внуки, помните, что ваши деды
Мир спасали, не жалея жизни.

В КОТОРЫЙ РАЗ МНЕ СНИТСЯ СОН

В который раз мне снится сон:
Сползаю я на дно воронки –
Там слышен чей-то слабый стон,
Убитых два, один в сторонке.

Как будто всех друзей обнять
Решил солдатик напоследок,
Раскинул руки второпях,
Его душа ушла на небо.

Глаза закрыты навсегда,
Улыбка спрятана в морщинах,
Письмо читал ещё вчера
И смахивал слезу в щетину.

А рядом – ужаса оскал
На юном личике безусом.
Какие он стихи писал!
Сбежал студент на фронт из ВУЗа.

А где-то девушка ждала
Стеснительного в жизни парня.
С надеждой мама в церковь шла –
Свечу за здравие поставить.

И вдруг – надежды, боли взгляд
И еле слышный шёпот: «Ангел...»
Но близится железный лязг,
Прицельно смотрит дуло танка.

Срываю сумку я с плеча,
А смерти плащ уж нависает,
Но пусто в сумке – нет бинта...
И с криком-стоном просыпаюсь.

И не уснуть мне до утра
От взгляда тихой укоризны,
Что я кого-то предала,
Как будто не во сне, а в жизни.

Скажите, как живётся вам,
Кто бряцает своим оружием?
И что там снится по ночам
Разруху сеющим и ужас?

Вам в радость вид горящих тел.
А запах крови, как наркотик?
Вы в мирной жизни не у дел?
Иль сами из бессмертной плоти?

Ведь чтобы жить, нам жизнь дана,
А продолжение наше – дети.
Рожает мать своё дитя
Не на закланье для смерти!

АНАТОЛИЙ КИСЕЛЁВ

ЯРКОВСКИЕ МОТИВЫ

Ярково – частица нашей державы
Под солнцем и флагом Тюменской земли.
С Россией Ярково - в общей оправе
По вере, по совести и по любви.

Цвети и взрослей, край Ярковский, с годами,
Ты молод в свои девяносто лет!
Крепи свою мощь и красоты делами,
Всем миром сегодня, потомкам навек.

Богата на родине малой природа.
И предки наследством нас не обошли.
Новые ритмы внесла в жизнь дорога,
И радужней стали в Ярково огни.

Цвети и взрослей, край Ярковский, с годами,
Ты молод в свои девяносто лет!
Крепи свою мощь и красоты делами
Всем миром сегодня потомкам навек.

Мы чтим идеалы былых поколений,
А ныне живём в свете новых идей.
Мы вместе с Россией, мы вместе с Тюменью
В ногу шагаем в завтрашний день.

Цвети и взрослей, край Ярковский, с годами!
Ты молод в свои девяносто лет!
Крепи свою мощь и красоты делами
Всем миром сегодня потомкам навек.

Я хочу раствориться и слиться
 В буйстве красок осенней красоты,
 И невидимым духом кружиться
 Среди жёлто – хрустальной листвы,
 Насладиться дыханием прохлады –
 Молодящим осенним вином,
 И вальсировать под листопадом
 От его волшебства под хмельком.
 В добровольном плену чародейки
 Бесконечно витать я готов:
 Любо – мило средь лип на скамейке
 Наяву пребывать в царстве снов.
 Отдаюсь по любви её власти
 Под воздействием чар целиком,
 И роман разбудил снова страсти
 Животворным душевным огнём.
 Разбудил силу мысли и крови
 Цветом, свежестью, золотом лип...
 Закружусь в белом танце с листвою
 Под божественный осени хит.

Обожаю осеннюю пору,
 Когда клён пожелтел и льёт дождь...
 Не спеша под зонтом по Ярково
 К липам стройным иду в царство грёз.
 Манят чарами эти аллеи,
 Навевают то радость, то грусть...
 В центре парка примолкли качели,
 Принимая золотой листве груз.
 Мне здесь чудятся прошлого виды:
 Дамы в чепчиках, в шляпах мужи,
 Замок с башенкой, плющем увитый,
 Экипажи, в ливреях пажи.
 Все приветствуют чинно друг друга,
 Счастьем полнятся лица у дев,
 Чай разносит и сладость прислуга
 Под волшебный свирели напев.
 Миражи бестелесные тенью
 Пред глазами в аллее встают,
 Им навстречу походкой степенной
 Под осенним гипнозом иду...

Догорала на небе зарница,
 Невпопад прогорланил петух,
 Потянулись авто вереницей
 К нам в райцентр на праздничный крут.

Припев: А цветы в палисадах Ярково
 Пышут красками, радуя глаз,
 Захмелев ароматом пионов,
 Кружит ветер с рябиною вальс.

Официальных гостей из столицы,
 Дружелюбных соседей, друзей,
 Хлебом – солью встречают девицы,
 И по форме – речами властей.

Припев: А цветы в палисадах Ярково
 Пышут красками, радуя глаз,
 Захмелев ароматом пионов,
 Кружит ветер с рябиною вальс.

Зарядил – закружил в вихре праздник,
 В ритмах танца народ, высший свет...
 Так танцуют районом однажды:
 В юбилей - Девяносто лет.

Припев: А цветы в палисадах Ярково
 Пышут красками, радуя глаз,
 Захмелев ароматом пионов,
 Кружит ветер с рябиною вальс.

Словно гимн, исполняем «Калинку»,
И как символ она под окном,
И любовно в Ярковской глубинке
Мы ансамбль «Калинкой» зовём:

Как огонь, искромётно – шальная,
С тонким станом весенних берёз,
То, как птиц белокрылая стая,
То, как чудный букет алых роз.

Пышет красками в музыке танца
Юных дев хоровода узор:
То рассыплется весь в реверансах,
То сойдётся в цветастый ковёр,

То взметнутся вверх крыльями руки,
То выиграют ритмичной волной,
То парят, как пушинки, под звуки
Белым облачком над головой.

Украинский, испанский
и польский...
Танго, румба, канкан и фокстрот...
Всё исполнит ансамбль ярковский -
Даровитый от Бога народ.

Звёзды сцены - на то они звёзды:
Светом дара сердца окрылять,
И «Калинка» в любую погоду
Будет солнцем на сцене сиять.

С паствой через батюшку Всевышний
В этом храме таинства творил,
И в прямом и в переносном смысле -
Дух и плоть народную целил.

Благовест звучал на всю округу,
Изгоняя хвори и чуму,
Наполняя силой медных звуков -
Благодатью прихожан умы.

Храм снесли адепты новой веры
Под марш – гимн «Интернационал»,
Но остались, так случилось, стены,
Как укор безбожным временам.

Рана, кровоточащая в центре -
Улице парадной не к лицу.
Решено: пристроить к бывшей церкви
Два «крыла», чтоб угодить Творцу.

Здравый смысл, иль помогла молитва -
Вновь взросли там добрые дела:
Каждый день за жизнь вступали
в битву -
Люди в белом - наш медперсонал.

Позабыты распри, злоба, ссоры,
Примирились и на небесах,
Лечат плоть и души здесь от хвори
Ярковчан - безгрешных и в грехах...

«Держись казак и – будешь атаманом, –
Отец по жизни сына наставлял,
Слезу пустил - не оберёшься сраму,
Казачий род, как сталь, и стар, и мал».

Донским, кубанским, казакам Сибири
Присущ по жизни веский аргумент:
По складу воины, но свободолюбивы
С истоков вольницы, поныне и вовек.

И шли они в суровый край за волей
Проторенным здесь ранее путём:
На стругах от Тюмени по Тоболу
Без лат и пушек - с плугом и серпом.

Вросли корнями, строились, рожали,
На месте яма выросло село,
Возможно, в Солнца честь его назвали –
Ярково – яр, Ярило – божество.

Гоньба, ремёсла, промыслы, охота -
Таков переселенцев был уклад...
Но время незаметно у народа
Меняло на корню казацкий склад.

И говор перерос давно в сибирский,
И песни в забыти о казаках...
Казалось, стёрлось всё, что было близким,
В потоке перемен в родных краях.

Но кровь текла казацкая по жилам,
Счищая на пути забвенья шлак,
И в памяти пробилось с новой силой
Забытое: «Я от роду казак»!

Да будет так: вы были, есть и будьте!
Как символ мужества и отблеск старины,
Как память внукам о героических буднях
Ярковской Притоболья стороны.

XMAO

Ханты-Мансийский автономный округ

Игорь
Северский

Валерий
Акимов

Сургут. Югорский мост.

Богдан
Ткачев

Альбина
Кошкарева

Геннадий
Таран

Владимир
Квашнин

Тамара
Зуева

Ханты-Мансийский автономный округ - Югра – субъект Российской Федерации, входящий в состав Тюменской области.

Административный центр – город Ханты-Мансийск, крупнейший город – Сургут.

Основной нефтегазоносный район России и один из крупнейших нефтедобывающих регионов мира. Образован 10 декабря 1930 года в составе Уральской области под именем Остяко-Вогульского национального округа с центром в селе Самарово. Первоначально Югра была разделена на 6 районов: Берёзовский, Кондинский, Ларьякский, Самаровский, Сургутский, Шурышкарский. Через 7 лет Шурышкарский район перешел в состав Ямало-Ненецкого национального округа. В 1957 году Микояновский район переименован в Октябрьский. Ларьякский район получил название Нижневартовский в 1962 году. А вскоре Самаровский район стал Ханты-Мансийским. В 60-80 годы в Ханты-Мансийском округе образуются новые территории. В этот период появляются Советский, Нефтеюганский и Белоярский районы. Административно-территориальное деление Ханты-Мансийского автономного округа – Югры опирается на принципы исторически сложившегося расселения, размещения добывающих предприятий на территориях освоения природных ресурсов, эффективности государственного, местного самоуправления и максимального использования экономического потенциала региона.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры создано 105 муниципальных образований (9 районов, 13 городских округов, 26 городских и 77 сельских поселений) и расположено 195 населенных пункта:

16 городов (из них 14 наделены статусом «город окружного значения»)

24 поселка городского типа

58 поселков

45 сел

52 деревни.

Мечтою о лете,
 Тоской о весне.
 Всё кончилось
 Низким и сумрачным небом.
 Всё кончилось
 Дерзким нахрапистым снегом.
 Всё!
 Кончилась осень.
 Сменилась зимой.
 Достоинo взяла и ушла на покой.
 Вот так, неизменно,
 Сменяя друг друга.
 Все вместе мы движемся
 Строго по кругу.
 Рассудок теряем,
 На юность брюзжим.
 Зачем-то бежим,
 Всё куда-то бежим.
 А нет, чтоб
 Прийти как неспешная осень.
 Ответить тому, кто
 О чём-либо спросит.
 И щедрой рукой
 Заполнять закрома.
 Да с доброю вестью
 Являться в дома.
 И душу свою
 Выставляя наружу.
 С презреньем плевать на
 Вселенскую стужу.
 В миры неземные
 достойно уйти.
 Чтоб свежей травкою
 Весной прорасти.

КАК ДОЛГО МЫ С ТОБОЙ ЖИВЕМ

Как долго мы с тобой живем?
 День, а возможно, век?
 Мы коротаем ночь вдвоем,
 Мой нежный человек.
 Люблю я на тебя смотреть
 Когда ты сладко спишь.
 Цикады начинают петь,
 Пронзив ночную тишь.
 Беспечно плещется волна
 О вековой валун.
 А ночь свежа и молода,
 А месяц пьян и юн.
 Он бросил
 Еле видный след
 На тусклую волну.
 Вот так ложится первый снег
 На стылую стерню.
 Я тороплюсь тебя обнять,
 Укрыть и обогреть.
 Но всех мгновений не собрать.
 За всеми не успеть.
 Чуть зазевался,
 Холодок
 Меж нами властно лег.
 Наш милый, теплый огонек
 Зачах и занемог.
 И дней тяжелых кандалы
 Запястья наши трут
 А прозевали мы всего
 Лишь несколько минут.
 Так нужно ли тогда считать,
 Мой нежный человек,
 Живем мы год, а может два,
 А может целый век?
 Мгновеньем надо дорожить,
 В нем спрятаны века.
 И пусть слеза не задрожит
 У милой на щеках.

И будет легким долгий путь
Секунд беззвучен бег.
Люблю я на тебя смотреть,
Мой нежный человек.

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Мне б остаться в этой тишине.
Хорошенько, вволю, отоспаться.
Сон увидеть, в том заветном сне.
Мне едва ли будет восемнадцать.
Я ещё не знаю ни шиша.
С нею мы вторые сутки вместе.
А она чертовски хороша
Из породы редкой рыжих бестий.
Я пытаюсь что-то говорить,
Что-то предлагать я ей пытаюсь.
У неё в глазах огонь горит.
А в кудряшках солнце расплескалось.
А она всё смотрит и молчит.
Ей известно всё, что дальше будет.
Этот, что так много говорит
Всё пообещает и забудет.
Это всё потом, а вот сейчас...
Как он мил, желаньем преисполнен.
Станет он твоим в заветный час,
Этот час всю жизнь ты будешь помнить.
В том моём прекрасно дерзком сне
Всё за нас двоих она решила.
С нею мы на медленном огне
Жертвоприношение совершили...
Только здесь, в родимой стороне
В сны мои хозяйкой ты заходишь.
Посидишь в звенящей тишине
Ни слезы, ни слова не уронишь.
Да и сам я знаю – виноват
Нет мне ни прощенья, ни участия.
Просто много лет тому назад
Я не знал, что был я просто счастлив.

БЕЗВЕТРЕННО, МОРОЗНО, ТИШИНА

Безветренно, морозно, тишина.
Туман на снег ложится пеленою.
Над крышами дымок,
А под трубою
Дрова в печи трещат и печь красна.
Простое и уютное жильё.
Здесь пахнет хлебом, тмином
и сосною.
Здесь всё давно течёт само собою,
Никто не помнит - кем заведено.
Я постучусь в заветное окно.
Хозяева меня конечно впустят.
Я встречу утро новое без грусти.
Никто не помнит – кем заведено.
Здесь каждый новый гость,
Как Новый год.
А Новый год встречают
хлебом-солью.
Поделишься здесь радостью и болью.
Никто не помнит – кем заведено.
И будет дальше путнику легко.
Дорога в радость, а удача рядом.
Здесь провозжают только
добрым взглядом.
Никто не помнит – кем заведено.

ВАЛЕРИЙ АКИМОВ

ТУЛА

Город – возле Москвы,
Но он чужд суеты,

Где к ремёслам – на «Вы»,
А с металлом – на «ты»,

Где талантливость чтут
Мастеров и гуляк.

Каждый с гордостью тут
Говорит: Я – туляк!

Сколько лиха ветрами надуло,
Порастает бурьяном быльё.

Притулилась у Тулицы Тула
И в себя поглотила её.

От речушки осталось лишь имя,
Да и то не для всех земляков.

Только Тула, как мать-героиня,
Дарит миру детей-туляков.

ЮГРА

Как российскую опору,
Славь Югру моя строка.
Здесь таёжные просторы
И великая река.

Не представить без оленей,
Героизма и трудов,
Столько старых поселений,
Столько юных городов.

Расстоянья – не помеха,
Ждут к себе её дары:
И кедровники с орехом,
И брусничные ковры.

Наяву – людское братство,
Дружбе здравицы поём.
И несметное богатство
«Чёрным золотом» зовём.

Мы гордимся нашим краем
И за холод, и жару.
Вас же в гости приглашаем,
Приезжайте к нам в Югру.

И душой её приемля
От весны и до зимы,
Полюбите эту землю,
Как в неё влюбились мы.

ОРУЖЕЙНИК

Он по-другому просто не привык,
Руками видя лучше, чем глазами,
Корпит над заготовкою старик,
И будто сам себе сдаёт экзамен.
Весь род его с металлом испокон:
Рождались в Туле, там же умирали,
Опилкок напильники террикон,
Когда бы их за годы вдруг собрали.
Никто его работой не страдал.
И так из поколения в поколение
Всю жизнь чужие мысли воплощал,
Но в этом находил он упоенье.
И, пыл свой не убавив, ни на миг,
Блестя подслеповатыми глазами,
Орудует напильником старик
И сам себе опять сдаёт экзамен.

НА РАБОТУ

Стоим, коченея, морозец – за сорок,
Под юной луной – облака, словно морок.
Восходом обрадует солнце не скоро.
Мы те, кто приехал на зов Самотлора,
И топливо здесь добывает землянам,
А жить по-другому, поверьте, нельзя нам.
Прибыв для решения важной задачи.
Пробрал до костей лютый холод собачий
И крутит ветрище планету, как глобус...
Какое же счастье – вахтовый автобус!

БОГДАН ТКАЧЕВ

ЭРА БЕССМЕРТИЯ

...и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем.

И поклонятся ему все живущие на земле...

Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). 13, 7 – 8

– А вы не были на Таити?

– Таити, Таити!.. Не были мы ни в какой Таити. Нас и здесь неплохо кормят.

Мультфильм «Возвращение блудного попугая»(К/ст «Союзмультфильм», 1984 г.)

Я, на свою беду, бессмертен.

Евгений Шварц. «Обыкновенное чудо»

Глава первая

Начало записок Владислава Сергеевича Воронцова в зелёной тетради

ГОСУДАРЬ

Эволюция личности на фоне эволюции цивилизации

19 мая 15 г. Э. Б. (2074)

Честно говоря, просто не знал, с чего начать, поэтому поставил дату.

Все-таки с чего начать?..

О далеком прошлом почти всегда пишут честно; о не столь далеком – иногда, и только то, что позволено; о недавнем – практически никогда. Вся нынешняя политическая и околполитическая информация – сплошной поток демагогии, очернение либо обеление, искажение фактов до абсурда, подчас до противоположного, особенно в том, что касается непосредственно личности Государя и событий, последних четырех десятилетий. Для того, чтобы разобраться в собственных мыслях и чувствах, понять, что меня постоянно тревожит и угнетает мой разум, я должен попытаться шаг за шагом восстановить хотя бы относительно объективную картину того пути, который привел человечество к теперешнему состоянию. Мне необходимо выяснить, был ли данный путь единственно возможным и закономерным, не существовало ли иных вариантов развития мировой цивилизации и, главное, действительно ли столь прекрасен достигнутый великий Результат. Мне не с кем обсудить своих сомнений, я не могу доверять своих мыслей ни одной живой душе. Все, что остается, – по безвозвратно ушедшей традиции минувших веков покрывать бумагу чернильными каракулями. В эпоху кнопок и клавиш навыки письма

оказались естественным образом утрачены, заставить руку выводить буквы более-менее четко весьма непросто. Определенно, придется изрядно попытаться, пока вспомню, как это делается.

Видимо, в обозримом будущем ручная письменность людьми окончательно забудется – заодно с самим письменным алфавитом. Вот тогда в моей «китайской грамоте» смогут разобраться только профессиональные криптологи... да еще, пожалуй, сотрудники Общественной Безопасности – что крайне нежелательно.

< ... > Восстановить истинный ход событий даже приблизительно – чрезвычайно трудно. История последних десятилетий искусственно и целенаправленно изменяется прямо на глазах. Что безусловно признается еще сегодня, через год-другой непременно будет подточено, прилизано и перекрашено до неузнаваемости, а общество традиционно впитает очередную новую версию как должное, не утруждая себя излишним скептицизмом, и тогда означенная новая версия ненадолго станет догмой – до следующего официального обновления. В конце концов страшная, кровавая и грязная дорога к нынешнему нескончаемому процветанию начнет восприниматься как стройное триумфальное шествие всего человечества во главе с Государем – по ровному, гладкому шоссе, под щебетание птичек и бравурные марши оркестров, без ужаса и боли, без отчаяния и ненависти, без коварства и подлости, без гибели восьмидесяти семи процентов населения... Вокруг всего этого за последние тридцать лет наслоилось столько лжи, что сами очевидцы тех событий давно привыкли больше доверять официальным утверждениям, нежели собственной памяти. Ветераны Третьей мировой сейчас ни за что не вспомнят о своем животном ужасе во время боев, о свирепости, застилавшей им глаза, о всеобщем зверстве и обоюдной беспощадности воюющих сторон. Нет, зверствовали только враги, только сарацины скрипели зубами от ярости, только им, злосчастным, был присущ безумный трепет за свою жалкую шкуру! Все преступления, все пороки и слабости – только их! Это они были неорганизованной ордой дикарей с кинжалами в когтистых пальцах вместо новейших автоматов; это их безграмотные командиры знали наизубок один Коран и ничего кроме, ибо попросту не умели читать; это их трусливые скопища бросались врасыпную после первого нашего залпа! А мы были храбрые, гуманные, благородные, трезвые и чисто выбритые; и наши военачальники все как один блистали мудростью и полководческим талантом; и топали мы парадным маршем аж до тридцать пятого градуса южной широты, неустанно гоня утекающего без оглядки противника к мысу Доброй Надежды, покуда бежать тому стало уже некуда!.. Право, остается лишь недоумевать, как при всем при этом война затянулась на три года и поглотила миллиарды жизней? Впрочем, данную нестыковку наши умелые историки с течением времени непременно устроят, можно не сомневаться.

Особенно забавно, что во весь вышеизложенный бред сами участники боевых действий верят искренне! То есть – не опасаются противоречить официальной точке зрения, а действительно абсолютно убеждены в ее правильности! В общем-то, оно понятно: куда приятнее сознавать себя доблестным рыцарем без страха и упрека, чем трясущимся комочком плоти с самыми низкими побуждениями и очень некрасивыми порывами! Куда отраднее тешиться официозным елеем, нежели терзаться весьма неласковыми воспоминаниями! Человеку вообще свойственно верить в то, во что ему хочется верить. А истина, честность, правда – да кому они нужны, противные! Тем паче, что пристрастие к правде в нашем социуме не поощряется (мягко говоря).

Однако так было не всегда. Отнюдь не сразу пропагандистская патока наглухо законопатила извилины людей. В прежние годы мне довелось изрядно послушаться рассказов фронтовиков о глобальной мясорубке сорокалетней давности, и подчас эти рассказы изобиловали жуткими подробностями – на пределе откровенности. Да и по мемуарам, опубликованным до Эры Бессмертия, можно составить определенное представление о происходившем незадолго до моего рождения. К тому же, пресса тех лет, при всей ее пристрастности, все-таки далеко не дошла до уровня лжи нынешних времен. Словом, некоторая база для выработки суждений у меня имеется. Огромные стопы пожелтевших газет, журналов и книг предыдущей эпохи смиренно пылятся вдоль стены моего кабинета, занимая едва не треть площади пола. Разумеется, много интересного хранится и в электронном виде (на флэш-картах и даже на старинных компьютерных дисках), но пользоваться «прогрессивными» носителями информации я позволяю себе крайне изредка. Слишком рискованно: бдительных ребят из Отдела компьютерного контроля, если они надумают подробно просмотреть работу моего ПК, может заинтриговать мой повышенный интерес к недавней истории...

Мой кабинет, под завязку забитый бумагой, – это моя персональная нора, мое логово, моя отдушина. Мое заповедное убежище, уютная лечебница души, мой маленький личный мирок, компактно уместивший в себе всю необъятную Вселенную. Мой храм. Служанке запрещено сюда входить, чтобы она, чего доброго, из лучших побуждений не нарушила священного беспорядка или – не дай бог! – не выбросила какого-нибудь полуистлевшего печатного листочка... С раннего детства мне доставлял необъяснимое наслаждение сам процесс перелистывания ветхих страниц. По мере взросления бессознательное увлечение переросло в стойкую привязанность, затем – в неодолимую потребность. В то время как все ликующее человечество с головой погружалось в высокотехнологическую цивилизацию, я, подобно археологу, жадно собирал случайно уцелевшие клочки ушедшего мира, тщательно сортировал и хранил трепетно, как коллекцию сакральных реликвий. Будто чувствовал,

что пригодятся. Вот игодились. Теперь эти клочки, вкуне с воображением, помогут мне оживить умершее прошлое. Восстановить не лубочную картинку, а его правдивый портрет, – поскольку я, в отличие от человечества, еще не забыл, что такое правда.

< ... > Достоинство всякого мышления – в стремлении к истине. А путь к истине открывается лишь объективному взгляду. Прежде, чтобы быть по-настоящему объективным, человек, исследующий историю, должен был научиться во время работы забывать о своих личных и политических пристрастиях, о симпатиях и антипатиях, о своей национальной и государственной принадлежности. Объективность и патриотизм – несовместимы, равно как объективность и религия, объективность и идеология. Даже самая благородная приверженность способна застилать глаза, мешая видеть реальную картину тех или иных событий и процессов. Взгляд же историка должен быть максимально отстраненным, образцово беспристрастным, апостольски-честным, ибо он, историк, берет на себя роль судии над целыми народами и эпохами.

В данном отношении у меня есть огромное преимущество перед всеми учеными мужами всех предыдущих периодов: мое сознание изначально свободно от шелухи былых предрассудков. Я, человек новейшей эры, не связан ни религией, ни какой-либо идеологией, ни патриотизмом. Патриотизм и национализм исчезли как явление заодно с отдельными государствами. Я, родившийся некогда подданным Российской Федерации, вот уже более девятнадцати лет как гражданин Единой Семьи Народов – микрочастица общего неделимого мира, молекула цельного человечества.

< ... > Нынешние профессиональные жрецы музыки Клио, по примеру своих предшественников, добросовестно выполняют заказ властей предержажших: непрерывно и безостановочно «творят» новейшую историю, четко следуя указаниям означенных властей. Кто не желает посвящать свою научную деятельность одному холуйству, тот занимается исследованием отдаленных эпох. Касательно всей человеческой истории до момента рождения Государева в науке допускаются любые взгляды, какие угодно оценки и совершенно беспредельная честность. Посему славные преемники Геродота и Тацита, лишённые возможности анализировать современность, с тройным азартом «отрываются» на пращухах – с допотопной древности до конца II тыс. н. э. (по старому летосчислению). С великим наслаждением вскрываются и преподносятся любознательной аудитории все новые шокирующие подробности убогого и жалкого бытия наших предков. Тусклые картинки примитивного прозябания и тоскливой неустроенности перемежаются сценами вопиющего беззакония и произвола, дикого варварства и свирепой жестокости, изобилуя кричащей чередой нескончаемых страданий, конфликтов, казней, эпидемий, голодных моров и прочих масштабных неприятностей, делавших жизнь тогдашних

людей не просто невыносимой, а по сути невозможной. Особенно изгаляются господа ученые над давно почившими в бозе вождями народов: князьями и халифами, императорами и фараонами, президентами и диктаторами. Самые живописные страницы исторических опусов являют собою весьма нелицеприятные характеристики былых владык человечества, вершителей судеб племен и держав. В фундаментальных (и не очень) трудах специалистов по прошлому красочные полотна придворной и личной жизни некогда грозных повелителей щедро пересыпаны бесчисленными деталями, подчас омерзительными, иногда – леденящими кровь... Поневоле кажется, что все прежнее существование рода людского являло собою сплошной жуткий триллер, притом абсолютно безысходный – без какого-либо упования на хэппи-энд.

В общем, относительно описаний далекого прошлого нашу историческую науку в пасторальности не упрекнешь. Напротив, сплошь и рядом создается впечатление, будто авторы намеренно сгущают краски. В этом есть четкий резон: необходимо доказать, что пришествие Государя явилось не просто очередным этапом развития общества, а великим чудом, навсегда избавившим исстрадавшееся человечество от бесконечных невзгод и бедствий, составлявших до того все его бытие. Необходимо обосновать, что Государь наш – личность совершенно особенная, исключительная, не имеющая с прежними кровавыми тиранами ничего общего, что нет и доселе не было Ему ни равных, ни подобных, что не было у Него ни учителей, ни предтеч.

А разве не так? Кто из великих владык минувшего может с Ним сравниться? За весьма небольшой (по историческим меркам) период своего правления Государь реально сделал то, что обещали они все, но не воплотил никто из них, и даже то, чего ни один из «божественных» властелинов не дерзал обещать: Он дал людям незыблемый мир, неслыханное процветание и физическое бессмертие. Он увековечил Себя и свое правление не только в памяти, но – наяву.

< ... > Итак, освободившись от балласта былых идейных пристрастий, нынешние историки могут позволить себе то, чего не могли позволить даже величайшие мыслители прежних эпох, – роскошь быть абсолютно объективными. Однако таковая роскошь не должна затрагивать последних десятилетий – в данном отношении в современном идеальном обществе действует непреложное табу, без каких-либо оговорок.

Мне же здесь придется нарушить это табу. Я решил, в меру своих способностей, подвергнуть посильному анализу именно события новейшей истории, и потому намерен игнорировать любые предписанные пристрастия, в том числе главное из них – пристрастие к личности Государя, занявшего место Всевышнего в умах ныне живущих. Перед самим собою я буду честен совершенно, и если в чем-то ошибусь, то лишь по причине недостатка информации или мудрости.

< ... > Приходится писать в тетради, шариковой ручкой, по-старинке, как уже много лет никто не пишет. (Хорошо хоть ручек у меня более чем достаточно – насобирал когда-то по знакомым, у кого завалились. А на крайний случай есть еще три пузырька чернил.) С непривычки на лист выползают такие диковинные иероглифы, что, боюсь, сам потом не смогу расшифровать. Однако деваться некуда – не на персональном же компьютере изливаться в собственной неблагонадежности! Пожалуй, начни я отстукивать вышеизложенное на своем ПК – ребята из Общественной Безопасности были бы здесь уже через четверть часа. «Контрольный вирус» не дремлет.

Впечатляющая штука этот «контрольный вирус» (официально – «контрольная функция»). С точки зрения пользы для государства сравниться с данным изобретением может разве что современный детектор лжи. С момента тотального внедрения «вируса» державная власть получила поистине сказочную возможность быть постоянно в курсе умонастроений граждан – всех вместе и каждого в отдельности. С тех пор «контрольная функция» в обязательном порядке предусматривается в любом компьютере на стадии его изготовления. Все же без исключения компьютерные аппараты более раннего – «довирусного» – выпуска были 15 лет назад одновременно изъяты у населения с предоставлением взамен аппаратов нового поколения (т. е. «зараженных» вышеозначенным «вирусом»).[1]

Выражаясь образно, «контрольная функция» является электронным освещителем Отдела компьютерного контроля (подразделения Общественной Безопасности) – именно таковому вездесущий «вирус» доставляет информацию о любых операциях с любым компьютером. Абсолютно все, что в процессе работы со всяким ПК отображается на его мониторе, автоматически передается «вирусом» в электронную систему указанного Отдела, фиксируется там в электронной памяти и по мере надобности воспроизводится на мониторах данной службы в полном объеме. Просматривая (выборочно либо с помощью ускоренного воспроизведения) работу каждого персонального компьютера, одного за другим, бдительные надзиратели из ОБ воочию видят, чем интересуется всякий пользователь, что поглядывает, послушивает, почитывает и пописывает – словом, чем вообще дышит. Зона связи «контрольного вируса» с системой Отдела целиком покрывает поверхность Земного шара. Оказаться вне этой зоны (т. е. выскользнуть из-под глобального «колпака») в пределах голубой планеты невозможно. Таким образом, любой пользователь ПК (т. е., по сути, любой современный человек), где бы он ни обретался, практически круглосуточно находится под отеческой опекой государственных «спецслужаших», которые ни за что не позволят ему сбиться с пути истинного до скончания века[2].

Просто не верится, что совсем недавно (еще на моей памяти) даже Интернет невозможно было вполне контролировать, а уж о каком-то надзоре за компьютерными манипуляциями вне Интернета вообще речи не шло. Представляю, как такое положение дел раздражало власть имущих. Действительно, разве можно допускать подобное безобразия! За подданными постоянно нужен глаз да глаз, не то они, сами того не ведая, впадут в какую-нибудь ересь – и некому будет их вовремя одернуть, пожурить и наставить. А от бесконтрольности, как известно, и отдельному индивидууму, и обществу в целом ничего, кроме неприятностей, ожидать не приходится... Словом, побуждения высокого руководства всегда благородны. Не вышло бы с «вирусом» – изобрели бы что-то другое, но без присмотра братьев по разуму не оставили бы. В самом крайнем случае вообще запретили бы персональные компьютеры – все меньшее зло, нежели бесконтрольность.

Я вот думаю: а разве не логично было бы доверить работу по надзору за человечеством каким-нибудь педантичным сверхсовременным роботам?.. Впрочем, державные мужи, без сомнения, думали об этом гораздо раньше. Но, видимо, натуральный человек в данном деле покуда вне конкуренции. Какой бы робот ни был умный, какие бы суперсложные операции за долю секунды в своем электронном мозгу ни совершал, а все одно он – машина, и нюансы человеческого мышления ему не по зубам: чувством юмора не обладает, «эзопова языка» не понимает, и утонченного издевательства от искренней восторженности отличить не в состоянии. Вот потому и приходится держать в ОБ огромный штат сотрудников из граждан (в том числе для компьютерного контроля) – иначе никак... Хотя – о чем я рассуждаю! Какая сейчас, к черту, может быть угроза общественному спокойствию! Все потенциальные смутьяны отправлены в мир иной заблаговременно, еще до нашей эры... в смысле – до нашей Эры Бессмертия. Предпосылок для возникновения какой-либо оппозиции не существует даже гипотетически. Уж было бы от чего государству столь усердно перестраховываться! На фоне нынешнего социального благополучия опасность революционного инакомыслия выглядит не просто преувеличенной, а вообще надуманной. Болезненно-надуманной. Как говорится, у страха глаза велики...

Короче, использование ПК в целях объективного исторического анализа исключено абсолютно. Буду вести летопись, аки Нестор, водя примитивным писалом по молчаливой бумаге, которая, как известно, все стерпит – и никому не донесет.

< ... > Поскольку в исторических источниках прошлых времен было принято летосчисление «от» и «до Рождества Христова» (или, в научно-атеис-

тическом варианте, «нашей» и «до нашей эры») и поскольку все человечество, включая меня, до недавних пор употребляло именно его, я здесь также буду следовать данной традиции. Переводить привычные даты на новый манер мне попросту лень, постоянно путаться и сбиваться тоже не хочется: вся хранящаяся у меня информация имеет хронологию старого образца – чего ради я стану создавать себе лишнюю проблему?

Современное летосчисление – «Эры Бессмертия» и «до Эры Бессмертия» – утверждено Государем и Высшим Советом всего четырнадцать полных лет назад. Данное нововведение покуда не вошло в повседневный обиход – менять устоявшиеся привычки людям бывает непросто. Потому сейчас оба летосчисления имеют официальное хождение. При этом традиционная дата, как правило, ставится следом за датой «Э. Б.», в скобках, как вспомогательная.

Лет через двадцать или тридцать датировка «от Рождества Христова» отомрет окончательно. В новом мире христианство не в моде – и уже никогда не будет в моде. Ибо религия Иисуса исполнена неприятием физического бытия и постоянным ожиданием смерти – как избавления от земных уз. Мы же вступили в жизнь вечную, беззаботную, неувядающую, и с тех пор не нуждаемся в Царствии Небесном – как вообще в большинстве старых мифов и традиций. Стремясь поскорее расстаться со своим кошмарным прошлым, нынешнее безоглядно-прогрессивное человечество без сожаления отбрасывает его атрибутику. От прежней многотысячелетней эпохи остаются лишь исторические реликвии, уцелевшие произведения искусства, пожелтевшие газеты вдоль стены моего кабинета, блекнущие воспоминания да эти непонятные, ужасные сны... < ... >

1

...Барабанная дробь свинцовой картечью бьет по перепонкам. Ревущая толпа, колыхаясь хаотичными волнами, бушует вокруг высокого эшафота. Посреди эшафота строго высится гильотина, двумя вертикальными брусками вонзаясь в небо. Палач грязной тряпкой стирает кровь с огромного косоного ножа зловещей машины. Его подручные, топоча башмаками по помосту, относят в сторону очередное обезглавленное тело.

Меня гонят к эшафоту, больно толкая в спину прикладом. Гвардейцы распахивают толпу, пролагая мне дорогу сквозь плотную людскую массу. Зрители, раззявив пасти, орут во все легкие, заглушая рокот барабанов. Отовсюду на меня устремлены бесчисленные лютые взоры. Сотни глаз до краев налиты безумием и, кажется, вот-вот выскочат из орбит. Мне страшно; я сжимаюсь, втягиваю голову и искоса затравленно озираюсь. Вокруг – сплошные пере-

кошени яростью рожи, фригийские колпаки санкюлотов, женские чепцы, из-под которых выбиваются всклокоченные пряди. Из-за тел окруживших меня конвоиров хищно тянутся тощие руки, хватая меня за волосы, царапая щеки и шею. Я пытаюсь прикрыть лицо ладонями и беспомощно всхлипываю, тщетно силясь увернуться от когтей злобных гарпий. Грудь разрывает сумбурное скопище чувств: ужас, отчаяние, раздражение, горечь – все вкупе. Я знаю, что этим людям не за что меня ненавидеть. Но они ненавидят – все разом.

Как-то вдруг беснующаяся толпа кончается – мы оказываемся внутри оцепления из солдат Национальной гвардии. Рев кровожадной публики остается позади, забитый грохочущими совсем рядом барабанами. Конвоиры подводят меня к ступеням эшафота и, ухватив за локти, тащат наверх. Гильотина вырастает надо мною кошмарным, фантастическим призраком. Нож уже поднят, косое лезвие ехидно взблескивает холодным сполохом.

Тело мое мгновенно леденеет, сердце испуганно замирает, зрение застигает багровая пелена. Ватные ноги бесчувственно заплетаются друг о друга, о ступени, колени слабеют. Однако конвоиры крепко удерживают мою трепетную плоть и неудержимо волокут на помост. Очутившись на дощатой поверхности, я с их помощью стараюсь сохранить равновесие. Силясь прийти в себя, трясущей головой, судорожно сглатываю пересохшим горлом. В парализованный паникой мозг юрким ужиком просачивается единственная здравая мысль: это – все; это – конец; чудесного спасения не будет; это – последние мгновения жизни, ее наглядный итог, ее апофеоз; я не имею права трусить; я должен умереть достойно и мужественно... я должен показать им... я должен... должен...

До предела втянув воздуха, я стискиваю зубы и решительно вскидываю голову. В глаза тотчас ударяет блеск косога лезвия гильотины... Остатки воли мигом улетучиваются. Рванувшись в руках конвоиров, жалобно оборачиваюсь к злорадной толпе – и прямо за оцеплением, между двумя рослыми фигурами в гвардейских мундирах, вижу Ее. Она стоит безмолвно, слегка покачиваясь в унисон колыханиям людской массы, и неотрывно смотрит на меня. Красивое лицо неподвижно. Белокурая прядь, ниспадая на лоб, пересекает бровь. Взгляд широко посаженных рысских глаз с продолговатым разрезом пронзителен, он проникает в самую душу – до глубины, до физической боли... Крупно вздрогнув, я просыпаюсь.

Нависающее надо мной матовое пятно постепенно обретает резкость и превращается в лицо Марины. Белокурая прядь с ее головы широкой запятой свисает вниз, касаясь моего лба. Рыссы глаза смотрят тревожно. Влажные губы приоткрываются, обнажая жемчужную зубную эмаль. Кажется, что-то говорит...

Пробудившийся слух нехотя настраивается на звуковое восприятие.

– ...Владик! Вла-адик!! Ты проснулся?

Судорожно вздохнув, обеими ладонями стираю с лица ледяную испарину. Несколько секунд очумело пялюсь в потолок, затем опускаю взгляд на лицо подруги. Растянув сухие губы в подобие улыбки, сипло отвечаю:

– Все нормально. С добрым утром, солнышко!

Пристроившись рядом, она кладет согнутую ногу на мой живот, мягко прикасается ко мне нежными мячиками грудей и успокаивающе целует в кончик носа. Тонкий пальчик ее скользит по моему лбу, сгоняя последние холодные капли. В рысьих глазах – сочувствие и озабоченность. Голос ласков и бархатен.

– Опять тот же сон?

Сокрушенно киваю, рассеянно ухватив пальцами ее свисающий локон и закладывая его за миниатюрное Маринино ушко.

– Снова Гревская площадь, якобинцы, гильотина?

– Якобинцы казнили не на Гревской площади, – выдаю с умным видом историческую справку, – а на площади Революции, бывшей площади Людовика Пятнадцатого.

Марина саркастически кривит рот:

– Определенно, голову тебе и на сей раз не успели отрубить!

– Не успели, – признаю несколько огорченно. – А вообще, я не знаю, что там за площадь. Может, это и не Париж вовсе.

– До какого же места дошел твой сон сегодня?

– Как всегда – на мгновение дольше, чем в прошлый раз.

– Значит, меня снова видел?

– Да. На мгновение дольше...

– И что же я?

– Пока ничего. Как и прежде, просто стояла в толпе и смотрела на меня. Очень внимательно... пожалуй, даже сурово. Я так и не понял, что именно было в этом взгляде – то ли любовь, то ли ненависть. То ли осуждение моей слабости на эшафоте.

– А ты опять трусил?

– Ужасно... Посмотрел бы я на тебя в подобной ситуации!

– Знаешь, ты во сне так вздрогнул, что я чуть с кровати не упала! Не боишься в конце концов свихнуться от своих кошмаров? Учти, заменять мозги биотехнологи пока не научились.

– Ну, что ж я могу поделать! Пойти подстегнуть биотехнологов?

– А просто обратиться к психиатру по-прежнему не желаешь?

– Нет. Сон очень натуральный, будто воспоминание. Детали, ощущения – все повторяется в точности всякий раз... Очень хочется досмотреть, а то не успокоюсь.

– Воспоминание? Хм... Полагаешь, мы с тобой уже жили когда-то?

– Возможно.

– И пересекались в прошлой жизни?

– Вполне вероятно. Может, даже не в одной.

– И так же любили друг друга? – произносит она вязким полупшепотом. Ее бедро под одеялом плавно ползет по моему животу вниз и накрывает мою мужскую плоть... Однако, вопреки обыкновению, организм, выбитый из колеи кошмарным сном, не спешит реагировать на провокацию – плоть никак не отзывается.

Удрученно вздыхаю:

– Не знаю. Вот досмотрю свой сон до конца – тогда пойму, любила ты меня или совсем наоборот.

– Неужели могло быть наоборот? – не унимается Марина, приближая свое лицо к моему. Влажные губы легко касаются моего подбородка, затем уголка рта. Теплое дыхание приятно ласкает щеку. Мягкое бедро под одеялом нежно гладит бастующую плоть. Плоть упрямо отказывается откликаться.

Марина лукаво морщит нос и, как будто смирившись, уточняет:

– Так мы летим сегодня в Меловой заповедник?

– Как договорились, – киваю я.

– Аэробус через семь часов. Будем собираться... или как?

Мягкое бедро все еще не оставляет попыток расшевелить мои мужские инстинкты. Однако я вполне ощущаю бесполезность всяческих поползновений и, еще раз вздохнув, говорю прямо:

– После этого чертова сна «или как» у меня не получится по крайней мере до вечера. Уж извини.

Усмехнувшись, Марина убирает с меня ногу.

– Значит, будем вставать?

– Угу.

– Кофе выпьем?

– Да, пожалуй.

Марина ищет взглядом дистанционный пульт вызова прислуги. Тот лежит на тумбочке у моего изголовья. Она отбрасывает одеяло, приподнимается на колени; красиво изогнувшись, ползет прямо через меня. Дотянувшись, берет пульт; направив в сторону двери, нажимает кнопку.

Через полминуты в двери появляется модернизированный клон-служанка. Стерильно-чистое форменное платье плотно облегает безупречную фигуру. Руки смиренно скрещены поверх белоснежного передника. Гомункул женского пола заученно останавливается ровно в полутора метрах от кровати, устремляет на нас пустые зрачки и бесцветно-ровным тоном приветствует – сперва меня, потом гостью:

– Доброе утро, господин. Доброе утро, госпожа.

Марина, в который уже раз, придирчиво оглядывает мою служанку с ног

до головы. Затем столь же придиричиво оглядывает себя, потом – снова служанку. Недовольно нахмурясь, сухо повелевает:

– Далила, приготовь нам два кофе в постель!

Вслушав Марину, клон с безупречным телом переводит взгляд на меня: законный хозяин должен подтвердить приказание. Стараюсь придать голосу суровость, выражаю недовольство:

– Далила, я ведь тебе много раз говорил, что ты должна подчиняться Марине.

– Когда господин находится в одной комнате с другими людьми и пребывает в полном сознании, я в этой комнате подчиняюсь только его распоряжениям, – бесстрастно констатирует служанка. Что ж, резонно, так и должно быть.

Утвердительно киваю:

– Исполни.

Далила кланяется и, повернувшись, идет готовить кофе.

Марина, надув губу, провожает ее недобрый взглядом. Когда шаги служанки, удалившись, затихают, натянуто признает:

– Она очень мила. Правда?

Я зловредно улыбаюсь до ушей:

– Да уж, биотехнологи потрудились на славу!

– Твой спецзаказ? – еще более натянуто продолжает Марина.

– Нет. Просто прислали по моему запросу из агентства горничных.

Обычная серийная модель.

– Н-да? – ехидно щурится подруга. – У меня тоже серийная модель, однако у нее плечи раза в два шире бедер и морда, как у бульдога.

– Так твоей служанке сколько лет?

– Какая разница! Лет семь или восемь.

– А моей два года и три месяца. Дизайн, сама понимаешь, непрерывно совершенствуется. Сейчас всю прислугу выращивают с учетом эстетических требований.

– Ты с ней спишь?

Изумленно вскидываю брови:

– С кем? С клоном?!

– Как будто люди не спят с клонами!

– Ну... Во-первых, мне это неинтересно. А во-вторых, для секса существуют специальные клоны. Далила – служанка, она вообще не на то запрограммирована.

– Хочешь сказать, служанки не способны заниматься сексом?

Озадаченно смотрю на дверь, за которой скрылась Далила. Ничего не придумав, пожимаю плечами:

– Как-то никогда не задавался этим вопросом... Честное слово, не знаю.

– А вот сейчас узнаем!

На лице Марины опять заиграла улыбка: кажется, поверила-таки, что в постели я ее с Далилой не чередую. Непредсказуемый все же народ эти женщины, и мышление их непостижимо – даже к гомункулу могут приревновать!

Через некоторое время служанка появляется вновь. В ее руках на овальном подносе ароматно дымятся две чашки с кофе. Далила ставит поднос на тумбочку с моей стороны и, неподвижно встав на надлежащем расстоянии – ровно полтора метра от кровати, – ожидает дальнейших приказаний.

– Далила, – произносит Марина, сверля ее колючими зрачками. – Ты можешь заниматься сексом?

– Только с господином, – монотонно отвечает клон женского пола. – Или по его распоряжению.

– Значит, мо-ожешь... – тянет Марина и внезапно больно щиплет меня за бок острыми ногтями. От неожиданности я подпрыгиваю на кровати и оторопело воззряюсь на нее. В глазах подруги азартно скачут микроскопические черти, и опять, как во сне, непонятно, что в этих глазах – любовь или ненависть, нежность или злость... Скорее, все сразу.

Теперь ее колючие зрачки устремлены на меня. Не отводя взгляда от моего лица, Марина продолжает допрос:

– Далила, вы занимались этим с твоим господином?

– Нет, – бесстрастно клацает служанка.

– Точно?

– Далила, ты свободна. Ступай! – приказываю я. Клон механически кланяется и уходит.

Марина смеется и вылезает из постели. Специально для меня грациозно потянувшись, белой лебедью плывет к двери.

– Ты куда? – окликаю я, со щемящим наслаждением окатывая взором восхитительное голое тело подруги.

Она полуоборачивается – больше для того, чтобы по моему взгляду определить степень своего очарования. Пародируя служанку, произносит нарочито бесцветно:

– В ванную, господин. Пейте свой кофе.

В течение четверти часа я пью кофе вразтяжку – крохотными глотками. Тревожное впечатление от ночного кошмара рассасывается, солнечные потоки, струясь сквозь полуприкрытые жалюзи, пробуждают оптимистическое настроение. Поставив опустошенную чашку на поднос, устраиваюсь поудобнее сидя и, глядя на дверь, жду возвращения белокурой бестии.

Она это знает. Мурлыча что-то себе под нос, Марина вливает в спальню, до колен обернутая широким махровым полотенцем. Последнее, разумеется, не просушки ради, тем паче не из ложной скромности, – просто лукавой кра-

сотке известно, что само наличие махровой обертки автоматически вызывает у меня желание увидеть Марину без нее. Процесс раздевания гораздо пикантнее готовой обнаженки.

Не оборачиваясь в мою сторону, Марина становится ко мне боком перед трюмо и начинает расчесывать свои светлые пряди. Она делает это аккуратно и неспешно – тоже нехитрый трюк: знает, что мне нравится смотреть на нее в полный рост, и, конечно, учитывает, что мокрая женщина наиболее эротична.

Я действительно с удовольствием гурмана наблюдаю за плавными движениями ее рук, погружающими расческу во влажные волосы, за тем, как она время от времени встряхивает головой, склоняя ее с боку на бок. Мой взгляд невольно сползает вниз и останавливается на ее крепких голых икрах. Каким-то шестым чувством уловив это, Марина обостряет провокацию, несколько раз приподнимаясь на цыпочки.

К собственному удивлению, я начинаю явственно ощущать в низу живота нарастающее напряжение. Вот так всегда. Каждый раз, когда Марина принимается меня искушать, мне из чисто хулиганских побуждений хочется продемонстрировать невозмутимое равнодушие к ее чарам. До сих пор не удавалось. Но сегодня – такое было мерзкое состояние после кошмара... Наверняка получится. А тогда я с любопытством посмотрю на ее реакцию – а то, надо же, вбила себе в белокурую головку, будто она совершенно неотразима!

Наконец управившись с волосами, Марина легким жестом сбрасывает полотенце и начинает подробно разглядывать себя в зеркале. Она поворачивается перед трюмо то в профиль, то в анфас, поглаживая округлые бедра, розовую попку, молочную грудь и живот. Такая упругая и одновременно мягкая, гибкая, изящная, вся такая рельефная... Афродита, только что вышедшая из пены морской... Чувствую знакомый зуд в ладонях: возникает острое желание прикоснуться к этому чудесному телу, ощутить его физически. Однако, покуда терплю, не подаю виду.

Завершив сеанс нарциссизма, соблазнительница величаво и безразлично подплывает к кровати. По-прежнему не глядя на меня, ставит на край постели грациозную ножку и начинает натягивать на нее ажурный чулок. Натянув, совершает контрольное оглаживание – дабы согнать складки. Затем меняет ножку и проделывает ту же операцию. Я молча смотрю на предназначенное мне шоу, чувствуя, как щеки мои раскаляются возбужденным румянцем. Но все еще терплю.

Покрыв ноги чулками, Марина берется за лифчик. Привычное ловкое движение – и божественные полусферы груди оказываются спрятаны под черными кружевами. Это сразу вызывает такую горькую досаду, что я без колебаний отказываюсь от запланированного психологического эксперимента.

Как можно спокойнее произношу:

– Погоди.

Марина вскидывает на меня недоуменный взгляд – якобы недоуменный. Не дав ей времени на усмешку, резко приподнимаюсь, обхватываю красотку за бедра и опрокидываю на постель. Горячо целую в шею, нетерпеливо стягиваю с ее груди незастегнутый лифчик.

Марина визжит и смеется – не столько от щекотки, сколько от торжества очередной победы. Да, она опять победила, а я опять показал себя примитивным самцом, не способным совладать с природным инстинктом. Хотя, честно сказать, не очень-то и пытался.

Как, однако, слаб человек – пресловутый повелитель мира!.. Впрочем, к черту философию, сейчас не до нее...

АЛЬБИНА КОШКАРЁВА

РЕКА ЖИЗНИ

С Алтайских гор до северного моря
Бежит, течёт великая река.
С ветрами, непогодой споря,
Обь катит свои воды сквозь века.

Живут по берегам её народы.
Она – сама дорога, сама жизнь.
Обские чудодейственные воды –
Восторг души, лишь рядом окажись!

Брега её – то горы и утёсы,
То ширь долин, то глухомань лесов,
То тундры синь, то золотые плёсы,
Где невод тянут лодки рыбаков.

Наследие первопроходцев русских –
Растут и процветают города:
Берёзово, Ханты-Мансийск, Сургут и
Нефтеюганск зовут сюда...

Встают и новые, как в сказке:
Нефтяников, газовиков оплот –
Стоит, красуясь, Нижневартовск
Среди седых урманов и болот...

Живи, река, беги, не уставая,
Шуми на перекатах в пене волн,
Ты – жизнь Югорского родного края,
Тебе и восхищенье, и поклон!

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ!

Случилось мне увидеть деревеньку,
Безвестную в лесной глуши,
Врастающую в землю помаленьку.
И на сто вёрст ни тропки, ни души.

Густой травой заросшие полянки,
Укор в глазницах изб, давно пустых,
И вьётся лента речки Безымянки
В кустарниковых зарослях густых.

Истлевший челн на берегу печальном
Грустил о тёплой, ласковой волне,
Когда весло разбитое качало
Его в страстях рыбачьих по весне.

Когда-то дым из этих труб струился,
Беспечно распевали петухи,
Весь бабий люд в подворье суетился,
На выгон гнали стадо пастухи.

Звенело утро босоногим детством,
Лениво тявкали собаки во дворе...
И мне теперь нет-нет да и приснится
Игрушка детская в некошеной траве.

Как много сёл заброшенных, забытых
В таёжной, заболоченной стране,
Ещё хранящих след былого быта,
Как память о далёкой старине.

ЛЮБОВЬ

Дам волю чувствам и строке
 Лиризма чуточку добавлю,
 И весело перу в руке,
 Пока любви горенье славлю.
 А что такое есть любовь?
 Едва ли нам ответит каждый.
 Лишь тот поэт рифмует вновь,
 Кто выстрадал её однажды.
 Мечтать, надеяться и ждать –
 Удел извечный всех влюблённых,
 Чтоб свет ответный увидеть
 В глазах то в карих, то в зелёных.
 Сердец слияние, двух душ,
 Как в паре стаи лебединой.
 Никто такой любви не чужд,
 Она, как светоч, в жизни длинной.

БЛАГОДАРИЮ

За жизнь мою, дарованную Богом,
 Способность лёгким слогом говорить,
 За торные и зыбкие дороги
 Хочу тебя, судьба, благодарить.
 Тепло благодарю друзей и близких,
 Любовь к ним не вмещается в строку,
 За то, что негасимы дружбы искры,
 Я счастлива, что всё ещё могу
 Земле обетованной класть поклоны,
 Смотреть не насмотреться на красу
 Рассветных и закатных небосклонов,
 Сбивать с травы прохладную росу.
 В восторге цепенеть осенним часом
 От золота берёз, рябин огня...
 И, Боже мой, как этот мир прекрасен,
 Храни его со мной и без меня!

СИЛА МОЛИТВЫ

Молитва – это зов души
 К Отцу Вселенной обращённый,
 Он знает всё, о чём прошу,
 В чём боль души опустошённой.

И лишь Ему я признаюсь
 В том, что не выразить словами,
 Слезами облегчения зальюсь,
 И тяготы исчезнут сами.

Молитва есть сакральный слог,
 Душою обращённый к Богу,
 Чтоб каждому Спаситель мог
 Помочь найти свою дорогу.

Дорогу к истине простой:
 Любви, надежде, светлой вере.
 Тогда не будет жизнь пустой,
 И нам воздастся в полной мере.

Любовь огонь зажжёт в груди,
 Надежда осенит крылами,
 И с верой всё, что впереди,
 Своим трудом воздвигнем сами.

ДУШОЮ МОЛОДЫ ПОЭТЫ

Поэты умирают молодыми –
Сердца любви и радости полны.
Наверное, их Бог создал такими:
Они, как птицы певчие, вольны.

Обняв любовью мир, ранимы сами,
Сгорая в жарком пекле бытия,
Взлетают ввысь искрящими кострами,
Нам магию волшебных строк даря.

Ночное небо звёздными очами
Расцветит их бессонные мечты:
Стихи легко рифмуются ночами,
Когда луна чарует с высоты.

Мечтатели, влюблённые в природу,
Поют сонеты чести и добру,
И оды не кому-нибудь в угоду,
А зорям и рассветам поутру.

Свет солнца яро благоволит лире,
Седины золотит, теплом делясь,
Поэта сострадательней нет в мире –
Земной он жизни и небесной связь.

Известно нам иль неизвестно имя
Годами умудрённого певца –
Поэты умирают молодыми,
В любовь святую веря до конца.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Спадает с деревьев желтеющий лист,
В лесу только шелест и шорох.

Умолк птичьей братии гомон и свист,
Опавшей листвы пёстрый ворох.

Ковёр разноцветный лежит под ногой,
Дожди обложные, туманы...

Качаются ветви осинки нагой,
И гаснут цветные поляны.

Короткие дни у осенней поры,
Длинные звёздомётные ночи.

И радуется осень просторы Югры,
Остаться волшебница хочет!

ГЕННАДИЙ ТАРАН

МОЙ КОРАБЛЬ

На земле, где растут города,
Небоскребы подняв до небес,
Я мечтаю вернуться туда,
Где меня ждёт мой сказочный лес.
Где смотрел я волшебные сны,
Открывая заветную дверь...
В светлый мир моей вечной весны –
Не вернуться назад мне теперь.

Припев:

Мой корабль навсегда покинул
причал,
Берег Детства затерян был где-то
вдали...

Этот мир меня часто штормом
встречал,
Но я шёл своим курсом добра
и любви.

Мой корабль навсегда покинул
причал –
Вереницами годы прошли за бортом,
Но из прошлого голос мамин звучал,
Там остался мой берег –
мой сказочный дом.

И когда на душе холода –
Вспоминаю оставленный дом.
Я ушёл из него навсегда,
Где меня согревал он теплом.
Бесполезен вопрос и ответ,
Чем я больше всего дорожу...
Время вечно, конца ему – нет,
Просто я... из него ухожу.

Припев:

Е – ДВА, Е – ЧЕТЫРЕ

Построены пешки в ряды для атаки,
Король прокричит им команду:
«Вперёд!»
Не нужно совсем искать повод
для драки,
Когда короля сильно любит народ.

Припев:

Е – два, Е – четыре, покорные пешки
Шагают, собой прикрывая ферзя.
Король не скрывает довольной
усмешки –
Всем пешкам назад возвращаться
нельзя.

Приказ короля обсуждать нет резона,
Отряд не заметит потери бойца.
И жертвуют пешками ради короны –
Е – два, Е – четыре идут до конца.

И пешкам не важно, кто будет
на троне,
Кто даст им команду идти на убой.
Долг Родине чётко прописан в законе,
За власть и корону – пожертвуй собой!

Припев:

КАКИЕ МОИ ГОДЫ!

Уже не первый год в мой жизненный узор
Вплетает седина серебряные нити...
И на моём пути – и слава, и позор,
А если согрешил – за всё меня простите!

Припев:
Проводит часто жизнь на прочность тест,
Но нахожу всегда я выходы и входы.
И пусть судьба на мне не ставит крест –
Ещё не вечер, и какие мои годы!

Характер позволял идти наперекор
И резко нарушать привычный ход событий,
С судьбой не до конца был мой закончен спор,
А если был не прав – за всё меня простите!

Припев:
Пусть иногда в глаза смотрела смерть в упор –
Ещё он не готов, мой памятник в граните...
К одиннадцати туз – банальный перебор,
А если проиграл – за всё меня простите!

Припев:

ВЕСНА

Простилась зима слезами капли,
И стали сбываться волшебные сны.
Май снова вернулся вслед за апрелем,
А в души ворвалось дыханье весны.

Припев:
Распахнулся для нас занавес
Над театром весеннего мая.
Словно ангел, сбежавший с небес,
Ты пришла из прекрасного рая.
И одна нам любовь на двоих –

Сладкий грех из запретного сада,
Держит Бог нас в ладонях своих –
Значит это кому-то так надо.

И не отменит природа законы –
Любовь не потерпит в душе пустоты.
Счастье приходит весной для влюб-
ленных,
И все воплощаются наши мечты!

Припев:

КАЖДОМУ – СВОЁ

Когда включил фашизм в кровавых тризнах
 Конвейер смерти, и была виной война,
 Клеймили номером чужие жизни,
 Которым дьявол выдал ценник – «грош цена».
 В «Освенциме» «Труд делает свободным»,
 Кто удобрением ложится на полях,
 И колокол набатом похоронным
 Считает всех, кто остаётся в лагерях.

Припев:

Незабытые жертвы войны –
 Эта боль в них живёт навсегда...
 Их клеймили, подобно скоту,
 Ни за что обрекая на муки.
 Незажившие раны войны,
 Эту боль не забыть никогда...
 Вьелось намертво в кожу тату –
 Номерами изранены руки.

«Оставь надежду всяк сюда входящий»,
 А кто вошёл, здесь лозунг: «Каждому – своё».
 Не утихала боль тоской щемящей,
 Когда над трупами кружило вороньё.
 Не слышал Бог молитвы тех несчастных,
 Кому могилы приготовила война,
 Ворота в ад открыл он безучастно –
 За вход платили люди жизнями сполна.

Припев:

*Надписи на воротах концентрационных лагерей:
 «Оставь надежду, всяк сюда входящий» (Маутхаузен),
 «Каждому свое» (Бухенвальд), «Труд делает
 свободным» (Освенцим). Когда человек попадал в
 лагерь, он терял даже своё имя – у него был только
 номер на одежде или татуировка на руке.*

ВЛАДИМИР КВАШНИН

ДЕД

Отгремела война, растворились в поляхobeliski.
Я лежал среди трав, средь погожего дня,
Вдруг послышался мне голос близкий-преблизкий,
Кто-то ласково, тихо окликнул меня.
Здравствуй, милый внучек, это я, ты не бойся.
Как живется тебе, как родные мои?
А вот наша судьба: «под равнение! Стройся!» -
Позвала на войну, испытать на крови.
Испытать на любовь и на верность россии,
Постигая науку, страну защищать,
Мы друзей после боя в могилы сносили
И, не вытерев слез, шли в атаку опять.
Мы зубами держались за все полустанки,
Заступая фашистам пути на восток,
И с последней гранатой ложились под танки,
Но не плен выбирали, а пулю в висок.
И я тоже убит полицейским под ровно
Среди хлебных полей и дорожной пыли -
Это в мирное время россия огромна,
А в решающий час станет пядью земли...

Утверждают, что время - всему врачеватель:
Меркнет подвига грань и тускнеет измены позор...
Как мне деду сказать,
Что давно отсидевший предатель,
Поселившись на улице деда,
Живет до сих пор?

В ПРОШЛОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ...

Я не видел войны: ни бомбежек, ни мин, Буду так же бежать сквозь огонь
Ни смертей, ни кровавых атак. и металл
Но, коснется - уверен - На врага по расколотым льдам.
на все сто один! - И, как дед свою жизнь за Россию отдал,
Так же лягу с гранатой под танк. Я свою без остатка отдам!

СВОЙ

Что, славяне,- стоим, слава Богу?
 Худо-бедно, однако, стоим!
 А ведь времечко было – и Волгу,
 Чуть врагам не отдали своим.
 Горбачёв, всё под Сэма стелился,
 Всё нам, гласность втирал,

простоте ...

А - как жареным, первый и смылся,
 Бросив Родину-мать в нищете...
 Помню, Запад аж плакал от счастья,
 Видя, как красномордый плясун
 На кремлевской вершине безвластья
 Превращал треть Земли в Камерун...
 Или крыс - Березовская свора,
 Прикрываясь чеченской АТО,
 Наши деньги тащила в офшоры...

И во мраке не видел никто,
 Как в святом нашем долготерпении,
 Русский парень, с любовью в груди,
 Перед Господом встал на колени...
 И поднял перст Всевышний: «Иди!
 Я всегда буду рядом с тобою...»
 Страшный век, отползая, кровил...
 Он на плечи, с сыновьей любовью,
 Полумертвой Россию взвалил.
 И понёс. Созидатель и воин.
 Шаг за шагом, вперёд и наверх...

Мужики, я же дом-то достроил!
 И «Газелью» похвастать не грех!
 Топоры на селе застучали.
 Школа – с ленточки! Ясельки, клуб,
 Церковь – лебедь,

да разве ж мечтали?!

Связь - любая, да что там – Ютуб!..
 А скажи, может быть это Гозман,
 Жириновский с Зюгановым, нам?..

О, да этих-то я даже к козам,
 Не пустил бы, не то, что к деньгам.
 Слава Богу, повыше защита.
 Нам бы низу ему подмогнуть,
 Знаем - жаждет бездарная свита
 Нас обратно к корыту вернуть...
 Кто там, в Сирии, лапой медвежьей
 Бармалею хребет заломал?
 И Бандере возрад в Незалежной.
 И Донбасс не отдаст на развал.
 Пусть в истерике бьются «партнёры»,
 И Конгресс от натуги ревёт...
 Хрен-то вам! Да хоть Мордора горы, -
 Этот парень с пути не свернет.
 Он умеет: и ждать, и бороться,
 Так что знайте – от древних Пальмир
 Князь Владимир под самое солнце
 Вознесет в небеса новый Мир.
 Справедливый. С ним Бог и Россия...
 Мужики, поплотнее встаём!

В том и кроется русская сила -
 Мы своих никогда не сдаём.

17.02.2018

ЖИВАЯ

Развалился рассвет
 Над тайгой свежепиленным тёсом,
 Расстелила заря
 Над туманами розовый плат.
 Золотым гребешком,
 Вниз пройдясь по березовым косам,
 По осколкам зеркал
 Перешла меж камней пережат
 К деревеньке моей,
 Что раскинула избы над яром
 На ладонях полян
 Среди леса, в подмышке реки...
 А вокруг журавли
 Из болот подпевают гагарам,
 И целуют озёра
 Шальные от счастья чирки.

Здесь по-русски живут.
 И уходят из жизни по-русски.
 А чего тут жалеть,
 Каждый сам выбирает судьбу:
 Или водку с утра
 Под забором хлестать без закуски,
 Или днями в поту
 Заплетать кружевами резьбу
 По духмяности плах,
 Чтоб запела в них даль ветровая,
 Чтоб проезжий народ,
 Увидавший мой храм у реки,
 Вдруг, опешив, сказал:
 «Боже мой, да она ведь - живая!
 Вот же - матушка-Русь!
 Что ж хороним её, мужики?!»

Не в полотнах она
 Дотлевет в тиши Эрмитажа,
 А живет, как жила,
 Только спрятала серьги под шаль.

Как ей петь да плясать,
 Если небо над Родиной в саже?
 Если мышь-вороньё
 Тащит зёрна в заморскую даль?!
 Ничего, всё пройдёт.
 Всё на круги своя возвратится.
 Нам бы только у Бога
 Прощенье успеть заслужить
 За всё то, что бездумно
 Творили с родимой землицей,
 И понять наконец –
 Без деревни России - не жить...

Вот и первый дымок,
 По соседству, над крышей поднялся.
 В переулке петух
 Загорланил, встречая рассвет...
 Вот и снова в любви
 Деревеньке у речки признался:
 Без любви, как без Родины,
 Жизни для русского – нет.

22.02.2018

РОЗА ВЕТРОВ

Где-то выстрел далёкий
Раздался в рассветном тумане...
Остывающей кровью
Стекла по осинам заря...
Тонко вскрикнула пуля
Ударившись в грудь мироздания
И, уйдя в рикошет,
На излёте попала в меня.
И заныла душа,
Называя убийц поимённо,
Даже в наших краях
Их людьми никогда не зовут -
Расстреляли лосей -
Чтоб пылилась в прихожей «корона»...
Глупо веруя в то,
Что они никогда не умрут.

А когда по весне,
Долетев сквозь заслоны картечи,
Птица видит святые
Озёр голубых образа
И в слезах голосит
На своём лебедином наречьи,
Я прошу, мужики -
Поднимите, ликуя, глаза!
А не мушки стволов
Под нахмуренной бровью заката,
Чтобы срезать того,
Кто всех ниже над песней реки...
Это кто-то из наших
с Афгана вернулся, ребята,
На такой высоте
Никогда не идут чужаки.

Я по жизни бродяга,
Отдавший себя Приполярью.
От зимовья к зимовью
Ведёт по ночам Альтаир,
И в последний свой час
Я долги за собой не оставляю,
Я уйду налегке,
Как когда-то пришел в этот мир!
Мне не надо креста,
Не давите мне сердце надгробьем,
Ни чугунных оград,
Ни речей, ни заплаканных лиц -
Вы развейте меня
Дикой розой ветров над Приобьем,
Чтобы встать в белый строй,
Самых преданных Родине, птиц!

Чтобы встать в белый строй,
Самых преданных Родине, птиц...

ТАМАРА ЗУЕВА

Перевод с аварского языка
Саид Мухумаев (республика Дагестан)

ДВЕ ВЕТОЧКИ ЛЮБВИ

В моём саду на дереве две веточки любви,
Господь Всевышний, веточки на жизнь благослови!
Одна – для милой Родины, другая – для мечты...
Мы с ними будем счастливы, Кавказ и я, и Ты!

Растут где - то на дереве две веточки любви,
Две вены, две тростиночки, как хочешь, назови,
Средь скал росток невидимый, другой в родной земле,
С любовью незаметною под солнышком в тепле.

В моём саду на дереве две веточки любви,
На счастье и удачу их, Аллах, благослови,
Дают отростки новые, цветут они во мне,
На веру и терпение в Кавказской стороне!

ОТ МИНУТЫ ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ

О, бескрайнее море чистое,
Нет начала и нет конца,
Снег завесой кружит искристую
Над землёй подарком Творца...

Убивая вновь колким холодом,
Айсберг давит в моей груди,
Мне тоскливо, совсем не молодо,
Выйди, солнце, путь освети...

Я отправлю грусть долгой вечностью,
Плещет море, плача волной,
От минуты до бесконечности
Распростится печаль со мной...

САГАДА МОЯ РОДНАЯ

Не увлечь меня столицей,
Мегаполис – сущий ад!
Гор высоких манят лица,
И аула дивный сад!

Вздорный рокот горной речки
И цветение лозы,
Манит тонкий звон уздечки,
Не пугает блеск грозы!

Ни к чему, одетый в мрамор,
В летних ливнях Петербург,
Купола московских Храмов,
Сагада мне – лучший друг!

ЗА СЕВЕРНОЙ МУЗОЙ

Где - то там за границей сознания
Звёзды тихо ведут разговор,
В бесконечность летит мирозданье,
В нём едины Мицар* и Алькор*.

И мигают огнями пляеды,
Это Атрапи* таинство шлёт,
К ней земные прикованы взгляды
На Вселенский большой хоровод.

В самом сердце живёт Алабана*,
Утром долго не гаснет Чулпан*,
В час вечерний и утренний рано
Привлекает Венера землян.

Путеводная звёздочка Кутбу*
Ярким светом на Север ведёт,
Ни она ль подарила мне дружбу
С Музой той, что в туманах живёт.

Жёлтым яблоком манит ночами
И уснуть не даёт мне Камар*,
Лунный свет проливает стихами,
К Бадру* мчит непослушный Икар...

И загадкою вечною гложет
Галактический сказочный круг,
Там на дальней планете, быть может,
Ждёт дидойца космический друг?!

ВРЕМЯ И ТЫ

Наша жизнь и счастье, и бремя,
– Плохо мы, – говорят – живём,
А ты сам? Ты улучшил время,
Иль останешься жить в «плохом»?!

Слышишь ли, как стучится сердце,
Как тревожится за тебя,
Можешь ты от беды отречься,
Дабы горя не знала судьба...

Если ты кого - то обидел,
Может кто - то обидеть в ответ,
Если ты красот не увидел,
Не оставил достойный след,

Не с того взял пример ты, значит,
Не за тем ты пошёл вослед,
Значит, это чужой, не иначе,
Ты в других не увидел свет...

Верю я, зарастёт «плохое»
Счастьем светлым, большим добром,
Пусть уходит беда изгоем,
Быть любви в Дагестане родном!

Хизри Дидойский (республика Дагестан)

Мицар и *Алькор - самая известная звездная пара на небе. Они находятся в созвездии Большой медведицы.
*Атрапи - Вселенная. *Бадру - солнце. *Алабан - Млечный путь. *Чулпан- утренная звезда. *Камар- полная луна.
*Кутбу- Полярная звезда.

НАИРА СИМОНЯН

Твои губы, как сок граната,
 Незабудка моя и боль,
 Ты сошла ко мне с Арарата,
 В твою честь сложить стих позволь:

Твоё слово, как песнь народа,
 Облетевшая сто дорог,
 Воспеваешь мир и свободу
 И несёшь с красотой добро!

Твоя клятва – стихи Отчизне,
 Для любой души, как щербет,
 Ничего нет дороже в жизни,
 Чем отцовскому краю обет.

Твоя музыка – зов дудука,
 Аромат фиалок в ночи,
 И отрада сердец, и мука,
 И пронзительный зурначи.

Твоя Родина – от Евфрата,
 И отчаянье, и любовь,
 Я – послушник строк шариата,
 Покорён светлым слогом вновь!

ОСЕНЬ

Царица - осень, здравствуй,
 Саламалейкум, сон!
 На радость людям властвуй,
 Займи цветущий трон!
 Нарядна, как невеста,
 Румяна и свежа,
 С порывами норд - веста
 Южанка хороша!

С богатыми дарами
 Приходит в край родной,
 С поющими ветрами,
 С дождливою струной.
 Природа торжествует,
 Прикинув яркий цвет,
 И золотом балует,
 И лету шлёт привет,

Шлёт маленькую песню,
 Рисуя звездопад,
 И с каждым днём чудесней
 Раскрашивает сад.
 Вершит пейзаж в узорах,
 Ткёт красочный ковёр,
 И в розоватых зорях
 Качает стынь озёр...

Но скоро над горами
 Повиснут холода,
 С летящими снегами
 Зимы взойдёт звезда...
 И будет долго сниться
 Весёлый листопад,
 Последний лист протистится,
 Встречая снегопад...

У КЕЗЕНАЙ - АМА

Бурку белую накинув,
На коне стрелой лечу,
Взглядом луг в цветах окинув,
Я на Кезенай - Ам мчу.
Два крыла встречают ветер,
Чем я хуже лёгких птиц?!
Нет прекрасней бурок в свете
Рахатинских мастериц!

Сердце вырваться готово,
Вьются мысли, не унять.
В жарком зареве багровом
Озера сверкает гладь.
К чаше синей бурко мчится,
Смел скакун мой и ретив,
Зеркалом блеснёт водица,
Дух форельный* не шумлив.

Блики, золотом играя,
Кинут россыпью лучи.
Ранним утром, ночь стирая,
Зорька алая стучит.
Тур подходит к водопою,
Тишь повсюду, спит волна,
Я, пленённый красотою,
Свежести напьюсь сполна!

Бриз почти неуловимый
Чуть касается воды,
Гребень еле различимый
Стелет пенные следы...
И меня уносит в детство,
В мой забытый светлый сон,
Чтоб в ладонях гор согреться
И послушать шёпот волн....

*форельный – Озеро Кезенай-Ам, или Большое форельное озеро, расположено на границе Чечни и Дагестана.

ЯНАО

Ямало-Ненецкий автономный округ

Ямал. Православный лагерь Анны Неркаги.

Анна
Неркаги

Ямало-Ненецкий автономный округ – субъект Российской Федерации, входящий в состав Тюменской области.

Административный центр автономного округа – город Салехард.

Основой создания российской государственной на территории округа можно считать основание в 1595 году казаками Обдорской крепости. Обдорский острог стал самым северным русским поселением в Сибири в то время. В 16 – 17 веках Обдорская земля входила в состав Тобольского разряда Русского Царства, затем в состав огромной Сибирской губернии, образованной в 1708 году царём Петром I, с 1782 года – в состав Тобольского наместничества, с 1796 по 1920 год – в состав Тобольской губернии. В 1921 – 1922 годах территория нынешнего Ямало-Ненецкого округа была охвачена Западно-Сибирским восстанием, включая г.Обдорск. Ямало-Ненецкий автономный округ образован (первоначально как национальный) в составе Уральской области 10 декабря 1930 года.

Регион относится к районам Крайнего Севера, и более половины его территории расположено за Полярным кругом. Округ занимает обширную площадь в 769 250 км², что в полтора раза превышает территорию Франции (547 030 км²) или Испании (504 782 км²). На территории округа находится полуостров Ямал – самая северная материковая точка округа и находится на 73° северной широты, в 800 км от Северного Полярного круга. Природа удивительным образом создала здесь 70 процентов мировых запасов сиговых рыб (муksун, шокур, нельма). На 50 миллионах гектаров тундры выпасается около 600 тысяч голов северного домашнего оленя. Регион занимает одно из ведущих мест в России по запасам углеводородов, особенно природного газа и нефти.

АННА НЕРКАГИ

МОЛЧАЩИЙ

Анико проснулась поздно. На улице лаяли собаки, слышались оживлённые голоса, плач маленьких оленей. Торопливо оделась и вышла. У самых дверей столкнулась с большим быком. Тот испуганно отскочил, остановился и, казалось, с любопытством посмотрел на чёрного человека (Анико была в пальто чёрного цвета).

Подошёл Себеруй. Они с Пассой издали наблюдали встречу Анико и Тэмуйко.

– Это олень твоей матери.

– Он меня почему-то испугался.

– Ещё не знает, поэтому и убежал. Попробуй ему хлеба дать.

Себеруй достал из-за пазухи кусок хлеба.

Тэмуйко при виде лакомства заволновался. Сделал несколько шагов навстречу, но опять остановился. От незнакомого человека тянуло неприятным, нетундровым, запахом.

Анико шла к нему, держа хлеб. Мамин олень. Его ласкали её руки. Он хорошо знал маму, может, и любил. Хотелось шепнуть ему ласковое слово, погладить по стройной шее.

Но Тэмуйко, развернувшись, ушёл к стаду и затерялся среди оленей.

Анико растерянно оглянулась на отца.

– Он привыкнет к тебе. Пусть немного погордится.

Себеруй улыбнулся. Ему понравилось, что дочь огорчена. Значит, не совсем чужая.

– Пойдём. Я покажу тебе твоих оленей.

– Моих? Разве у меня они есть?

– У тебя их много, дочь. Третья часть стада твоя. Да, старик один, умирая, завещал тебе своих.

– А зачем мне олени?

Себеруй не ответил. Но Анико поняла, что её приезд он принял за возвращение навсегда. И верит в это. Но оставаться в тундре глупо. Это означает, что надо переучиваться жить. Перестраивать себя. Ломать всё, что достигнуто за четырнадцать лет?! Зачем тогда надо было учиться?

Праздник в стойбище – редкое явление. Здесь не празднуют даты. А вот удачная охота – праздник, сын у кого-нибудь родится – самый большой праздник. Гость приедет – всем радость.

Правда, за последние годы появились Дни рыбака и оленевода. Но их не особо почитают. Для бездельников лишний повод выпить.

Себеруй велел Пассе и Алёшке заколоть двух годовалых бычков. Туши разделили на речке, где снег был чище.

Анико сидела рядом с отцом на нарте, наблюдала за приготовлениями. Повернулась к отцу. Он нюхал табак. Вспомнила вчерашнюю встречу с ним, грязные усы, своё отвращение и ужас. Стало стыдно за себя, и Анико опустила глаза. Увидела, что пальто в шерсти. Испугалась: а вдруг и вши есть? Хотела сорвать пальто, выбить его о снег. Удержалась. Сделать так – значит опять оскорбить отца.

Анико осталась сидеть, только сжалась и незаметно подобрала под себя полы пальто.

Около оленьих туш стали собираться соседи.

Поднялся и отец.

– Пойдём.

«Отказаться? Нет. Получится нехорошо».

Они прошли к месту пира. Перед ними расступились.

Анико неловко села на корточки. Отец подал ей нож с тонким лезвием. Анико поискала взглядом хлеб, но не нашла.

«Хоть бы немножко съесть».

Себеруй подал дочери кусочек сырой печени... Он вспомнил, что маленькая Анико очень любила печень; покойная жена, бывало, забирала её всю и солила, чтобы потом давать дочери.

Анико густо посолила кусочек, стараясь выглядеть спокойной. Рот был полон соли, и всё же запах крови чувствовался сильно. «Надо выдержать, надо выдержать...» – думала Анико.

Когда с куском печени было покончено, все заулыбались, да так приветливо, что Анико чуть не заплакала. Значит, переживали за неё, понимали.

А гости уже ели. То, что губы и подбородки были запачканы кровью, теперь не казалось противным, а вся картина праздника дикой. Ненцы питались так испокон веку, и, может, ещё много лет пройдёт, а сырому мясу они по-прежнему будут отдавать предпочтение.

Алёшка отгонял оленей на пастбище, но сцену с кусочком печени застал и обрадовался за Анико.

Анико больше не ела, а, устроившись поудобней, смотрела на земляков и старалась понять, как они могут жить тут. Ни кино, ни театров, ни книг. Чем они живут? Задумывался ли кто-нибудь из них, ради чего он появился на свет? Маленькие, некрасивые, а круглые капюшоны малиц делали лица мужчин похожими на физиономии каменных Идолов, которых Анико помнит с детства.

Почти у каждого озера, в котором отец ловил рыбу, гордо полулежали каменные хозяева озёр.

Перед тем как закинуть невод, отец обязательно угощал Идолов, ставил перед ними что-нибудь вкусное: варенье из морошки или хлеб с маслом. Чаше всего отец мазал рыбьим жиром то место, где, по его мнению, у Идола был рот.

И только после этого закидывал невод. Если улов был хороший, отец раздвигал самого большого, жирного сига и опять угощал Идола. Если рыбы было мало, отец некоторое время молча смотрел Идолу в лицо и говорил:

– Ему сегодня ничего не надо.

Сейчас Анико поразило не столько внешнее сходство людей с теми Идолами, сколько общее выражение значительности и достоинства на лицах ненцев и их каменных богов. Должно быть, сидящие перед ней знают что-то очень важное и основное в жизни, чего не знает она, иначе не вели бы себя так спокойно и уверенно.

Около каждого мужчины лежали собаки. Их не отгоняли, не кричали на них. Им кидали кости и внутренности, и в движениях людей не было ни пренебрежения, ни злости. Подавали как друг другу, как равный равному.

И только большой бурый пёс лежал в сторонке и наблюдал за всеми полусонными глазами. Отец кидал ему кости; и тот подбирал еду с достоинством, не жадно и не торопливо, а если кость не долетала, не поднимался.

Анико почувствовала к этому псу особое уважение. Может, оттого, что он не давился куском и не скалил зубы, как другие собаки, может, оттого, что он, как показалось Анико, тоже отошёл от суеты жизни, чтобы хорошенько подумать обо всём, не сделать ошибки.

После чая Анико пошла к матери. Кладбище было недалеко.

Анико достала из кармана скляночку с табаком, переложила в портфель, чтобы не потерять. Отец просил передать матери.

Веночек из ярких цветов решила нести в руке, боясь измять его. Он был маленький и изящный. Купила на базаре перед самым вылетом. В стойбище не хотела показывать, стеснялась, да и боялась, что не поймут, а может, и осудят.

Идти нетрудно. Зимник твёрд, как асфальт. Видно, не один десяток лет ездят по нему. Кое-где из-под мокрого снега выглядывает прошлогодняя трава. Анико пытается представить её зелёной и сочной, но не может.

Скоро показалось священное место, а за ним и кладбище.

Могилу матери нашла сразу. Молча постояла, потом высыпала табак на гроб и на землю, как велел отец. Села на доску, оставшуюся с похорон, и прислонилась плечом к гробу. «К живой не пришлось, так хоть к мёртвой прилечь, прощения попросить за то, что не была с ней».

– Прости меня. Я была виновата в нашей разлуке, ушла от тебя, чтобы учиться и быть лучше. Только лучше ли я стала? – И ей вспомнилось, что

несколько раз после геологической практики могла поехать домой. Можно было хоть раз в месяц писать письма, посылать маленькие посылочки, родители были бы рады любой весточке от неё.

Им прощительно. Они никогда не знали точно, где живёт их дочь. Как ужасно, что ничего не изменишь в прошлом. Она почувствовала, что сейчас заплачет. Поправила на венке цветочки, положила его на гроб, придавила камнем. Попыталась представить лицо матери... и не смогла. «Какое же оно было? Доброе? Злое?»

Сняла варежку и погладила холодные доски.

Лицо матери... Она никак не может вспомнить его... Вот суровое лицо Елизаветы Ивановны, воспитательницы интерната. Когда Анико училась в четвёртом классе, Елизавета Ивановна хотела сделать из неё хорошую гимнастку... Улыбнулось добренькое, исковерканное оспой лицо бабки Лизы, ночной няни. К ней Анико ходила пить чай, часами слушала её рассказы и песни... Светло и строго глянули глаза Валентины Георгиевны Старенко, любимой учительницы, которая во многом, чуть ли не в главном, заменила ту, что лежала здесь...

Анико заплакала. Пусть поздние слёзы, пусть стыдно.

Как должно быть уютно, спокойно и хорошо людям, у которых есть мамы. Пусть старенькие, сморщенные, пусть глупенькие и смешные, но живые.

Мы приходим к маме, несём к ней свои обиды и нужды, забывая о её обидах и нуждах. Счастье несём к маме реже, хотя знаем, что она не попросит от него ни кусочка, а только удвоит его.

Тяжело приходиться к мёртвым, знать, что пришёл поздно, и в этом твоя, только твоя, вина, ни при чём тут житейская суета, на которую привыкли валить всё.

Анико больше не плакала, понимая, что слезами прощения матери не заслужишь.

Тэмуйко медленно отходил от стада. То и дело поднимал голову и смотрел на собаку: как бы не заметила. Потом снова опускал морду, делая вид, что усердно щиплет ягель. Увидев, что погони нет, Тэмуйко пошёл смелее. Сначала вышел на зимник и скоро свернул к кладбищу. Он приходил сюда не каждый день, хотя хорошо помнил место, где лежит мать, и сейчас приближался спорыми, уверенными шагами.

Вдруг Тэмуйко остановился, ноздри его вздрогнули – он увидел Анико. Постоял, пригнувшись, и осторожно подошёл к могиле, только с другой стороны. Коснулся губами досок и, чуть прикрыв длинными ресницами глаза, замер.

Анико стояла, не веря ни глазам, ни сердцу. Олень у могилы?! Может, случайно забрёл, отстал от стада и завернул сюда, увидев человека? Кажется, вчерашний гордец. Да, он.

Тэмуйко не обращал на неё внимания. Он глядел большими тоскливыми глазами на саркофаг, на проталины около него и, казалось, думал о чём-то печальном и неоленьем.

Анико молча рассматривала его. Рога у оленя уже отпали, и вместо них торчали влажные отростки пантов, но они не делали его некрасивым, а, наоборот, придавали голове особое изящество и молодость, подчёркивали широкий, чуть выпуклый лоб.

«Он пришёл сюда не зря, не забрёл случайно. Но тогда зачем?» – думала Анико, но уже догадывалась, что олень «сознательно» пришёл к матери, только почему-то стыдно было признаться в этом себе.

Анико встала, положила на саркофаг склянку с оставшимся табаком, поправила шарф и шапочку, неловко склонила голову, мысленно прощаясь с матерью.

От встречи с оленем осталась в душе тяжесть и вместе с тем какое-то светлое чувство.

Пошла по свежим следам Тэмуйко, думая, что вот она ушла, а он остался. Обернулась.

Тэмуйко не смотрел на неё. Он стоял, низко опустив красивую голову.

Анико вдруг показалось, что олень плачет. Иначе зачем он будет так стоять? Ему, должно быть, очень тяжело. Она подождала, когда Тэмуйко поднимет голову, но тот не шевелился.

Где-то захохотала куропатка, и ей тут же, не медля, ответила другая. Смеялись они по-весеннему: легко и радостно.

Анико решила ничего не говорить о встрече с Тэмуйко.

Отец встретил молча и торжественно. Он был в новой малице, хотя солнце светило по-весеннему лукаво. И не только он, а все были одеты празднично. Ножны на поясах мужчин блестели, на ногах, несмотря на небольшие лужицы, красивые кисы с узорами. Женщины переоделись в чистые платья.

«К чему это?» – испуганно подумала Анико и невольно поправила на голове мохеровую шапочку.

Отец ласково поглядывал на неё.

Женщины расстелили на земле шкуры, и получилось что-то похожее на мягкий ковёр. На него поставили чашки, посуду с мясом, маслом, рыбой.

Анико подошла к своему чуму, удивлённо опустила рядом с отцом. Он нюхал табак и довольно улыбался.

– Что они делают?

– Праздник будет.

– Утром же был.

– Сейчас ещё больший праздник. Ты встречалась с мамой, поговорила с ней.

– Себеруй говорил так, будто действительно знал, что дочь беседовала с матерью.

– Она увидела тебя и сейчас радуется, и мы тоже радуемся тому, что ты приехала.

Когда женщины закончили приготовления к празднику, отец поднялся и, как утром, сказал:

– Пойдём.

Опять испытание, но сейчас, видно, серьёзней, чем с куском печени. Пошла за отцом, стараясь улыбаться.

Уселись, как утром. Рядом отец, с другой стороны – Пасса. Прямо напротив парень, который был чем-то знаком, но Анико никак не могла вспомнить, кто он.

Алёшка время от времени смотрел на неё: ну, вспомни, вспомни.

Женщины принесли чайники.

– Надо было костёр разжечь. Чай-то быстро остынет, – проворчала мать Пассы, раскалывая ножом большой кусок сахара. – Или в чуме сидеть.

– Ма, мы не пойдём в чум. Они ведь у нас маленькие, – возразил Пасса и, слегка улыбнувшись, достал из-под колена бутылку спирта.

Жена подала ему ковш холодной воды. Разбавляя спирт, Пасса продолжал, будто жаловался:

– Маленькие у нас чумы. Надо бы побольше да получше, но некому пока думать о чуме. Вот вырастут наш. – Он хотел сказать «сыновья», но быстро поправился, – наши дети, тогда они поставят нам чумы побольше да потеплей.

– Хватит вам про чумы, – вмешалась жена Пассы и подмигнула матери Алёшки: мол, поддержи.

Пасса налил всем по чашке спирту, высоко поднял свою и сказал, постреп на Анико:

– За то, чтобы наши дети возвращались.

Этот тост, видно, понравился. Некоторое время все молча и торжественно смотрели на Анико, потом разом выпили.

Анико чуть пригубила свою чашку. Люди верят, она останется с ними, но как им объяснить, что это невозможно? Пасса поднялся и, обращаясь к Алёшке сказал:

– Приведи упряжку.

Алёшка вскочил легко и радостно, и, пока шёл к оленям, хорошая улыбка была на его лице.

Четыре огромных быка ступали лениво и важно, сонно смотрели большими сытыми глазами и не обращали внимания на людей.

Отец поднялся, подошёл к оленям, погладил каждого по морде, губы его чуть заметно шевелились, будто он давал наказ животным.

– Это, дочка, мамыны олени. Почти всех она воспитала сама, когда они оставались сиротами. – Голос его дрогнул, но тут же просветлел. – А теперь они твои. Нарту тебе сделал Пасса.

Ноги сами подняли Анико. Она не знала, что делать. Принять оленей и нарту – значит согласиться остаться, а нет – обидеть людей, искренне желающих ей добра.

Алёшка с волнением ждал её ответа или хотя бы взгляда, он с силой дёргал ножны и, почувствовав, что может невзначай оторвать их от пояса, сел, не спуская глаз с Анико.

– Подойди сюда, – попросил отец.

Анико подошла. Отец передал ей хомут. Принимая его, она уже решила во всём соглашаться сейчас и не портить людям праздник.

Отец поправил упряжь на каждом быке и сказал:

– Передовым у тебя будет Тэмуйко. Его сейчас нет, но если он в упряжке – ты можешь даже спать в дороге. Сам вывезет к людям. Его твоя мать выкормила грудью.

Анико стояла потрясённая, но её отвлекла мать Пассы. Она подошла и протянула красивую ягушку. Глазки старушки блестели, аккуратно причёсанные волосы белели сединой.

– Носи, дочка. Никогда не замёрзнешь. Можешь в ней спать на снегу, как куропатка.

Не зная, куда деть хомут, Анико растерялась. Все засмеялись. Алёшка взял хомут и глазами показал, чтобы приняла ягушку и положила на нарту. Анико смущённо улыбнулась старушке, её пальцы чуть коснулись горячей маленькой руки, и девушка поразилась: какая она сухонькая! И такие усталые руки шили для неё, чужой, этот хитрый узор?

Мать Алёшки бросила на старушку быстрый ревнивый взгляд и побежала к своему чуму, смешно семеня короткими ножками.

Алёшка с удивлением посмотрел ей вслед. Мать вышла

из чума с молодым румянцем на щеках. После смерти отца Алёшка ни разу не видел её такой. Сияя от гордости, женщина поднесла Анико кисы, настоящие, длинные. Она, оказывается, тайно от всех тоже готовила подарок гостье.

Алёшка растерянно замигал.

Он никогда не видел мать за этой работой. Ох и много хитрости у женщин, если дело касается счастья их детей! Видно, не зря намекала вчера, что за невесткой можно не ездить далеко.

И Окне, жена Пассы, подала свою сумочку, которой все залюбовались.

Анико складывала подарки на нарту, и даже чуткий Пасса не мог бы сказать, что она не рада им. Только Алёшка, сидевший рядом, замечал в глазах девушки растерянность, которую не могла скрыть улыбка.

Потом пили чай.

Анико развеселилась, а когда мужчины устроили гонки на упряжках, переживала и кричала вместе с ребятишками и женщинами.

Победил в гонках Алёшка. Он специально тренировал для соревнования своих оленей, и разлившимся, ожиревшим быкам Себеруя и Пассы было трудно тягаться с Алёшкиными, поджарыми, мускулистыми.

После гонок женщины варили мясо. Пасса с Себеруем завели разговор, интересный и понятный только им: сколько оленей сдать осенью на мясо, какие телята в мать пошли, какие в отца, где лучше ягель.

Анико хотела помочь женщинам, но ей сказали, что она замараёт пальто. Походила, поиграла с ребятами, а потом села на нарту, задумалась и не заметила, как подошёл Алёшка.

– Ты меня не узнаёшь?

– Нет. Лицо вроде знакомое, но не помню.

– Алёшка я, Лапгандер. В Белоярске в интернате вместе жили. Ты тогда меньше была, а сейчас...

– Да, сейчас совсем не та. Скажи, что мне делать с этим богатством?

Алёшка не стал притворяться, что не понимает. Он сел рядом и как можно спокойней сказал:

– Это твоё дело.

Помолчали.

– А если я отца с собой возьму? – неожиданно спросила Анико.

– Ну, то совсем смех. Всю тундру рассмешешь. – Алёшка в подтверждение своих слов слегка улыбнулся. – Твой отец всё равно что олень, в стайку не загонишь.

– Почему?

– Будто сама не знаешь. Грамотная ведь.

– И грамотные часто не всё понимают.

– Он всю жизнь прожил в горах. Ему здесь каждый камень и дерево знакомы. Он с ними, как с людьми, за руку здороваются. – Алёшка говорил медленно, спокойно, но по румянцу на щеках видно было, как он волнуется. – Твоему отцу не так просто взять и переехать. Он без чума, оленей и Пассы жить не сможет, тем более в душном городе.

Анико сорвала сухую травинку, повертела её в руке.

– Но ведь привыкла я к городу.

– Даже слишком, – Алёшка усмехнулся. – Тебя, как и других наших парней и девушек, испортил интернат.

– Ты что, против образования? – растерялась Анико, изумлённо рассматривая парня.

– Почему против? – обиделся Алёшка. – Интернат – это хорошо. Но вспомни, много ли молодых вернулось после интерната в тундру. А те, кто вернулся, что они принесли? И грамоте толком не научились, и ремесло своих отцов позабыли. Вот и получают из нас не тундровые жители, не городские, смесь какая-то...

– Не все же такие, – рассердилась Анико, – а если человек хочет по-настоящему учиться...

Я не о них, – поморщился Алёшка. – Тундра будет всегда, значит, кто-то должен ухаживать за оленями, ловить песцов. Почему бы в интернате вместе со стихами Пушкина не давать уроки охоты, ловкости, выдержки? Ведь есть же профессии оленевода, рыбака, охотника. Вот и учили бы их по науке этому. Они бы вернулись в родное стойбище и сделали жизнь лучше...

Анико бросила травинку и с удивлением посмотрела на Алёшку. Тот перехватил её взгляд, смутился.

– Ну, ладно об этом. Что ты собираешься делать?

Анико пожалала плечами, отвернулась.

– Я не знаю, Алёшка. Отца не могу обидеть, но и остаться жить, как вы, не могу.

– Почему?

– Шить, варить, готовить дрова я научусь, но, Алёшка, пойми, ты увидел в оленях и в кочеваниях смысл, а я не вижу... Может, только к старости.

– Хорошо! Я тебя понимаю. А отец? А род? Забываешь,

что ты единственная из рода Ного? Сможешь ли ты там, в городе, продолжить его, не потерять честь Ного? Ведь отцу будет тяжело умирать, зная, что вместе с ним уйдёт и его род. Ты не смотри, что он сейчас бодро ходит...

– Но я буду приезжать к нему.

– А ему не это надо. Ему вся твоя душа нужна, а не осколочек её.

– Что же, ради него я должна повторить судьбу матери?

– Значит, ты хочешь жить в благоустроенной квартире, а другие ненецкие женщины пусть сидят у очага? Ты же грамотная, вот и сделай их жизнь лучше.

Анико испуганно взглянула на парня. Лицо Алёшки побледнело, на лбу вздулась жила, а глаза его смотрели недобро и хмуро.

– Что я могу сделать? – хотела, чтобы вопрос прозвучал твёрдо, а получилось жалко и невнятно.

– Вот когда ты на собственной шкуре почувствуешь всю тяжесть жизни женщины, тогда будешь знать, что делать. – Алёшка говорил всё с тем же недобрым выражением лица. – Ну ладно, хватит об этом. – Поднялся. – Ему было неприятно, что разговор получился таким грубым, и теперь он хотел успокоиться.

Анико растерялась до слёз. Хорошо, что Алёшка ушёл и не видел её лица. Она не ожидала таких слов, колких, неприятных, страшных. И от кого? От какого-то пастуха, парня в малице.

А что, если все они – и папа, и Пасса, и эти добрые женщины – думают о ней так же, только молчат? Как быть? Как утешить себя, а главное – оправдать? Где-то в глубине души Анико начала сознавать, что парень прав, но как...

как бросить всё: институт, театр, кино, танцы, споры с товарищами об искусстве, об интересном и ярком будущем? Как забыть шумные, горячие улицы города, любимые места, где не раз так хорошо думалось и мечталось, и добровольно отдать себя мёрзлой тишине, затеряться в белом просторе снегов, надеть ягушку, жить при керосиновой лампе и... состариться?!

Себеруй сидит лицом к закату. Тёплые струйки солнца бегут по глубоким морщинам, а старому ненцу в лёгкой дремоте думается, что это маленькая дочь гладит его по лицу мягкими пальчиками.

Огромное солнце хотя и ласковое, но одинокого человека уже никаким теплом не согреешь.

Себеруй понял, что дочь уедет. После ужина он совсем случайно через открытый полог двери увидел, как Анико складывала свои вещи, не обращая внимания на подарки женщин стойбища. Они лежали на постели забытой кучкой.

Уже в первый вечер, в момент встречи, вместе с радостью приютился страх, но Себеруй пытался обмануть себя, а временами действительно верил, что всё будет хорошо, родная дочь не бросит на старости лет. Но теперь он знал – Анико торопится обратно. Там, на Большой земле, за много километров её ждёт что-то более родное и близкое, чем отец и его горе. Придётся доживать последние дни одному. Он ведь в большой посёлок поехать не может. Жена и дочь здесь. Здесь было счастье.

Буро осторожно подошёл к хозяину, лёг и некоторое время тоже смотрел на солнце, потом подполз к ногам Се-беруя, лизнул кончики кисов. Он всегда делал так, чтобы хозяин не сердился за беспокойство.

Себеруй, наклонившись, провёл рукой по шее собаки и опять задумался...

Анико проснулась от страха. Ей приснился сон. Мать защищала её от кого-то. Анико не поняла, от кого именно, мать размахивала руками, что-то гневно кричала, загораживая дочь. А лица у неё не было.

Торопливо откинув полог, Анико быстро накинула пальто. Долго пила воду, искала глазами отца. Его не было. Ягуш-ка, которой он всегда укрывался, лежала на постели так же, как положила её Анико вчера. «Где он? Что с ним?»

Испугавшись ещё больше, выскочила наружу, обошла вокруг чума и увидела отца на нарте.

Сделав несколько шагов, Анико услышала голос, спокойный и доверчивый, будто отец говорил с самым близким человеком.

– Буро, мы опять останемся одни.

Анико чуть подалась назад. Ей подумалось, что отец лишился рассудка.

Против него сидела собака и внимательно смотрела на хозяина. Ни она, ни отец не заметили Анико.

– Не плачь, – сказал Себеруй тихим и ласковым шёпотом. – Мы будем жить тихо, никому не будем мешать. Ты знаешь, я шить научился. Сам себе кисы и малицу буду чинить. Пусть у тебя ум походит: мать Пассы уйдёт в другой мир, и никто не захочет заниматься нашими кисами. Вот смотри... – Он наклонился и показал на ногу. В кисах была дырочка, из которой торчала солома, её обычно подкладывают под чижы. – Завтра я дырочку зашью. Ты только никому не говори.

Буро понюхал солому и фыркнул.

– Хорошо, хорошо, не смотри на меня так. – Себеруй помолчал и продолжал успокаивающим тоном: – Малица у меня хорошая, да новая ещё есть, хозяйка сшила. А ты хорошо следи за оленями, чтобы на нас никто плохо не смотрел и не думал, что Себеруй с Буро не работают.

Анико не выдержала:

– Папа!

Себеруй резко обернулся. Подбежав к нему, Анико обхватила голову отца, задыхаясь от слёз:

– Не говори так, не говори с собакой. – Она гладила, как во сне, его руки, волосы и всё повторяла срывающимся голосом: – Не говори. Посмотри на меня. Я вернусь, папа, а пока отпусти меня. Не могу остаться. Я должна понять. – Она спрятала лицо в сорочке малицы, говорила быстро: – Жди меня. Я разберусь в себе и буду с тобой, а? Ты веришь мне? Веришь?

Себеруй только кивал и вытирал ей слёзы ладонью. Да, он готов отпустить её хоть навсегда, потому что теперь знает: у него есть дочь, есть на земле его кровинка, остался его корень, не погиб, не завял.

– Иди, дочь, но будь хорошим человеком. А если вернёшься – всё будет твоим. Умру я, тебя твои родные места всегда примут.

Он поцеловал Анико в голову, поднялся и сказал:

– Подожди меня тут.

Вернувшись, положил на нарту что-то завернутое в красную тряпку. Глаза его смотрели строго и странно, будто перед ним была не девушка, а такой же мудрый, проживший трудную жизнь человек. Он развернул тряпку, опустился на колени и долго стоял, нагнув голову. Потом поднялся, кивком подозвал к себе дочь и показал глазами на нарту. Там сидел маленький человечек в бело-снежной малице. Затаив дыхание, Анико смотрела в его светлые глаза и не решалась отвести взгляд.

– Встань на колени, – тихо и ласково попросил отец.

Анико послушно опустилась, чувствуя на плече тепло отцовской руки.

– Ты осталась одна из рода Ного. Смотри, это его хозяин. Говори с ним.

– О чём? – испуганно спросила Анико, чувствуя: совершает что-то важное, святое, мудрое.

– Попроси его. Пусть он будет добр к тебе. – Голос отца слышался откуда-то издали, а светлые впадины глаз хозяина рода, казалось, то увеличивались, то уменьшались, будто он внимательно всматривался в девушку. – Я уже просил его. Теперь ты. Не бойся. Он будет с тобой и с тем, кто станет твоим мужем. Проси. Он мудр, хотя не уберёт твоих маму и сестрёнку.

Анико склонила голову, закрыла глаза. В этот миг она верила, что от Идола, спокойно смотревшего на неё, зависела её судьба, судьба рода и её детей. Она верила, и уже это было просьбой, чтобы он был добр к ней, к людям, особенно к её одинокому отцу.

Отец тронул её за плечо.

Анико поднялась. Глаза её смотрели строго, так же, как и у отца минуту назад. Лицо побледнело.

Себеруй взял Идола и, подойдя к дочери, остановился.

– Помни, он всегда должен жить. Не важно где: в чуме или в деревянном доме, но жить.

Анико ничего не сказала, с широко открытыми глазами и сердцем, полным любви к жизни, к отцу, к земле предков, взяла Идола и несколько минут стояла неподвижно, понимая, что приняла сейчас душу отца, матери, деда и всех, кто жил на земле до неё. Не Идола отец передал ей, а право, святой долг жить на родной земле и быть человеком.

Школа литературного мастерства

АЛЕКСАНДР РАТКЕВИЧ

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К КАТАРСИЗМУ

(О возникновении и развитии литературного направления в Беларуси)

Поиск новизны, ощущение и нахождение своего, отличного от всех, способа выражения мысли и чувства – это самые нужные и полезные качества писателя, будь то прозаик, поэт, эссеист и т.д. Радикальное отличие писателей, их ярко выраженный индивидуализм в творчестве вообще и в авторском стиле – в частности, необходимая и неременная составляющая часть любого литературного процесса. Если же это условие не соблюдается, и писатели по какой-либо причине в своей основе пишут «усреднённо», то есть в масштабах, например, всей страны, возведено в культ одно единственное литературное учение, требующее неукоснительно соблюдать его правила, то, хотя авторы того или не хотят, наступает момент, когда всё это «литературное хозяйство» рушится. И на этих обломках, естественно, начинают возникать и действовать свежие писательские структуры, не всегда конструктивные, полезные и по этой причине быстро исчезающие, разваливающиеся, но наиболее оригинальные и действенные всё-таки выживают.

Конец восьмидесятых годов XX века, благодаря ломке мировоззрения, как раз благоприятствовал тому, чтобы в результате брожения умов писатели попытались прорваться в область новизны, новаторства. Именно тогда, когда началось крушение Советской державы, когда передовая часть населения пришла в неосознанное революционное движение и, руководимая разношёрстными лидерами, стала требовать радикальных перемен, началось социальное цунами и гигантская волна писательской активности вынесла на берег (считая, к сожалению, как это и бывает при такого рода стихийных бедствиях, прежние, ещё необходимые «постройки») свежие, обновляющие писательское хозяйство идеи, не всегда, впрочем, полезные. В России это выразилось появлением таких новационных литнаправлений как метаметафоризм, постреализм, традиционализм и др. В Беларуси именно на этой

Александр
Раткевич

вдохновенной волне поэты провозгласили литературное направление – катарсизм. Время и место возникновения катарсизма обозначено достаточно точно: 10 апреля 1989 года, город Полоцк. В это же время был написан основополагающий документ всякого литературного направления – Манифест.

МАНИФЕСТ КАТАРСИЗМА

-А-

1. Сила поэтов не в степени их похожести, а в степени оригинальности.
2. Объединённость разных мировоззрений даёт возможность для скорого и более полного раскрытия талантов.
3. То, что нас разъединяет, соединит нас.

-Б-

4. Жизнь – материал, душа – мастерская.
5. Истину не брезгуй искать и в дерьме.
6. Вложи в произведение весь свой капитал: честность, искренность, благородство – и ты не останешься нищим.

-В-

7. Поэт, изумив современников, ты покоришь потомков.
8. Не самовозвеличивайся.
9. Наше творчество и интересы отражают нашу нравственность.

-Г-

10. Относись с осторожностью не к чему-то новому, а к чему-то привычному, устоявшемуся.
11. Бунтующий предпочтительнее покорно исполняющего (бунт не ради бунта, а ради обновления).
12. Убей в себе цензора, но сохрани редактора.

-Д-

13. Являясь порочным, имею ли я право клеймить пороки других? Имею, если я начал с себя.

14-15. Резать по больному – необходимость во благо, но поэт не хирург, слово не скальпель, явь не болезнь.

-Е-

16. Мы не относим себя к мировоззрению декаданса, мы относим себя к мировоззрению гуманизма.

17. Мы не замыкаемся на себе и готовы сотрудничать со всеми, кто этого пожелает.

18. Мы не ставим перед собой цель коренного изменения поэзии.

-Ж-

... Наша цель – катарсизм

В то же время появились индивидуальные разработки и разъяснения нового литературного направления, в которых заявлялось, что катарсизм – это состояние, в которое приходит сейчас поэзия, а более зримо – это свежие воды, которые омоют новое поколение поэтов и разовьют в них силы. Формулировалось, что провозглашаемый катарсизм задуман с целью не подавления предшествовавших и существующих в данный момент литературных направлений и течений (школ), а для продолжения прогрессивной традиции на базе реставрации и сохранения самого ценного литературного опыта. Это стремление через очищение от дилетантских приёмов и способов литературной работы к наилучшему качеству в содержании и форме произведения, достижения этого качества и удержания его на достигнутом уровне. Причём нужно иметь в виду, что катарсизм – это не революция, а эволюция. Это литературное направление не должно и не может сложиться скороспело, если его авторы хотят, чтобы оно существовало долго и приносило определённую пользу. Отмечалось, что ситуация в конце XX столетия зеркально отражает литературный процесс конца прошлого века и начала следующего. «Тот же поиск новых форм, нового содержания. Поэзия стремится перерастить саму себя, она смыкается с религией и философией». В связи с чем, «появляются новые литературные направления. Одно из них – катарсизм, вобравший в себя многие принципы, на которых в своё время основывались произведения акмеистов, футуристов, символистов. Это направление является как бы итогом поэзии двадцатого века». Поэтому катарсизм как направление следует рассматривать сквозь призму того понимания, которое вкладывается в слово “катарсис” (от греч. katharsis), и, что немаловажно, сквозь исповедальность стиля, эмпатизацию героев, очищающих духовный и телесный мир как читателя, так и автора.

Были написаны манифесты, в которых акцентировалось: «Бродит кризис в наших сердцах, в наших думах, на нашей многострадальной родине. Пришло

время обновления... Долой позолоту с обыкновенного человека. Индивидуальное переживание более ценно, чем лакирующая типизация, исполненная с мертвящим каноническим блеском... Прекрасны классические традиции, преломлённые в катарсизме». Или ещё более радикальные предложения, в которых призывалось к созданию сложных метафорических конструкций, но с точностью до скрупулёзности: «важна правильность употребления каждой буковки, каждой запятой, чтобы «минус» в нашей формуле внезапно не превратился в «плюс», а всхлип в хохот». А также: «Значение катарсизма в совершенствовании поэтического языка возникновением преобраза», а значит катарсизм рассчитан на тех писателей и читателей, которые желают разобраться, что это такое, для чего предназначено и несёт ли в себе преобразующе-полезную функцию, как составная часть литературного процесса.

В том числе определялось, что катарсизм есть средство омоложения, то есть поэтический дух через очистительный (от греч. *kathartikos*) процесс можно омолодить.

Существенное развитие катарсизм получил в поэтических сборниках «Сумерки» (1991г.), «Поворот» (1993г.), «Русло» (1997г.), «Разлив» (2000г.), во вступительных статьях которых излагаются некоторые элементы нового литературного направления, и формулируется его сущность: «Катарсизм являет собой ни что иное, как преодоление мёртвоутверждающих пафоса и этоса и движение к жизнеутверждающим путём трагедизации характера, эмпатизации души и обновления поэтического языка произведения». Обобщением десятилетнего развития направления стал выход из печати в 2000 году первого тома литературно-теоретического альманаха «Катарсизм», представивший как творчество катарсистов, так и их теоретические работы. Благодаря появлению этого издания в ряды сторонников литературного направления влились свежие силы, также внёсшие заметный вклад в дальнейшую разработку сущности катарсизма. А после того, как в 2000 и 2001 гг. в Полоцке были проведены две республиканские научно-практические конференции, посвящённые проблемам катарсизма («Катарсизм как знаковое литературное направление» и «Катарсизм в ряду других литературных направлений»), выработались в итоге основные принципы нового литнаправления. В обобщённом виде их можно изложить таким образом.

Прежде всего, катарсизм – это очищение от опрошения, то есть отказ от рядового, мещанского читателя литературы, который требует, чтобы искусство опустилось до его уровня, как это произошло, например, в изобразительном искусстве или, в более ярком виде, в песенном творчестве.

Реставрация формальной точности – в ритмике, в рифме, строфике и т.п., это что касается стихосложения. В прозе несколько иначе, но, в основном, линия та же.

Достижение смысловой точности – слова, словосочетания, предложения и т.п., и всего произведения как двучастного явления материального и духовного порядка. Ведь точность формы устанавливает не рамки, а законы свободы.

Обязательность сюжетной разработки, будь то лирика, поэма, рассказ, роман и т.д. Бессюжетность – это своеобразный хаос, в котором, как известно, нет порядка.

Важным элементом катарсизма является усиление психологизма характеров, т.е. мотивированность их появления, развития и исчезновения. Доведённая до некоторого предела психологизация образов произведения обладает наибольшей и долговременной силой воздействия на читателя и зрителя, а значит, и наибольшей глубиной содержания.

Непрерывное присутствие в произведении поэтической пронзительности – своеобразной духовной надрывности, вызывающей у читателя (зрителя, слушателя) катарсис.

А также наличие суггестизации ощущения (потока ощущений). Необходимость внушения ощущения читателю, слушателю и зрителю стояла всегда в литературе. И в наше время она не потеряла новизны и надобности.

Как отмечалось в «Литературной газете» (№47-48, 2010): «Катарсисы помимо духовного очищения ратуют за освобождение искусства от всего наносного, не подлинного, приблизительного. А именно – приветствуется точная рифма, отчётливый ритм; при формальной ясности желательна виртуозная метафорическая образность, для создания которой требуется высокое версификационное мастерство. Пунктов, для того чтобы поэта признали настоящим катарсистом, довольно много, не меньше, наверное, чем в XIX веке для принятия в мasonicкую ложу. Трудно сказать, возможно ли полностью им соответствовать, наверняка можно утверждать то, что раз подобные поэтические направления возникают, значит, есть определённый запрос времени».

Однако тут возникает проблема: а чем же особенным отличается катарсизм от других литературных направлений? Вопрос важный. Но в том-то и дело, что катарсисы не ставят цель, как это делают, например, концептуалисты, куртуазные маньеристы, дикороссы, минималисты и др., найти для своего направления нечто особое, чтобы этим выделиться в потоке литературного процесса. У катарсизма иные цели. В этом смысле хорошо отмечено во вступлении альманаха: «Катарсизм имеет кардинальное отличие от ранее и ныне существующих литературных направлений. Он идёт от обратного: не центростремительным, а центробежным путём, что и является фундаментальным принципом его существования». То есть, в катарсизме важна

индивидуальность автора, и чем резче эта индивидуальность, тем катарсичнее писатель. Таким образом, можно сказать, что катарсизм – это направление не единства, а многообразия литературных мировоззрений, это не одноруслая река, а многоруслая, но берущая начало из одного общего для всех потоков поэтического истока. В любом смысле новые благотворные идеи возникают при столкновении разных, а лучше, противоположных точек зрения. Если дело именно так пойдёт и дальше, т.е. каждый писатель катарсизма будет вносить в его разработку нечто своё, может быть, даже противоречащее прежним постулатам, то можно не сомневаться – катарсизм, видоизменяясь, будет процветать, несмотря на многочисленные попытки некоторых критиков дискредитировать и принизить его значение и роль для литературы, представляющих дело так, будто всякое направление является столпотворением или диссонирующим хором. Но ведь известно: соловьи поют не хором, но и не в одиночку. Ну а как всё обернётся на самом деле, витала ли идея катарсизма в воздухе и стала ли мировоззренческой идеей целого литературного поколения или она явилась кабинетной выдумкой, увлечшей группу заинтересовавшихся ею литераторов, покажет время.

Вчера-Сегодня-Завтра

Обзор литературных событий Тюменской области

Светлана Смирнова, Николай Шамсутдинов и Маргарита Аль

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ЗА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ – ИЗ СОЧИ В ТЮМЕНСКУЮ ОБЛАСТЬ

Завершен III Евразийский литературный фестиваль фестивалей «ЛиФФт-2018», который собрал на своих творческих площадках поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков, литературных критиков, издателей, деятелей культуры из 27 стран и 50 регионов России.

В этом году Всероссийский литературный фестиваль фестивалей «ЛиФФт-2018» проходил в Сочи с 24 по 28 мая в рамках третьего Евразийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт-2018».

Этот творческий проект, реализуемый под эгидой ЮНЕСКО, объединил сразу два фестиваля-конкурса: Евразии и России. На суд экспертов авторы представили свои лучшие литературные произведения.

Высшей наградой Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт-2018» – золотой медалью награжден обладатель многочисленных международных, всероссийских и локальных литературных премий, к тому же автор 41 книги, известный советский и российский писатель, академик Российской академии поэзии Николай Шамсутдинов. Награду ему, уроженцу Тюменской области, вручали председатель совета Ассамблеи народов России Светлана Смирнова и президент Фонда содействия культурных проектов народов Евразии ЛиФФт, председатель литературного совета ассамблеи народов Евразии Маргарита Аль.

С заслуженной наградой Николая Меркамаловича горячо поздравили коллеги из разных регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья: Австралии, Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Дании, Индии, Китая, Монголии, Турции, Финляндии, Франции, Черногории, Чехии и Японии на торжественном ужине в честь закрытия третьего Евразийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт-2018» и третьего Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт-2018», проходившем в Сочинском органном зале после церемонии награждения победителей.

В свою очередь, триумфатор подчеркнул то обстоятельство, что ему, прошедшему не один десяток литературных форумов и в стране, и за ее пределами (Скандинавия, Польша, Франция, Германия, Турция, Словакия, Черногория, Украина, Грузия, Армения, Киргизия), было с чем сравнивать этот, очередной в его биографии, праздник высокой литературы и творческого единения писателей Евразийского континента.

По мнению Николая Меркамаловича: Сочинский литературный фестиваль превзошел многие предшествовавшие ему мероприятия подобного рода, – благодаря неистощимой созидательной энергии и высокому художественному вкусу бесменного организатора ЛиФФтов Маргариты Аль, сумевшей придать подлинно симфоническое звучание всей полифонии многочисленных мастер-классов фестиваля, дискуссионных и сценических площадок, творческих встреч, торжественных церемоний, сообщив им необходимую масштабность праздничного действия на Сочинском культурном пространстве, тем самым подав в редком, гармоничном сочетании художественные концепции участников, их мнения, пристрастия и неперемные критерии.

Вполне закономерно и то обстоятельство, что торжественное чествование золотых и серебряных лауреатов «ЛиФФТ-2018» прошло на высокой мажорной и оптимистичной ноте, самым естественным образом перетекшем в работу очередного Сочинского кинофестиваля.

Ирина Матвеева

Фотоколлаж Юрия Комолова

ТЮМЕНСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОТМЕТИЛА 55-ЛЕТНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ

В Тюменской областной Думе прошла научно-практическая конференция «Роль и место тюменских писателей в современной литературе». Мероприятие было посвящено 55-летию Тюменской областной писательской организации.

На конференции собрались не только маститые литераторы, но и молодые авторы, участники литературных объединений, библиотекари, общественные деятели, руководители творческих союзов художников и театральных деятелей, депутаты регионального парламента.

Присутствующих поздравили председатель правления Союза писателей России Николай Иванов и председатель Союза российских писателей Светлана Василенко. Приветственный спич от лица губернатора Тюменской области произнёс его советник Александр Новопашин. Он отметил, что за последние годы у нас появилась целая плеяда новых талантливых авторов. Об их высоком потенциале говорит ставший традиционным региональный конкурс «Книга года». Тюменские литераторы становятся лауреатами и других престижных литературных премий и конкурсов.

– В областной научной библиотеке есть стеллаж, где стоят работы победителей «Книги года». Я желаю всем писателям Тюменского региона, чтобы их произведения также оказались на этой заветной полке, – сказал Александр Павлович.

От имени председателя Тюменской областной Думы Сергея Корепанова и всего депутатского корпуса участников конференции поздравил вице-спикер регионального парламента Виктор Рейн. Он напомнил, что у тюменской писательской организации богатая история. В 1963 году в неё вошли известные в нашем крае и в России писатели Иван Ермаков, Иван Истомин, Константин Лагунов, Владислав Крапивин, Зот Тоболкин и другие.

– Местные литераторы интересно и ярко рассказывали о времени, природе края, создании нефтегазового комплекса, героизме и становлении характеров наших земляков. Их произведения включены в золотой фонд литературы, – уточнил Виктор Александрович.

Рейн также отметил, что региональное правительство старается помогать местным литераторам, свой вклад в это дело вносят и депутаты области. За последние три года при депутатской поддержке было издано 24 книги местных авторов.

Николай Иванов в честь юбилея региональной организации СПР вручил её председателю Леониду Иванову бюст Пушкина. И сообщил, что в декабре этого года и сам Союз писателей России отметит круглую дату – 60 лет. В честь этого события его активисты приобрели у селекционеров Мичуринска 60 корней яблонь и разбили сад в станице Вешенской, на родине Михаила Шолохова.

На писательской конференции были вручены членские билеты СПР поэтам Юлии Елиной и Антонине Марковой. Антонине Юрьевне также вручили почётную грамоту Тюменской областной Думы.

Одной из самых весомых наград СПР – медалью Василия Шукшина наградили тюменского писателя Виктора Строгальщикова, главу Ишима Фёдора Шишкина (за активную поддержку писательских проектов), члена Союза писателей России Алевтину Кузнецову и главу Казанского района Татьяну Богданову. Богдановой медаль вручили тоже не случайно. В Казанском районе поддержке региональной литературы уделяется большое внимание, здесь уже 30 лет проводится литературный конкурс имени Ивана Ермакова, а кроме того, имя этого писателя носит районная библиотека, активно работает местное литературное объединение.

Ещё одну награду – медаль Акинфия Демидова от Союза промышленников Алтайского края – получил тюмонец Аркадий Захаров за активную и плодотворную историко-культурную деятельность на литературной ниве.

Руководитель информационно-выставочного центра Тюменской облас-

тной Думы Светлана Павлова и заведующая кафедрой литературы ТюмГУ Наталья Рогачёва были удостоены медали Михаила Лермонтова за подвижническую деятельность по пропаганде русской литературы. Эту награду присуждают литературный фонд «Дорога жизни», Российский Лермонтовский комитет и СПР.

– Эта конференция – день рождения нашей писательской организации, который мы решили провести в кругу друзей, – прокомментировал Леонид Иванов. – Мы хотели устроить праздник, подбодрить и себя, и своих партнёров, и молодёжь. Литературное творчество начинающих авторов почему-то не считается столь же достойным, как первые шаги молодых вокалистов и танцоров. Но ведь никто из нас не родился с членским билетом Союза писателей в кулачке. Все росли потихоньку...

В рамках конференции состоялась работа по секциям. Под руководством профессора УрГУ Леонида Быкова прошёл разговор на тему «Роль региональных литературных изданий в возрождении единого литературного пространства России». Секцию «Региональная литература как составная часть мирового литературного наследия» провела секретарь СПР, профессор Челябинского института культуры Нина Ягодинцева. С молодыми авторами и студентами, которые интересуются литературой, провела беседу доцент кафедры межкультурных коммуникаций Тюменского индустриального университета Надежда Никулина-Пономарёва.

Плюс ко всему в областной Думе организовали баттл между молодыми поэтами. И эта площадка собрала самую многочисленную аудиторию.

Ирина Тарабаева

ТРАДИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ: ФОРМЫ РАБОТЫ С МАССОВЫМ ЧИТАТЕЛЕМ

III Евразийский Литературный Фестиваль Фестивалей Сочи 2018 год

Что я хотела бы привлечь из общероссийского опыта к нам в Югру? Что происходит с литературным процессом в России?

Печатается огромное число книг. Часто не соблюдаются авторские права, не проводится грамотная подготовка к изданию. По сути, это разнузданность и неуважение к читателю, писателю и обществу. Несомненный вред в том, что к читателям попадают худшие образчики псевдолитературы. А вина не только тех, кто пишет и издаёт неподготовленное, но и тех, кто заигрался в собственную исключительность и элитарность литературы. Вдумайтесь: до перестройки организационные вопросы, учёбу писателей и читателей, подготовку, издание и популяризацию книг и авторов осуществляла вся государственная и партийная машина. Ситуация изменилась.

Сегодня нельзя изолироваться в элиту. Должны быть большие массовые общие литературные площадки, литературная учёба, защита и разъяснение авторских прав и учёба, учёба, учёба. Если человек хочет заниматься литературой, то он несёт ответственность за то, что он скажет людям. Это надо разъяснять, показывать хороших современных авторов, привлекать к общению тех, кто этого ищет. Не секрет, что общение и развитие не помешают

всем и на любом уровне. Когда я приехала на первый семинар в Ханты-Мансийск в 2000 году, Анатолий Анатольевич Парпара сказал мне примерно следующее: «Марина, прочитай переписку Пушкина с Вяземским. Там было многолетнее общение и постоянное обсуждение того, что пишется». Я увидела, что «Наше всё» Александр Сергеевич Пушкин обсуждал с друзьями литературный процесс, не замыкался на своей гениальности.

Приведу пример, по моему мнению, успешной работы массовой литературной площадки: ЛиФФт. Литературный фестиваль фестивалей. Участие приняли писатели, представляющие Союз писателей России, Союз российских писателей, группа ДООС, Союз писателей Москвы, Российский союз писателей, Интернациональный союз и другие. На этой площадке смело представляют весь спектр современной литературы России. Потому что понимают, что сообщество литературное развивается, и это надо признавать. Я тоже считаю, что надо общаться и популяризировать лучшее. Если ЛиФФт даёт возможность всем регионам высказаться, то обязательно надо принять участие в издании регионального журнала ЛиФФт всем лучшим писателям региона, чтобы мы не были представлены случайной выборкой, и потом не говорили в центре: лучшие живут только в Москве.

ЛиФФт сумел подключиться к общественному движению в Москве, России и включился в работу Ассамблеи народов Евразии. Очень разумно. На пользу писателям. Это и юридическая, и организационная помощь, а значит, возможность проводить встречи, учёбу, издавать книги, участвовать в живых процессах, происходящих на континенте. Если общественные объединения имеют такую государственную поддержку, то писательским общественным объединениям надо пользоваться этим обязательно!

Я смогла принять участие в Ассамблее народов Евразии вместе с ЛиФФт-цами в Москве в 2017 году, а также во Всероссийском и Евразийском фестивалях ЛиФФт в Сочи в 2018 году. Со второго Литературного фестиваля фестивалей - 2017, который проходил в Москве, я привезла в Югру серебряную медаль за победу в конкурсе стихотворений памяти Марины Цветаевой и участие в движении ЛиФФт.

А в этом году Шамсутдинов Николай Меркамалович стал Золотым лауреатом – 2018, и поэтому летом 2019 года в Тюмени состоится Российский Литературный фестиваль фестивалей! В Евразийском пространстве Золотым лауреатом стал прозаик из Азербайджана Варис Елчиев. Значит, Евразийский ЛиФФт пройдёт в начале осени 2019 года в Баку.

И ещё один пример вдумчивой серьёзной работы: Ассоциация писателей Урала, Сибири и Поволжья, которую возглавляет Александр Борисович Кердан. Объединяющая литературное пространство России общественная организация. «Содружество писателей Нижневартовска», созданное в 2005

году Николаем Павловичем Смирновым, и которое сейчас возглавляю я, входит в АСПУр более десяти лет. Участие в работе, общение в рамках АСПУр с лучшими писателями России, несомненно, идёт на пользу Югре и Нижневартовску. Спасибо огромное за дружбу и понимание.

В 2017 году на конференции АСПУр обсуждался вопрос: «Преимственность и новаторство в современной российской литературе». Именно поэтому я выбрала подобную тему для разговора. Всем не помешает осмысленное развитие, согласитесь.

Дорогие писатели, мы вырем, как мамонты, если будем заикливаться только на элитарном и искусственном читателе. Читателя надо привлекать и растить. Как это делать? По-разному, но интересно.

У нас в Нижневартовске на встречи с хорошими авторами приходят люди, а от неумелых разбегаются. Пусть неумелых будет меньше! Пусть интересно будет всем: писателям и читателям.

Марина Александрова

III Евразийский Литературный Фестиваль Фестивалей Сочи 2018 год

Краеведение

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

МЕСТО ССЫЛКИ – ЮГРА

Одна из героинь этого очерка Анастасия Михайловна Холодова родилась 11 ноября 1924 года на Среднем Урале, в селе Невьянском Алапаевского района Свердловской области.

У её деда – главы семейства Холодовых – Александра Игнатьевича и бабушки Фёклы Даниловны было трое сыновей Михаил, Иван и Афанасий и две дочери Александра и Анна.

Жили все вместе, одним дружным домом. Работали с раннего утра до позднего вечера, как это и заведено испокон веков на Руси в большой крестьянской семье. Чтобы прокормиться, держали коров, лошадей, мелкую скотину, птицу. Непременно сеяли хлеб, выращивали овощи. Работать умели хватко, хозяйство держали крепко. Наёмных работников никогда не держали – всегда своих рук хватало, к тому же женщины своим мужчинам старались ни в чём не уступать, трудились наравне с ними.

Чёрная полоса для династии Холодовых наступила в 1929 году.

Александр Игнатьевич – участник Гражданской войны, воевавший в Чапаевской дивизии, был человеком крутого характера, за словом, как говорится, в карман не лез. Его отличали прямолинейность и справедливость во всём. Недаром односельчане дали ему говорящую фамилию-кличку Жабреев. Есть на Урале такое сорное растение жабрей, которое просто так голыми руками не ухватишь – обязательно уколешься. Вот за это обострённое чувство справедливости дед Анастасии Михайловны и поплатился: в 1929 году забрали Александра Игнатьевича и увезли за тысячи вёрст от родного дома. На Соловки.

В этом же году, когда Анастасии Михайловне было всего четыре года, а младшему братику Вите только месяц, случилось ещё одно непоправимое несчастье – умерла их мама Александра Александровна.

Павел
Черкашин

А чёрная полоса всё не кончалась.

Овдовевшему Михаилу Александровичу предложили вступить в колхоз. Со всеми вытекающими из этого сомнительного для крестьян нововведения последствиями: всю свою скотину и землю в добровольном порядке надлежало навсегда передать в распоряжение колхоза. Михаил Холодов ответил отказом.

В этот же день их семьи напрямую коснулась однозначная угроза скорых репрессий.

Не дожидаясь их последствий, младшие братья Михаила Александровича, Иван и Афанасий, ночью тайком сбежали из дома. Поехали строить железную дорогу то ли в Туркестан, то ли ещё куда-то на юг.

Позднее, уже в тридцатых годах, Иван осмелился вернуться в Невьянское, но его как «врага народа» без суда и следствия расстреляли. А Афанасий так безвестно и сгинул, никто из родственников о нём ничего определённого больше не слышал. Одно время ходил неуверенный слух, что, мол, кто-то где-то встречал его на фронтах Великой Отечественной войны, но и тот вскоре угас.

Вскоре после побега братьев Михаила Александровича за несогласие вступить в колхоз объявили кулаком, отобрали весь скот, землю и выдворили из дома семью (на тот момент Холодовых было семеро, в том числе и двое малолеток – Настя и Витя) запретив что-либо взять из домашней утвари. Приютила их семья сердобольных стареньких односельчан в своём маленьком домишке.

Насильно и несправедливо разрушенный прежний уклад жизни не сломил и без того обездоленную недавними несчастьями семью, не заставил в унынии и смиреннии безвольно опустить руки и отдаться течению жестокого времени.

Анастасия Михайловна вспоминает, что отец в первый же месяц после раскулачивания устроился работать бухгалтером в одну из торговых точек в родном селе. С образованием обычной провинциальной церковно-приходской школы он был на редкость грамотным человеком, с удивительно красивым почерком.

Этот факт с уверенностью подтверждают и внуки Михаила Александровича, которые много позднее не единожды перечитывали дедовы фронтовые пожелтевшие и потёртые от времени солдатские письма-треугольнички.

Но очень не долгим было относительное спокойствие для Холодовых после пережитых потрясений. В январе 1930 года Михаила Александровича определили в ссылку. Всю семью в самые лютые морозы спешно погрузили на подводы со многими сотнями таких же, как они, бедолаг. По всей округе всех неугодных, незаслуженно объявленных кулаками, заклеённых «врагами народа», сгоняли навсегда с насиженных, обжитых собственным каждодневным трудом мест, отобрав всё, что ещё не успели отобрать, даже детские вещи.

И отправились самые хозяйственные, самые выносливые, умеющие и любящие трудиться россияне-уральцы, у которых крошка хлеба даром не пропадёт, изгоями в полную неизвестность. Пятилетнюю Настю и годовалого Витю вместе с бабушкой Фёклой Даниловной посадили в плетёную кошёвку, взрослые – своим ходом, и двинулся длинный мрачный обоз, сопровождаемый горестным людским плачем, через Урал от берегов родной реки Нейвы на Север. В неведомую чужую для них Югру.

В соседней с Невьянским деревне Михалёвой у Анастасии Михайловны жила бабушка по материнской линии Марфа Гурьяновна Брусницына. Рано овдовев, оставшись одна с пятью дочерьми, она сама сполна перенесла все тяготы и невзгоды тех лет. Когда обоз ссыльных ненадолго остановился в Михалёвой, Марфа Гурьяновна отыскала семью зятя и забрала к себе годовалого Витю. Увезить малыша на Север было бы равносильно смерти.

Детская память цепкая, яркая, в особенной степени, когда это касается самых памятных дат. А у тех времён, без преувеличения, каждый день жизни, отвоёванный у смерти, – памятный. Это сейчас у восьмидесятилетней Анастасии Михайловны память слаба на события, которые происходят в стране в настоящие дни, порой даже самые значительные могут нечаянно забыться, но то, что было семьдесят-семьдесят пять лет назад, когда она была девочкой Настей, помнится до самых мельчайших подробностей.

Всю долгую дорогу на Север взрослые шли пешком, лишь дети и немощные старики на санях. Останавливался обоз ссыльных на отдых или ночлег где-нибудь по пути следования. Если попадалось какое-то жильё, то детей, как самое драгоценное, что ещё осталось у этих лишённых всего людей, устраивали на ночлег в тепле, а остальные коротали бесконечную зимнюю ночь под открытым небом. Сколько российского люда осталось навсегда лежать очочеными вдоль этих таёжных, проторенных горем и безысходностью дорог, никто никогда не считал. Все человеческие потери равнодушно списывались и легко оправдывались одной формулировкой-приговором – «враг народа».

Когда изрядно поредевший обоз, наконец, прибыл к месту ссылки в Кондинский район, семью Холодовых, в числе многих других определили в небольшую мансийскую деревню Евру Сатыгинского сельского совета. Расселяли измождённых тяжёлыми ежедневными переходами крестьян по избам местных жителей. Три семьи, в том числе и семью Михаила Холодова, поселили в доме на три комнаты к супругам-манси Даниле и Марфе Чеймевым.

С 1930 по 1937 годы все взрослые ссыльные под жесточайшей охраной сотрудников комендатуры строили среди тайги для своих семей новые поселения. В течение этих семи лет были построены пять посёлков, в которых проживали только репрессированные: Мало-Новый, Сумпанинский, Ягодный, Совлинский и Дальний. На современной карте Ханты-Мансийского автономного округа только три последних из названных существуют и ныне как память-укор тем годам.

До весны 1931 года югорские «новосёлы» жили в Евре, а после схода льда на лодках через Туманы (есть такая система озёр в Кондинском районе: Утанах, Потонах, Устетер, Левка) поплыли семьи ссыльных на своё новое место жительства. Поплыли, по-прежнему не теряя надежды, что когда-нибудь обязательно вернутся из Югры домой, на Урал. Вот только когда?..

Анастасия Михайловна по ходу воспоминаний рассказала случай, когда небольшая группа детей-подростков решила сбежать домой с помощью местного паренька-манси. Реальность этого события подтверждает и опубликованная в девяностых годах в окружной газете «Новости Югры» небольшая статья, в которой известная мансийская сказительница Анна Митрофановна Конькова в свою очередь упоминает, как в тридцатые годы её брат перевёл через глухие урманы группу ссыльных подростков, которые сбежали домой.

Среди этих ребят были и тётки Анастасии Михайловны, младшие сёстры Михаила Холодова, Анна и Александра. Благополучно добравшись до родного дома, они были тут же арестованы, но судьба решила смилостивиться над ними: их оставили на Урале, отправили работать на завод в Нижний Тагил.

Через некоторое время Анна всё же вернулась к остальным родственникам на берега Конды, а у Александры судьба сложилась иначе. Она вышла замуж за военного, поменяла не только фамилию, но и имя (настолько силён был страх после всех мытарств), став Елизаветой Мельниковой, прожила всю жизнь на Урале, умерла в пожилом возрасте.

А на Конде всё оставалось по-прежнему. Жилось неимоверно тяжело. Был неусыпный контроль над поселенцами, а режим работы на износ. Причём для каждого определялась своя конкретная норма выработки: что на лесо-

заготовках, что на добыче рыбы, что в поле. С утра до вечера рыбачили, заготавливали древесину, раскорчёвывали леса под поля, пахали, засевали хлебом, овощами. Возделанная трудолюбивыми умелыми крестьянскими руками земля благодарно отзывалась на упорство и неослабевающие старания ссыльных, из года в год давала прекрасные, небывалые для Севера урожаи.

И так же из года в год каждый вечер все репрессированные были обязаны приходиться и отмечаться в комендатуре.

Был глубоко потрясающий своей бесчеловечностью случай, произошедший в посёлке Дальнем, в котором находилось два коменданта: Пахтусов и Горланов. (Про последнего поселенцы между собой вполголоса говорили, что «по шерсти собаке имя дано»). Зимой один из ссыльных, чтобы накормить троих голодных детей, тайком пошёл в Евру, где надеялся обменять свои хромовые сапоги хоть на какую-нибудь еду. Уже возвращаясь с полным ведром ершей, которые ему удалось выменять на сапоги у местного населения, он был подкараулен и застрелен Горлановым. Убитый для наглядного примера остальным несколько дней пролежал в тайге. Под угрозой расправы никого к нему не подпускали и всем запретили приходиться на его похороны.

В 1934 году отца Анастасии Михайловны отправили из Дальнего в Нижний Тагил на строительство Магнитки. А уже через год Михаила Александровича направили в Москву на Выставку достижений народного хозяйства, где проходил съезд стахановцев. В 1936 году он пешком пришёл обратно в Дальний. Вместе с ним был и подросток сынишка Виктор, которого он по пути забрал от тётки из Михалёвой. В этот же год пришёл из соловецкой ссылки дед Анастасии Михайловны – Александр Игнатъевич, пробыв на каторге долгих семь лет.

Работящий, смекалистый и хозяйственный был глава семейства Холодовых. Соорудил в посёлке ссыльных мельницу, придумал механическую тёрку, при помощи которой, чтобы ничего даром не пропало, перерабатывали большие урожаи картофеля на крахмал.

Жить бы да жить Александру Игнатъевичу, но, видно, сильно кому-то мешал своей несгибаемой волей и жизнелюбием 60-летний уралец. В горькопамятном для сотен тысяч российских людей 1937 году на одном из буксировочных пароходов (а таких в то время по Конде ходило только два – «Урал» и «Гашунин») увезли его, а куда – никто из родных так и не узнал почти до конца двадцатого века.

В Дальнем школы не было, лишь в Совлинском была «семилетка». Все дети из окрестных посёлков ходили туда пешком. Ходила и Настя Холодова. В 1940 году закончила в Совлинском семь классов, а восьмой класс закончила уже в селе Нахрачи (ныне Кондинское).

18 июня 1941 года молоденькая шестнадцатилетняя Анастасия Михайловна вместе с другими выпускниками возвращалась после окончания школы на гребных лодках по Конде, по Туманам. А уже 23 июня, на второй день после начала Великой Отечественной войны, всех без исключения подростков определили на работу в колхоз. Сначала заготавливали сено, веточный корм для скота, затем наступил черёд уборки урожая.

До самой поздней осени, до ледостава работала Анастасия Холодова в колхозе, а 11 ноября, как раз в день её рождения, 15-17-летних подростков из семей ссыльных пешком направили на лесозаготовки за сорок километров от Дальнего вверх по Конде. По Туманам шли по щиколотку в воде, которая выступала поверх льда. Всю долгую северную зиму, до 16 апреля 1942 года, работали подростки в тайге. В Дальний пришлось возвращаться тем же путём и опять своими ногами. Не успела Анастасия Михайловна после полугодовой разлуки как следует повидаться дома с родными, как отца забрали на фронт.

Мужчин из числа сосланных на фронт в 1941 году не брали, считали их неблагонадёжными. Лишь в 1942 году в Омске сформировали 20 Сибирскую дивизию, которая в основном была укомплектована бывшими кулаками и прочими «провинившимися» перед Советской властью. Забрали всех мужчин, и мало кто из них вернулся живым. Подавляющее большинство погибло под Сталинградом.

Отец Анастасии Михайловны воевал рядовым 76-го гвардейского отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Был награждён орденом Великой Отечественной войны первой степени. Погиб Михаил Холодов 15 декабря 1943 года под Невелем, что на Курско-Орловской дуге.

С фронта Михаил Александрович писал дочери, чтобы обязательно, несмотря ни на что, училась. В феврале 1944 года Анастасия Михайловна пошла учиться на курсы трактористов в МТС, которые были организованы в деревне Леуши, а весной, в конце апреля, она наравне с другими уже пахала поля. Работала на таком тракторе, который нужно было топить деревянными чурочками. Пока есть чурочки – трактор работает, кончились – трактор сразу же встал. Так Анастасия Михайловна трудилась до конца весны 1946 года, а 18 июля вместе с подругой тайком уехала на колёсном пароходе в Ханты-Мансийск учиться.

В окружном центре у Анастасии Холодовой началась совершенно другая жизнь. Годы учёбы в Ханты-Мансийском педагогическом училище, которое она закончила с красным дипломом, как небо и земля отличались от мрачных лет, проведённых в таёжной глухомани.

Потом в жизни Анастасии Михайловны наступил пусть и трудный, но благодарный период просветительской деятельности на Югорской земле.

Многие годы она проработала учителем начальных классов в деревнях и национальных посёлках Сургутского района: Варьеган, Аган, Тром-Аган, куда, как правило, можно было добраться только по воде на самодельной лодке северных аборигенов – обласе.

Анастасия Михайловна вырастила и воспитала шестерых детей. Сейчас у неё тринадцать внуков и двое правнуков.

Десятилетия спустя после Великой Отечественной войны, уже в наши дни ей вручили заслуженную награду – медаль «За труд во время войны», к которой представили ещё в 1946 году. А в Сургутском военном комиссариате передали орденскую книжку к награде отца Михаила Александровича Холодова.

Сейчас Анастасия Михайловна живёт в деревне Рускинской с младшей дочерью Верой. Несмотря на почтенный возраст она полна оптимизма, часу не просидит без какого-нибудь дела, всё время в движении. И никогда никаких жалоб на выпавшую ей судьбу. Ни ранее, ни теперь. Даже своим детям о том, что случилось с ней в тридцатые годы, она долгое время не рассказывала.

Только став уже взрослыми, заимев своих детей, узнали они и до сих пор узнают всё новые подробности той страшной трагедии, которая произошла с семьёй Холодовых.

Конечно, что-то ушло из памяти, как страшный сон, и уже никогда не вернётся. Но многие раскиданные по России, но уцелевшие осколки семьи Холодовых бережно собираются и оберегаются чуткой памятью выживших и новых поколений.

Анна Александровна Холодова вышла замуж и уехала со своей семьёй жить на Урал, но не на родину, а в Челябинскую область. Воспитала шестерых детей. Умерла осенью 2003 года.

Виктор Михайлович так и остался жить на берегах Конды в селе Леуши, умер в шестидесятых годах. После него остались пятеро детей. Все живут в Кондинском районе.

Не погибли корни семьи, есть продолжение звучной крестьянской фамилии.

В последние годы стала известна ещё одна скорбная страница в летописи семьи Холодовых.

Оказалось, что дед Анастасии Михайловны Александр Игнатьевич Холодов, который был безвестно увезён на буксировочном пароходе в 1937 году, и, как впоследствии выяснилось, её свёкор Афанасий Алексеевич Чебуренко лежат в Ханты-Мансийской земле. В центре города на месте массовых расстрелов и захоронений в районе небольшой речки Вогулки, которая берёт своё начало из родников Долины ручьёв Самаровского чугаса.

Потомки узнали об этом только спустя шесть десятилетий, в 1997 году, когда в окружной общественно-политической газете «Новости Югры» были опубликованы «расстрельные списки».

Когда вышел номер с первыми списками (их публиковали по алфавиту) внуков как ножом по сердцу полоснуло: здесь должны быть и наши! И уже не было никаких сил ждать, когда опубликуют списки на почти последние буквы алфавита «Х» и «Ч», тем более что газета выходила только три раза в неделю.

В редакции газеты, тогда она ещё располагалась на первом этаже старого здания окружного военного комиссариата, им дали прочесть все интересующие их списки, среди которых они нашли и свои родные фамилии.

Руки дрожали, слёзы наворачивались на глаза, когда они пробежали по скупым строкам: арестован, осуждён, расстрелян, реабилитирован... И почти в самом конце:

«Холодов Александр Игнатьевич, 1877 года рождения, с. Невьянское, ныне Свердловской области. Ссылный. Работник сельхозартели пос. Дальний Кондинского района. Арестован 15.11.37. Осуждён 05.12.37. Расстрелян 17.12.37. Реабилитирован 13.06.89.»

«Чебуренко Афанасий Алексеевич, 1896 года рождения, с. Колпашево, ныне Томской области. Житель города Сургута. Арестован 10.08.37. Осуждён 31.08.37. Расстрелян 19.09.37. Реабилитирован 22.06.89.»

Короткие сухие фразы, как выстрелы, а в них – вся жизнь, вся многотрудная судьба людей.

Муж Анастасии Михайловны Георгий Афанасиевич умер рано, в 1980 году, и так никогда и не узнал, что же на самом деле случилось с его отцом. Даже то, что ему было известно, он никогда никому из детей не рассказывал. Внуки до времени опубликования «расстрельных списков» даже не знали отчества деда по отцу, успевшего прожить на земле только сорок лет. Страхом перед тем, что в случае чего и остальные неминуемо пойдут вслед за опальными родственниками, глубоко вытравливали в людях родовую память, беспощадно обрубили все фамильные корни.

Георгий был единственным сыном Афанасия Алексеевича. О расстреле отца в Ханты-Мансийске осенью 1937 года он не знал, до конца своих дней всегда считал, что его из Сургута отправили куда-то на восток страны, так он и сгинул бесследно. Но всё оказалось проще и страшнее.

Кто знает, как могла бы сложиться судьба Афанасия Алексеевича, если бы он остался в живых. Может, была бы у него куча детей, и муж Анастасии Михайловны не скитался бы с клеймом сына врага народа. Всё могло бы быть иначе. Но не случилось. Дети Анастасии Михайловны так и не узнали, каким человеком был их дед по отцу, чем занимался. В память о нём осталась

им лишь пара фотографий. Когда они разглядывают потёртые от времени фотоснимки, на одном из которых бравый мужчина в военной форме, а на втором – измождённый непосильным трудом человек, им не верится, что дед Афанасий мог быть врагом.

В 1992 году через отдел внутренних дел Ханты-Мансийска Анастасией Михайловной был сделан запрос в УВД Свердловской области по установлению факта раскулачивания семьи Холодовых. Ответ пришёл отрицательный.

После 1997 года уже детьми Анастасии Холодовой был предпринят повторный запрос. На этот раз в Управление внутренних дел Тюменской области. Оттуда пришёл ответ, которым подтверждался факт ссылки Холодовых Фёклы Даниловны и Анны Александровны. Про остальных членов семьи никаких сведений нет.

Вот так учитывались ссыльные. Детей, оказывается, вообще не считали. Хотя Анастасия Михайловна так все года и жила с клеймом ссыльной, дочери врага народа. Её до сих пор не реабилитировали, так как нет документально подтверждённого факта её ссылки. Может показаться странным, но обиды у неё на государство нет никакой, только иногда с задумчиво-печальной усмешкой вспомнит и обронит: «Я ведь враг народа...».

«НЕ КРЕСТ – БЕСКРЕСТЬЕ МЫ НЕСЁМ...»

Был до недавнего времени в Ханты-Мансийске поминальный Крест на месте массовых расстрелов репрессированных. Были щиты с фамилиями и именами тех, которые не знали, не могли понять, в чём их вина перед государством, за какие преступления их заклеили врагами народа, унизили, растоптали, уничтожили, к которым каждую осень, в предпоследний день октября, приходили родственники положить цветы, поклониться и молча постоять. Крест, на котором укреплена табличка с надписью «На этом месте будет воздвигнута часовня», был освящён батюшкой. Но вместо часовни воздвигли на этом месте, на костях невинно убиенных огромный концертно-театральный комплекс. И без того скромный мемориал сразу стал ещё неприметнее и сиротливей.

Крест стоял долго. Потом его тихо убрали. До осени 2004 года жители Ханты-Мансийска ещё могли увидеть красный щит с белой надписью «Жертвам политических репрессий 1937-1942 годов». Но и его одним из сентябрьских дней не стало. Лишь рядышком стоит одинокое деревце. Черёмуха. Будет ли стоять завтра?

Когда-нибудь история всё окончательно расставит на свои места. Но чтобы не повторилось то горькое страшное прошлое вновь, мы должны всё помнить, передавать эту скорбную память как неугасимый, вечный огонь, как неотъемлемое связующее звено в цепи поколений нашим детям, внукам, правнукам. И тогда, возможно, не случится так, что:

«Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластанным с пулей в затылке
И со штыком в животе»

*Максимилиан Волошин.
«Терминология», 1921 г.*

Но подобное может случиться с нами, если мы забудем, если малодушно позволим забыть другим то непоправимое, что случилось с тысячами и тысячами людей в тридцатые и сороковые годы двадцатого века.

Нет у них могил, нет крестов, как у других, куда по древнему русскому обычаю хотя бы раз в год приходят потомки вспомнить своих усопших родичей. Так пусть будет хоть какой-то памятный знак, например, камень-валун у того чудом оставшегося деревца, в память о тех, кто лежит в этой земле, и в назидание нам, живущим, чтобы помнили.

Гостиная журнала «Лиффт»

Беларусь

Александр
Патрушев

Когда я ощущаю пробужденье
Дремавшего сознания моего,
Я вспоминаю образа явленья,
В котором зрело света волшебство.

Но то ли образ – пламени рассвет,
Зарницы всполох в тёмных небесах,
Мне от него ни беспокойства нет,
Ни зла, рождающего страх.

Его сияние – маяк в моём пути,
И дорог мне в сплетенье счастья-бед
Его томительный, загадочный почти
И бесконечно щедрый свет.

Дарил ли он тепло и верность мне
В светлейшие часы туманных лет,
Когда ещё в чувствительном огне
Рассудок не был мой согрет?

Желанная, кто этот свет рассудит,
Кто знает ценность этого огня?..
Тем искренней и добродушней будет
Твоё сиянье для меня.

Станным взглядом смотрю на себя – нужен ответ:
Бог – это то, что во мне или то, чего нет?

Полдень полон лазури и мир полон народа;
Бог – это мы? тогда что же такое природа?

Полночь, крылья расправив, парит коршуном... Или
Бог – это сон, состоящий из солнечной пыли?

Плачь, убитый, и кто не рождён, солоно плачь.
Плачу и я – вечная жертва, вечный палач.

Вечный огонь

Александра
Дарина

Валентин
Овсянников-Заярский

АЛЕКСАНДРА ДАРЬИНА

ПОСТАВИМ ПАМЯТЬ В КАРАУЛЫ

Мы не были на той войне,
 Зато там были наши деды
 И не считали свои беды,
 За всех сгорая в том огне.
 Мы не были на той войне,
 Но на стене портрет солдата...
 Лицо, похожее на брата,
 С винтовкой старой на ремне.
 Мы не были на той войне,
 Нам бабушка читает письма,
 Что дед прислал ей из-за Вислы,
 И плачет, прислонясь к стене...
 В той, незнакомой стороне
 Есть одинокая могила...
 Прощенья бабушка просила,
 Что не смогла побыть на ней,
 Ему представить сыновей.
 Она сейчас на той войне.
 Поставим
 память
 в караулы.

ПОКАЯНИЕ

Мы каждый год Победу отмечали,
 Шумели на бульварах, площадях.
 И всех ушедших, вроде, поминали,
 Поднявши стопку в праведных руках.
 Мы верили: герои не забыты,
 Зажгли повсюду Вечные огни...
 А что в лесах валяются размыты
 Бойцов останки – не кричат они.
 Не требуют, во сне не беспокоят:
 Предать земле, оповестить родных...
 Не на колени пали – бились стоя.
 За что же мы озлобились на них?
 За то, что жизнь отдали не торгуясь,
 Всё, что могли, и даже сверх того.
 Над ними льют дожди,
 висят туманы, хмураясь...
 Прошли десятки лет, винить кого?
 Десятки лет прошли со дня Победы,
 У Вечного – гуляющих толпа.
 Но до сих пор, как памятники бедам,
 Поверх земли белеют черепа.

ПОХОРОНКА

Старела, на глазах старела...
 А детвора её смотрела...
 Глаза, округлые с испуга –
 Мела на косы маме вьюга...
 И, повязав платок по-вдовьи,
 Прощалась женщина с любовью...
 И билась в столах, подвывая,
 Своё обличие теряя.

И этот крик подбитой птицы
 Морщины рисовал на лицах...
 И настужь брошена калитка
 Для утешающих – визиткой.
 До срока женщина седела –
 Ей вьюга в волос сатанело
 Швыряла снег... И тут успела.
 Старела, на глазах старела.

ВАЛЕНТИН ОВСЯННИКОВ-ЗАЯРСКИЙ

29 сентября, на 85 году жизни ушел из жизни член Союза российских писателей, капитан ФСБ РФ, член Союза офицеров запаса органов Государственной безопасности Тюменской области «Чекист», член Офицерского собрания офицеров запаса «Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил России» (МЕГАПИР), Нижневартковский поэт и прозаик-публицист, участник трудового фронта Великой Отечественной войны 1941-1945 годов Валентин Петрович Овсянников-Заярский.

Более 30 лет он прожил в Нижневартовске. В 1991 году вышла его первая книга - поэма «Хатынь». Всего он подарил своим читателям 28 книг, среди которых в том числе и документальная проза: «Молодые таланты Нижневартовска», книга о спортивных достижениях нижневартовцев «Гордись мой город!», книга «Сибирь моя – ты свет моей любви!», посвященная 45-летию Нижневартовска.

Валентин Петрович был председателем Совета Ветеранов Нижневартовской городской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, вел активную общественную деятельность, уделял много сил и особое внимание патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Авторы журнала

Акимов Валерий	117
Александрова Марина	174
Битюкова Екатерина	35
Герасимов Владимир	8
Губина Ольга	82
Гультяева Ольга	62
Дарьина Александра	194
Зиборова Надежда	104
Зевакин Алексей	78
Зуева Тамара	144
Зубарев Георгий	54
Ил-Лиорве Талиессин	41
Исаева Любовь	98
Картишкина Валентина	89
Квашнин Владимир	140
Киселёв Анатолий	107
Кокорин Дмитрий	55
Колесова Наталья	52
Кошкарёва Альбина	134
Крымова Надежда	86
Матвеева Ирина	168
Медведев Валерий	66
Мищенко Александр	17
Неркаги Анна	150
Падышев Сергей	39
Полтавенко Наталья	33
Попова Зинаида	73
Овсянников-Заярский Валентин	195
Раткевич Александр	162, 188
Романова Мила	11
Тарабаева Ирина	171
Таран Геннадий	137
Ткачев Богдан	119
Ткачук Леонид	14
Северский Игорь	114
Смирнов Александр	50
Суворова Олеся	56

Чемакина Наталья	94
Черкашин Павел	178
Шевелева Ирина	48
Шум Данил	72

Издательство ЛиФФт
Приложение «Первого Всероссийского литературного журнала ЛиФФт»
«Литературный Журнал ЛиФФт» №2
Тюменская область

Подписано в печать 27.11.2018
Издание отпечатано в типографии
ГАУК ТОНБ
625000, Тюменская область,
г. Тюмень, ул. Орджоникидзе, 59
Телефон 8(3452) 565-300, доп. 1192, 4123

ISBN 978-5-6041501-5-3

9 785604 150153

